

ТЕМНЫЙ ЛЕС

Лю Цысинь

«"ТЕМНЫЙ ЛЕС"
ПРЕДЛАГАЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ ИСПЫТАНИЕ
ДЛИНОЙ В 400 ЛЕТ».

THE DENVER POST

fanzon

В память о прошлом Земли

Лю Цысинь
Темный лес

«ЭКСМО»

2008

УДК 821.581-312.9(73)

ББК 84(5Кит)-44

Цысинь Л.

Темный лес / Л. Цысинь — «Эксмо», 2008 — (В память о прошлом Земли)

ISBN 978-5-04-090294-1

Продолжение феноменальной «Задачи трех тел», романа великого китайского фантаста Лю Цысиня. Трисолярианский кризис продолжается. У землян есть 400 лет, чтобы предотвратить инопланетное вторжение. Но угроза полного уничтожения, вопреки ожиданиям, не объединяет человечество. Сверхдержавы отстаивают свои интересы, космические флоты, становясь независимой политической силой, вовсе теряют связь с Землей. Тотальный контроль над научно-техническими разработками со стороны чужой цивилизации, во много раз превосходящей нашу в развитии, не оставляет людям шанса на победу. Исход войны решат проекты «Отвернувшихся» — лучших мыслителей планеты. Продолжение трилогии «В память о прошлом Земли» самого популярного китайского писателя Лю Цысиня удостоилось положительных отзывов критиков и вошло в рейтинги лучших НФ-романов последних лет. Подробный гид по творчеству Лю Цысиня читайте в ЛитРес: Журнале

УДК 821.581-312.9(73)

ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-04-090294-1

© Цысинь Л., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Предисловие переводчика на русский язык	7
Действующие лица	8
Пролог	9
Часть I	16
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Лю Цысинь Темный лес

####

###

© 2008 by ### (Liu Cixin)

© FT Culture (Beijing) Co., Ltd.

All Rights Reserved

Иллюстрации на обложке и в тексте *Николая Плутахина*

© Д. Накамура, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Лю Цысинь – самый популярный из писателей-фантастов Китайской Народной Республики. Лю восемь раз удостоивался премии «Галактика» (китайский «Хьюго»). Роман «Задача трех тел» удостоился премий «Небьюла» и «Хьюго».

Писатель родился 23 июня 1963 года в семье шахтера в Янцюане, провинции Шаньси. Спасаясь от последствий «культурной революции», родители перевезли его в Хэнань. В 1988 году Лю окончил Северо-Китайский университет водного хозяйства и электроэнергетики. Работал инженером на электростанции в Янцюане, где проживает поныне с женой и дочерью.

«Темный лес» предлагает человечеству испытание длиной в 400 лет».

The Dever Post

«Сила Лю как писателя – сплав богатого воображения с поразительным детальным повествованием».

The Washington Post

«Темный лес» во всех смыслах лучше «Задачи трех тел» – а «Задача трех тел» была удивительной.

Booklist

«Книги Лю Цысиня интересны тем, кто хочет вспомнить научную фантастику старой школы, Айзека Азимова и Артура Кларка, или просто быть в курсе современных тенденций иностранной фантастической литературы».

Geektimes

Предисловие переводчика на русский язык

Как и первая книга трилогии, этот роман переведен на русский с издания на английском. Когда работавшие над книгой сомневались в точности английского перевода, на помощь приходил Альберт Крисской – специалист-китаевед, свободно читающий по-китайски, человек, помогавший нам в работе над всей трилогией. С его помощью удалось восстановить важный фрагмент текста оригинала, опущенный в английском переводе, и исправить несколько других ошибок.

В романе довольно много научно-технической терминологии. Для удобства читателей специальные термины поясняются сносками. В тексте упоминаются и различные события китайской истории, от сотворения мира (миф о Пань-гу) до наших дней. Они также разъясняются в сносках и в ссылках на ресурсы Интернета. Некоторые сноски принадлежат переводчику с китайского на английский, Джоэлу Мартинсену. Они помечены как «прим. Дж. М.». Остальные принадлежат переводчику на русский язык.

Перевод этого романа был бы невозможен без помощи и поддержки со стороны Ольги Глушковой, Андрея Сергеева и Аэлиты Тимошенко. На их долю пришлось больше половины работы. Очень помогли советы хорошо знающего Китай Альберта Крисского.

Всем большое спасибо!

Дмитрий Накамура

Действующие лица

Организации

ОЗТ, Общество «Земля – Трисолярис»

СОП, Совет обороны планеты

ККФ, Конгресс космических флотов

Люди

В китайских именах первой идет фамилия

Ло Цзи, астроном и социолог

Е Вэньцзе, астрофизик

Майк Эванс, финансист и фактический руководитель ОЗТ

У Юэ, капитан ВМФ Китая

Чжан Бэйхай, политкомиссар ВМФ Китая, офицер космических сил

Чан Вэйсы, генерал армии Китая, командующий космическими силами

Джордж Фицрой, генерал армии США, координатор Совета обороны планеты, военный советник проекта «Хаббл II»

Альберт Ринье, астроном, работающий с «Хабблом II»

Чжан Юаньчао, недавно вышедший на пенсию рабочий химического завода в Пекине

Ян Цзиньвэнь, вышедший на пенсию пекинский школьный учитель

Мяо Фуцюань, владелец угольных шахт в провинции Шаньси, сосед Чжана и Яна

Ши Цян, сотрудник отдела безопасности СОП по прозвищу Да Ши

Ши Сяомин, сын Ши Цяна

Кент, сотрудник ООН по связи с СОП

Сэй, Генеральный секретарь ООН

Фредерик Тайлер, бывший министр обороны США

Мануэль Рей Диас, бывший президент Венесуэлы

Билл Хайнс, британский нейрофизиолог, бывший президент Евросоюза

Кейко Ямасуки, нейрофизиолог, жена Хайнса

Гаранин, действующий председатель СОП

Дин И, физик-теоретик

Чжуан Янь, выпускница Центральной академии изящных искусств

Бен Джонатан, особый уполномоченный Конгресса космических флотов

Дунфан Яньсуй, капитан корабля «Естественный отбор»

Майор Сицзы, офицер-исследователь корабля «Квант»

Пролог

Маленький коричневый муравей уже позабыл о своем доме. Для погружающейся в сумрак земли, для звезд, возникающих в небе, прошло совсем немного времени – но для муравья пронеслись тысячелетия. Когда-то очень давно его мир перевернули вверх тормашками. Почва вдруг взмыла в небо, оставив вместо себя широкую и глубокую пропасть, а затем вновь обрушилась, заполняя ее. На краю перекопанной земли возвышалось одинокое черное образование. Такое часто случалось в этом огромном мире: почва исчезала и возвращалась; пропасти возникали и засыпались; вырастали каменные монолиты – как видимые свидетельства катастрофических перемен. Под лучами заходящего солнца муравей и сотни его соплеменников унесли выжившую царицу, чтобы основать новую империю. Сюда, на старое место, он забрел случайно: в поисках пищи.

Муравей подобрался к подножию монолита, ощущая антеннами его давящее присутствие. Поверхность была твердой и скользкой, но все же по ней можно было взобраться. Муравей пополз вверх, движимый не какой-то определенной целью, а лишь случайными процессами в его несложной нейронной сети. Такие процессы шли везде: в каждой травинке, в каждой капле росы на листе, в каждом облаке в небе и в каждой звезде. У этого беспорядочного движения атомов не было никакой цели; потребовалось целое море случайного шума, чтобы цель зародилась.

Муравей почувствовал дрожание земли; оно усиливалось, и муравей понял, что приближается какое-то гигантское существо. Он продолжил подъем, не обращая на это внимания. Подножие монолита затягивала паутина. Муравей был настороже. Он осторожно обогнул висящие липкие волокна и прошел мимо паука, который замер в ожидании, положив лапы на паутинки, чтобы вовремя почувствовать добычу. Оба знали о присутствии друг друга, но не общались – и так неизменно в течение тысячелетий.

Дрожь дошла до максимума и прекратилась. Гигант остановился возле каменного образования. Намного выше муравья, он закрывал собой большую часть неба. Муравей был знаком с подобными существами. Он знал, что они живые, часто бывают в этой местности и их действия тесно связаны с пропастями и каменными глыбами.

Муравей продолжал подъем, зная, что за редким исключением существа не представляли опасности. Далеко внизу паук как раз столкнулся с одним таким исключением, когда существо, по-видимому, заметило его паутину, растянутую между каменным образованием и землей. Существо держало в одной руке букет; стеблями цветов оно смахнуло в бурьян и паука, и его паутину. Затем существо аккуратно положило букет перед монолитом.

После этого новая вибрация земли, слабая, но усиливающаяся, поведала муравью, что второе живое существо, подобное первому, приближается к каменному образованию. В этот момент муравей обнаружил длинное углубление в поверхности камня – почти белое, с более грубой поверхностью. Муравей повернул туда, чтобы было легче ползти. Оба конца углубления оканчивались канавками покороче и потоньше; из горизонтального основания шла главная колея, а верхняя канавка отходила под углом. Когда муравей добрался до гладкой черной поверхности, он понял форму этих углублений:

1

Рост существа перед монолитом внезапно вдвое уменьшился, сравнившись с высотой каменного объекта. По-видимому, оно встало на колени. Показался клочок темно-синего неба с разгорающимися звездами. Глаза существа обратились к вершине камня; муравей застыл

на мгновение, раздумывая, появляться ли в поле его зрения. Решил, что не стоит, и повернул параллельно земле. Быстро достиг следующего углубления и замедлил ход, наслаждаясь путешествием. Цвет этой канавки напомнил ему о цвете яиц, окружавших царицу семьи. Без колебаний муравей пополз по этому углублению вниз. Через некоторое время выяснилось, что путь изгибается более сложным образом, образуя кривую под окружностью. Это напомнило муравью о том, как он искал дорогу домой по запаху. В его мозгу отложилась фигура:

9

Существо, стоящее на коленях перед монолитом, издало набор звуков, которые муравей был неспособен понять:

– Какое счастье быть живым... Если не понимать этого, то как же можно задумываться о чем-то более сложном?

Существо издало еще один звук, подобный шелесту ветра в траве – вздох, и встало с колен.

Муравей продолжал ползти параллельно земле и обнаружил третье углубление. Оно было почти вертикальным, пока не повернуло вот так:

7

Эта фигура муравью не понравилась. Крутой, неожиданный поворот зачастую предвещает опасность или сражение.

Голос первого существа заглушил дрожь земли. Муравей только сейчас понял, что второе существо уже стоит возле каменного объекта. Оно было невысоким и более хрупким, с седыми волосами, которые развевались на ветру и поблескивали серебром на темно-синем фоне неба.

Первое существо обернулось и поприветствовало второе:

– Доктор Е, не так ли?

– А вы... Сяо¹ Ло?

– Ло Цзи. Я учился в школе с Ян Дун. Почему вы... здесь?

– Тут спокойно и легко добраться на автобусе. В последнее время я довольно часто прихожу сюда погулять.

– Примите мои соболезнования, доктор Е.

– Прошлого не воротишь...

В самом низу монолита муравей хотел повернуть вверх, но обнаружил впереди другую канавку, точно такую же, как «9», по которой он добрался до «7». Муравей продолжил свой путь горизонтально, через «9», которая ему понравилась больше, чем «7» и «1», хотя он и не мог точно сказать почему. Его чувство прекрасного было весьма примитивно. Проползая через «9», он ощущал невятное удовольствие – некое одноклеточное счастье. Чувства эстетики и удовольствия у муравьев не развиваются с течением времени – какими они были сто миллионов лет назад, такими же останутся и еще через сто миллионов лет.

– Сяо Ло, Дундун часто упоминала вас. Она говорила, что вы занимаетесь... астрономией?

– Это было давно. Теперь я преподаю социологию в колледже. В вашем, кстати, хоть вы уже отошли от дел, когда я приступил к работе.

– Социология? Это крутая перемена.

– Пожалуй. Ян Дун всегда утверждала, что я не создан для работы над чем-то одним.

¹ Сяо – это уменьшительное обращение, означающее *маленький* или *юный*. Используется перед фамилией, когда обращаются к детям или взрослым, которым хотят показать свое расположение. (Прим. перев.)

– Она не шутила, когда говорила, что вы умны.

– Я всего лишь способный. До уровня вашей дочери недотягиваю. Просто я почувствовал, что астрономия – наука тяжелая, неподатливая, как слиток металла. Социология же как деревяшка; где-нибудь всегда найдется слабое место, чтобы проковырять для себя дырку. Работать в области социологии легче.

В надежде найти еще одно «9» муравей продолжал ползти горизонтально. Однако следующая канавка, которую он нашел, была простой линией, такой же, как и самая первая, только длиннее, чем «1», лежала на боку и не имела маленьких канавок на концах:

—

– Не говорите так о себе. Это жизнь обычных людей. Не всем дано быть такими, как Дундун.

– Но я и вправду неамбициозен. Плыву себе по течению...

– Тогда я могу кое-что предложить. Почему бы вам не изучать космическую социологию?

– Космическую социологию?

– Это случайно пришедшее в голову название. Предположим, что во Вселенной имеется множество цивилизаций. Столько же, сколько и звезд. Очень много. Из этих цивилизаций состоит космическое общество. Космическая социология – это наука о природе такого сверхобщества.

Муравей уполз не далеко. Он надеялся, что, выбравшись из «—», найдет приятную взору «9». Но вместо того обнаружил «2» – с приятной кривой, оканчивающейся, однако, столь же пугающим, сулящим неопределенное будущее острым углом, как и «7». Муравей пополз дальше, к следующей канавке, которая оказалась замкнутым кольцом: «0». Эта фигура была частью «9», но представляла собой ловушку. Жизнь нуждается не только в гладком пути, но и в направлении – нельзя постоянно возвращаться к исходной точке. Это муравей понимал. Впереди были еще два углубления, но муравей потерял интерес. Он вновь устремился наверх.

– Но... мы пока знаем только об одной цивилизации – нашей собственной.

– Вот поэтому никто еще такой науки не придумал. Это ваш шанс.

– Очень интересно, доктор Е. Продолжайте, пожалуйста.

– Я полагаю, что эта наука может объединить обе ваши специальности. Математическая структура космической социологии проще, чем человеческой.

– Почему вы так думаете?

Е Вэньцзе указала на небо. На западе догорали последние лучи заката. Звезд было так немного, что их все можно было пересчитать по пальцам. Нетрудно было вспомнить, как выглядел мир лишь мгновение назад: бескрайний простор, а над ним – голубая пустота, лицо без зрачков, как у мраморной статуи. Зато теперь, хоть звезд светилось всего ничего, в гигантских глазах загорелись зрачки. Пустота заполнилась, и Вселенная стала зрячей. Звезды были маленькими серебристыми точками, которые намекали на какое-то беспокойство их создателя. Космический скульптор чувствовал необходимость разбросать зрачки по Вселенной, но в то же время ужасно боялся дать ей зрение. Маленькие звездочки, рассеянные по огромному пространству, были компромиссом между желанием и страхом – но прежде всего проявлением осторожности.

– Вы видите, что звезды – это точки? Хаос и случай влияют на устройство любого цивилизованного общества во Вселенной. Но дистанция размывает их влияние. Поэтому такие удаленные цивилизации можно рассматривать как точки отсчета, к которым относительно несложно применить математические методы анализа.

– Но ведь в вашей космической социологии нечего изучать, доктор Е. Ни опросы, ни эксперименты невозможны.

– Разумеется, результат ваших исследований будет чисто теоретическим. Начните с нескольких простых аксиом, как в евклидовой геометрии, а затем выведите из них всю теорию.

– Весьма любопытно. Но какими, по вашему мнению, могли бы быть такие аксиомы?

– Аксиома первая: выживание является основной потребностью цивилизации. Аксиома вторая: цивилизация непрерывно растет и расширяется, но объем вещества во Вселенной остается неизменным.

Муравей прополз немного и заметил, что наверху есть еще много углублений, образующих сложный лабиринт. Муравей мог ощущать форму и был уверен в своей способности разобраться с ними. Но из-за ограниченной памяти он был вынужден забыть те фигуры, через которые прополз раньше. Он не сожалел, что забыл «9»: потеря знаний была частью его жизни. Ему нужно было постоянно хранить лишь несколько воспоминаний; они были закодированы в его генах, в той области памяти, которую мы называем инстинктом.

Очистив память, муравей заполз в лабиринт. Сделав несколько поворотов, он своим нехитрым разумом определил еще одну фигуру: китайский иероглиф «му», означающий «могила» – хотя муравей не знал ни иероглифа, ни его смысла. Выше находился еще один набор углублений, на этот раз попроще. Но, чтобы продолжить исследования, муравей был вынужден забыть «му». Он попал в великолепную канавку, своей формой напугавшую его брюшко мертвого кузнечика, которого он не так давно нашел. Канавка вскоре приняла форму иероглифа «чжи» – притяжательного местоимения. Выше муравей нашел еще две бороздки. Первая, в форме двух каплевидных углублений и брюшка кузнечика, являлась иероглифом «дун», который означал «зима». Верхняя бороздка состояла из двух частей; вместе они были иероглифом «ян», означавшим «тополь». Это была последняя фигура, которую муравей запомнил, и единственная, которую он удержал в памяти. Все обнаруженные ранее интересные фигуры были забыты.

– Эти две аксиомы хорошо продуманы с точки зрения социолога... Но вы выдали их мне так быстро, как будто давно уже их подготовили, – удивился Ло Цзи.

– Я раздумывала над этим большую часть своей жизни, но до сих пор никогда ни с кем не обсуждала. Не знаю почему... И еще: чтобы из этих двух аксиом вывести базовую модель космической социологии, вам потребуются две важные концепции: цепочки подозрений и технологический взрыв.

– Любопытные термины. Вы можете их пояснить?

Е Вэньцзе взглянула на часы.

– У меня мало времени. Но вы достаточно сообразительны, все поймете сами. Сделайте эти две аксиомы отправной точкой вашей науки, и вы сможете стать Эвклидом космической социологии.

– Я не Эвклид. Но я запомню ваши слова и попробую. Однако мне может понадобиться ваш совет.

– Боюсь, такой возможности не представится... Впрочем, вы можете забыть все, что я сказала. В любом случае, я сделала то, что должна была сделать. Мне пора, Сяо Ло.

– До свидания, профессор.

Е Вэньцзе растворилась в сумерках, торопясь на последнее собрание соратников.

Муравей продолжил подъем и достиг круглой выемки на поверхности камня. На ее плоскости располагалось сложное изображение. Муравей знал, что оно не поместится в его маленьком мозгу. Но, определив форму изображения в целом, его примитивное чувство прекрасного возликовало так же сильно, как и при виде фигуры «9». Каким-то образом муравей узнал часть изображения – это была пара глаз. Муравей умел распознавать глаза, поскольку пристальный взгляд означал опасность. Но сейчас он не беспокоился, потому что в этих глазах не было жизни. Он уже забыл, что смотрел в глаза, когда гигант Ло Цзи стоял на коленях перед камнем. Муравей выбрался из выемки на самый верх каменного образования. Он не чувствовал высоты,

поскольку не боялся упасть. Его без вреда сдувало и с больших высот. А красоту высоты не ощутить без страха падения.

У основания монолита паук, которого Ло Цзи смахнул букетом, уже начал плести новую паутину. Он прикреплял блестящую ниточку к камню и спускался на ней до земли, раскачиваясь, как маятник. Еще три раза – и основа сети будет готова. Можно было порвать паутину десять тысяч раз – паук восстановит ее, не испытывая ни раздражения, ни счастья... раз за разом в течение ста миллионов лет.

Ло Цзи постоял в молчании, а затем удалился. Когда земля прекратила трястись, муравей сполз с каменного образования. Ему нужно было торопиться в муравейник и доложить о находке мертвого жука. Звезды заполнили собой все небо. Когда муравей разминутся с пауком у основания камня, оба почувствовали присутствие другого, но не подали виде.

Далекий мир затаил дыхание, прислушиваясь. Ни муравей, ни паук не осознавали того, что лишь они двое из всех живущих на Земле стали свидетелями рождения новой науки.

* * *

Незадолго до описываемых событий, глубокой ночью Майк Эванс стоял на носу «Дня гнева», а Тихий океан расстилался вокруг, словно атласное полотно под небесами. Эванс любил беседовать в это время с далеким миром, поскольку текст, проецируемый софонами на сетчатку его глаз, великолепно выделялся на фоне ночного моря и темного неба.

Это наш двадцать второй разговор в реальном времени. У нас возникли некоторые трудности в общении.

– Да, Господь мой. Я так понимаю, что значительная часть справочных материалов по человечеству, которые мы тебе послали, вызывает у тебя недоумение?

Верно. Вы очень понятно объяснили нам каждую мелочь, но у нас не складывается цельная картина. Мы что-то упускаем.

– Лишь что-то одно?

Да. Иногда нам кажется, что в вашем мире чего-то не хватает; а иногда кажется, что в нем есть что-то лишнее, – и мы не знаем, что это.

– Что именно тебе непонятно?

Мы тщательно изучили ваши документы и обнаружили, что ключ к пониманию проблемы лежит в паре синонимов.

– Синонимов?

В ваших языках много синонимов – полных и неполных. В самом первом языке, который мы получили от вас – китайском, есть слова, которые означают одно и то же: «холод» и «прохлада», «тяжелый» и «увесистый», «длинный» и «долгий».

– Какая именно пара синонимов осложняет твое понимание?

«Думать» и «говорить». Мы только что осознали, к нашему удивлению, что они не синонимы.

– Они вовсе не синонимы!

В нашем понимании, они должны ими быть. «Думать» означает использовать мыслительные органы для размышлений. «Говорить» означает передавать содержимое мыслей другому. Последнее в вашем мире делается посредством вибраций воздуха, производимых голосовыми связками. Наши определения верны?

– Да. Но разве это не демонстрирует, что «думать» и «говорить» не синонимы?

Как мы понимаем, это показывает, что они синонимы.

– Позволь, я немного поразмыслию об этом.

Хорошо. Нам обоим надо подумать над этим.

Две минуты Эванс смотрел на бегущие под звездами волны и размышлял.

– Господь, какие части тела вы используете для общения?

У нас нет частей тела для общения. Наш мозг излучает мысли в окружающую среду, осуществляя передачу информации.

– Излучает мысли? Каким образом?

Мыслительные процессы в нашем мозгу создают электромагнитные волны всех частот, включая видимый для нас свет. Мы можем видеть такие волны на значительном расстоянии.

– Получается, для вас думать и говорить – одно и то же?

Потому эти слова и являются синонимами.

– Вот как... У нас это делается иначе. Но даже это различие не должно мешать тебе понимать наши документы.

Верно. Мы с тобой не так уж отличаемся в области мышления и обмена информацией. И у тебя, и у меня есть мозг, и в этом мозге имеется достаточное количество нервных связей, чтобы быть существом разумным. Разница в том, что мой мозг создает более сильные волны, а мозг моего собеседника их воспринимает. Другие органы общения нам не нужны. Это единственное, что отличает меня от тебя.

– Нет. Я подозреваю, что ты не видишь еще одного существенного различия. Господь мой, позволь мне подумать еще.

Хорошо.

Эванс ушел с носа и стал прогуливаться по палубе. За бортом беззвучно поднимались и опускались волны Тихого океана. Он представил себе океан как мыслящий мозг.

– Господь, позволь мне рассказать одну историю. Чтобы ее понять, нужно знать следующие понятия: волк, ребенок, бабушка и дом в лесу.

Все эти понятия мне известны, за исключением слова «бабушка». Я знаю, что это степень кровного родства у людей и что этот термин обычно означает пожилую женщину. Но чтобы уяснить себе точное значение этого слова, нужны дополнительные сведения.

– Господь, это неважно. Достаточно знать, что она и дети являются близкими родственниками. Дети доверяют только ей.

Понятно.

– Я упрощу рассказ. Бабушке нужно было куда-то пойти, и она оставила детей в доме. Она наказала им держать дверь закрытой и никому, кроме нее, не открывать. По дороге бабушка встретила волка. Волк ее съел, надел ее одежду и стал похож на бабушку. Затем волк направился к дому, подошел к двери и сказал детям: «Я ваша бабушка, я вернулась. Откройте мне дверь». Дети посмотрели в щелку, увидели кого-то, похожего на бабушку, и открыли дверь. Волк вошел внутрь и съел детей. Господь, тебе понятна эта сказка?

Никоим образом.

– В таком случае я, похоже, угадал.

Прежде всего волк хотел попасть в дом и съесть детей, так?

– Так.

Волк приступил к общению с детьми, верно?

– Верно.

Вот этого я и не понимаю. Ведь чтобы осуществить свое намерение, волк не должен был разговаривать с детьми.

– Почему?

Разве это не очевидно? Если бы они разговаривали, то дети узнали бы, что волк хочет проникнуть в дом и съесть их. Тогда они не открыли бы дверь.

Эванс некоторое время хранил молчание. Наконец он произнес:

– Я понял, Господь. Теперь я понял.

Что именно ты понял? Разве мои рассуждения не очевидны?

– Твои мысли видны всем окружающим. Ты не можешь их скрыть.

Как можно скрыть мысли? Твои идеи сбивают меня с толку.

– Я имею в виду, что твои мысли и воспоминания ясно видны внешнему наблюдателю, словно книга, выставленная на публичное обозрение, или кино, которое показывают на площади, или как рыбки в прозрачном аквариуме. Видны полностью. Их легко прочесть с одного взгляда. Ну, может быть, кое-какие из тех слов, что я употребил...

Эти слова мне известны. Но разве все это не естественно?

Эванс снова немного помолчал.

– Вот, значит, как... Господь, когда ты разговариваешь с другими, все, что ты произносишь, является правдой. Ты не можешь хитрить или обманывать; ты не пользуешься сложным, стратегическим мышлением.

Мы можем общаться на значительном расстоянии, а не только лицом к лицу. Слова «хитрить» и «обманывать» относятся к тем, которые нам не удастся понять.

– Каким же должно быть общество, если мысли видны всем? Какая разовьется культура? Какой будет политика? При том, что нет ни притворства, ни интриги?!

Что такое «притворство» и «интриги»?

Эванс не ответил.

Человеческие органы общения – это дефект эволюции, вынужденная компенсация за то, что ваш мозг не способен излучать достаточно сильные волны. Это одна из ваших биологических слабостей. Прямая передача мыслей – намного лучший, гораздо более эффективный метод общения.

– Дефект? Слабость? Нет, Господь, ты ошибаешься. На этот раз ты совершенно не прав.

В самом деле? Дай мне подумать. Как жаль, что ты не можешь видеть мои мысли.

На этот раз пауза была длиннее. Прошло двадцать минут, а новых сообщений все не было. Эванс прошелся от носа до кормы, посматривая на косяк рыб, выпрыгивавших навстречу звездам и оставлявших серебристые дуги на поверхности океана. Несколько лет назад Эванс провел некоторое время на борту рыболовного траулера в Южно-Китайском море, изучая влияние чрезмерного отлова рыбы на прибрежную жизнь. Рыбаки тогда называли прохождение косяка летучих рыб «маршем солдат-драконов». Эвансу оно казалось текстом, проецируемым на глаз океана. Затем перед его собственными глазами появился текст:

Ты прав. Пересматривая документы, я понимаю их немного лучше.

– Господь, понадобится приложить немало усилий, прежде чем ты полностью поймешь человечество. Я опасаясь, что это тебе никогда не удастся.

Дела человечества и в самом деле сложны. Сейчас я знаю лишь, почему не понимал их ранее. Ты прав.

– Господь, ты нуждаешься в нас.

Я вас боюсь.

Разговор закончился. Это было последнее сообщение с Трисоляриса, полученное Эвансом. Он стоял на корме и смотрел на снежно-белую надстройку «Дня гнева», исчезающую в ночном тумане, словно уходящее время.

Часть I

Отвернувшиеся

Третий год эры Кризиса
Расстояние между флотом Трисоляриса
и Солнечной системой: 4,21 светового года

«Он выглядит таким старым...»

Это была первая мысль У Юэ при взгляде на «Тан». Массивный корабль все еще строили, и он был залит светом электросварки. Конечно, это впечатление было всего лишь результатом бесчисленных мелких пятен TIG-сварки на легированной стали плит обшивки. Он попытался представить себе – впрочем, безуспешно, – каким крепким и новым будет выглядеть «Тан» под слоем свежей шаровой краски.

Только что завершился четвертый цикл учений. На протяжении двух месяцев командиры «Тана» У Юэ и стоявший рядом с ним Чжан Бэйхай играли неуютную роль. Строи эсминцев, подводных лодок и кораблей снабжения управлялись командирами их боевых групп. Но «Тан» все еще строился в доке, так что позиция авианосца была либо занята учебным судном «Чжэн Хэ», либо просто пустовала. Во время учебных занятий У Юэ часто устремлял взор на пустой рейд. Поверхность моря была пересечена многочисленными кильватерными струями и беспокойно волновалась в такт переменам настроения капитана. «Будет ли когда-нибудь корабль на этой стоянке?» – не раз спрашивал он себя.

Глядя на незавершенный «Тан», он видел не просто судно, но течение самого времени. Корабль походил на гигантскую древнюю крепость: борта – это каменные стены; каскады искр сварки, льющиеся со строительных лесов, – это плющ, пробившийся между камнями... Не строительство, а археологические раскопки какие-то...

Опасаясь даже думать об этом, У Юэ повернулся к Чжан Бэйхаю.

– Твоему отцу лучше? – спросил он.

Чжан Бэйхай слегка покачал головой.

– Нет. Он просто держится.

– Попроси отпуск.

– Я так и поступил, когда его госпитализировали. Если нужно будет, возьму еще.

Они замолчали. Так заканчивался любой неформальный разговор между ними. По работе, конечно, у них было о чем поговорить, но между двумя командирами всегда как бы стоял барьер.

– Бэйхай, работа будет не такой, как прежде. Раз уж мы сейчас разделяем эту должность, мне кажется, что нам надо бы общаться больше.

– Мы и раньше неплохо общались. Командование назначило нас обоих на «Тан», без сомнения, потому, что мы успешно сотрудничали на «Чанъане».

Чжан Бэйхай засмеялся, но У Юэ не понял причины смеха. Глаза Чжан Бэйхая могли читать в душе любого человека на корабле, от матроса до капитана. Коллега был для него открытой книгой. Но для самого У Юэ Чжан Бэйхай представлял собой загадку. Вот и сейчас У Юэ был уверен, что тот улыбается искренне, но не надеялся его понять. Успешное сотрудничество и успешное понимание – вещи разные. Несомненно, Чжан Бэйхай был самым опытным политическим комиссаром на корабле; к любой проблеме он подходил аккуратно, детально и непредвзято. Но его внутренний мир представлялся У Юэ каким-то бездонно-серым. Ему всегда казалось, будто Чжан Бэйхай говорит: «Делай вот так. Это наилучший, самый правильный способ. Но я предпочел бы другой». Это ощущение, поначалу неясное, постепенно становилось

все отчетливее. Разумеется, все, что делал Чжан Бэйхай, он делал наилучшим или самым правильным образом, но У Юэ не представлял, чего же именно Чжан Бэйхай хотел на самом деле.

У Юэ верил в одну истину: работа командира корабля опасна, и поэтому оба командира должны понимать друг друга без слов. Тут-то и крылась проблема. Поначалу У Юэ думал, что Чжан Бэйхай как бы постоянно настороже, и это его обижало. Будучи командиром эсминца – а эта должность не для слабонервных, – У Юэ вел себя честно и бесхитростно. Да другого столь прямодушного капитана во всем флоте не найти!

«Чего он во мне опасается?»

Когда отец Чжан Бэйхая недолгое время был их командиром, У Юэ обсуждал с ним свои трудности общения с комиссаром.

– Разве мало того, что он хорошо справляется с работой? Почему вам нужно знать, о чем он думает? – спокойно ответил адмирал, а потом, скорее всего, невольно, добавил: – Собственно, я и сам этого не знаю.

– Давайте подойдем поближе, – предложил Чжан Бэйхай, указывая на «Тан». Но вдруг у обоих одновременно запищали телефоны: пришло сообщение, отзывавшее их к автомобилю. Это обычно означало экстренную ситуацию, поскольку в машине стояло оборудование защищенной связи. У Юэ открыл дверцу и взял трубку. Звонил координатор из штаба боевой группы.

– Капитан У, для вас и комиссара Чжана от командования флота поступил особый приказ. Вы оба немедленно вызываетесь в Генеральный штаб.

– В Генеральный штаб? Но как же учения? Мы же должны провести пятое тактическое занятие! Половина кораблей уже в море, а остальные присоединятся завтра.

– Мне об этом ничего не известно. Приказ короткий, всего одно распоряжение. Разберетесь с остальным, когда вернетесь.

Капитан и комиссар недостроенного авианосца посмотрели друг на друга и в кои-то веки подумали одно и то же: «Кажется, место «Тана» в строю кораблей так и останется незанятым».

* * *

Форт Грили, Аляска. Олени, бегущие по заснеженной тундре, насторожились, почувствовав дрожь почвы. Белая полусфера перед ними раскрылась. Это гигантское яйцо, наполовину закопанное в землю, здесь уже давно. Олени всегда чувствовали, что оно чужое в этом замерзшем мире. Яйцо раскололось, испустило огонь и дым, а затем из него с ревом вылутился цилиндр и рванулся в небо, все ускоряясь и извергая пламя из нижнего конца. Окружающие яйцо сугробы разметало огнем и подняло в воздух, откуда они выпали каплями дождя. Когда цилиндр набрал достаточную высоту, взрывы, напугавшие оленей, затихли. Цилиндр исчез в вышине, оставив за собой длинный белый хвост, как будто заснеженная равнина была огромным комком пряжи, из которой чья-то гигантская рука вытянула в небо нить.

А в тысячах километров от точки пуска офицер целеуказания Рейдер, буркнув: «Проклятье! Еще несколько секунд, и я успел бы подтвердить отмену пуска!» – оттолкнул от себя мышь компьютера. Рейдер находился в диспетчерской системы защиты от ядерного нападения – одном из подразделений НОРАД, чья штаб-квартира располагалась на глубине триста метров под горой Шайенн.

– Я понял, что это была ложная тревога, как только система выдала предупреждение, – покачал головой Джонс, офицер слежения за орбитой.

– Тогда что же атаковала наша система? – спросил генерал Фицрой. Защита от ядерного нападения была лишь одной из нескольких обязанностей в его новой должности, и он еще плохо в ней разбирался. Глядя на мониторы, покрывающие всю стену, он пытался найти среди них похожие на те, что стояли в центре управления полетами НАСА, – с интуитивно понят-

ными графическими дисплеями, на которых светящаяся красная линия ползла синусоидой по карте мира в проекции Меркатора. Новичкам было все равно нелегко, но, по крайней мере, такой дисплей показывал, что что-то летит в космос. Здесь не было ничего столь простого. Линии на экранах казались генералу абстрактной, бессмысленной мешаниной. Не говоря уж о тех мониторах, по которым быстро бежали цифры, имеющие смысл только для дежурных офицеров.

– Генерал, вы помните, в прошлом году космонавты заменили отражающую пленку на универсальном модуле МКС? Они упустили старую пленку в космос. Это она и была – сбилась в комок, а потом развернулась под давлением солнечного ветра.

– Но... тогда ее были обязаны внести в базу данных целеуказания.

– Так она уже там. Вот...

Рейдер подвигал мышкой и вызвал страницу базы данных. Снизу, под сложным массивом текста, формул и графиков находилась неприметная фотография – вероятно, снятая через наземный телескоп, – на которой виднелась белая клякса на черном фоне. Высокий контраст изображения не позволял различить мелкие детали.

– Майор, раз уж вы об этом знали, почему не остановили программу пуска?

– Система должна была автоматически произвести поиск в базе данных. Человек не способен отреагировать достаточно быстро. Но данные из старой системы не были конвертированы для новой и поэтому не были подключены к модулю распознавания, – произнес Рейдер немного раздраженным тоном, будто говоря: «Я показал вам свое мастерство – в два счета вызвал цель на экран в ручном режиме, тогда как суперкомпьютер центра этого сделать не смог. И тем не менее я вынужден отвечать на ваши дурацкие вопросы».

– Генерал, мы получили приказ перейти в режим боевого дежурства, как только система перенесла точки перехвата в космос, но до того, как техники закончили калибровку программного обеспечения, – добавил дежурный офицер.

Фицрой не ответил. Голоса в зале управления раздражали его. Здесь, прямо перед ним, находилась первая в истории человечества система обороны планеты, на поверку оказавшаяся все той же старой системой обнаружения запуска ядерных ракет, которую всего лишь перестроили со слежения за континентами на слежение за космосом.

– А давайте сфотографируемся на память! – предложил Джонс. – Как-никак это был первый удар Земли по общему врагу!

– Здесь запрещено фотографировать, – холодно заметил Рейдер.

– Капитан, о чем вы говорите? – внезапно рассердился Фицрой. – Никакого врага система не обнаружила. Тоже мне «первый удар»!

В неловкой тишине кто-то напомнил:

– На перехватчиках установлены ядерные боеголовки.

– Да, полторы мегатонны. И что?

– Снаружи уже почти ночь. Учитывая координаты цели, мы могли бы увидеть вспышку!

– Вы можете ее увидеть на мониторе.

– Своими глазами интереснее! – принялся спорить Рейдер.

Джонс в волнении вскочил с места.

– Генерал, я... мое дежурство окончилось.

– И мое, генерал, – Рейдер тоже встал. Дань вежливости. Фицрой был высокопоставленным координатором Совета обороны планеты, но в системе НОРАД у него не было власти.

Фицрой махнул рукой.

– Я вам не начальник. Поступайте как знаете. Но позвольте напомнить, что в будущем нам, может быть, придется долго работать вместе.

Рейдер и Джонс поспешили наверх. Пройдя через многотонную дверь радиационной защиты, они оказались на вершине горы Шайенн. Вечерело, и небо было чистым, но они не увидели вспышки ядерного взрыва в космосе.

– Она должна быть вот здесь, – Джонс указал в небо.

– Наверное, мы ее прозевали. – Рейдер даже не посмотрел вверх. Затем с ироничной улыбкой проговорил: – Они что, на самом деле верят, что софон развернется в нижних измерениях?

– Вряд ли. Он разумен. Он не даст нам такого шанса, – ответил Джонс.

– Глаза нашей системы смотрят в небо. И напрасно. Как будто на Земле не от чего защищаться. Даже если бы все террористы во всех странах превратились в святых, есть еще ОЗТ, не так ли? – Рейдер фыркнул. – И СОП. Эти военные, очевидно, хотят засчитать себе еще одно достижение. Фицрой – один из них. Теперь они могут объявить первую фазу системы обороны планеты завершенной, хотя практически ничего не сделали с оборудованием. Единственная цель системы – не дать софону развернуться в нижних измерениях в ближнем космосе. Технология для этого даже проще, чем та, что перехватывает управляемые ракеты, поскольку если цель и в самом деле появится, она будет огромной... Капитан, именно поэтому я попросил тебя выйти со мной. Зачем ты вел себя как малое дитя со всем этим первым ударом и фотографией на память? Ты рассердил генерала. Не видишь, что он человек мелочный?

– Но... разве это не было комплиментом?

– Он же один из лучших пиарщиков армии. Он не собирается объявлять на пресс-конференции, что система ошиблась. Как и все остальные, он скажет, что это был успешный маневр. Сам увидишь, так и будет. – Рейдер прилег на землю и с тоской уставился в небо, на котором уже загорались звезды. – Ты знаешь, Джонс, если софон и в самом деле развернется снова, она даст нам шанс ее уничтожить. Это будет уже кое-что!

– Что с того? Факт остается фактом, что они летят к Солнечной системе прямо сейчас. Кто знает, сколько их... Эй, а почему ты назвал софон «она», а не «он» или «оно»?

Выражение на лице Рейдера сменилось на мечтательное.

– Вчера китайский полковник, только что прибывший к нам, сказал, что в Китае софон называют японским женским именем – Томоко².

* * *

Накануне Чжан Юаньчао оформил документы на пенсию и распрощался с химическим заводом, на котором проработал более четырех десятилетий. Послушать соседа, Лао Яна³, так сегодня началось его второе детство. Лао Ян уверял, что шестьдесят лет, как и шестнадцать, были лучшим временем в его жизни. Обязанности сорока- и пятидесятилетних уже позади, а болезни и медлительность семидесяти- и восьмидесятилетних пока только в перспективе. В этом возрасте можно наслаждаться жизнью. У сына и невестки Чжан Юаньчао была постоянная работа. Хоть сын и поздно женился, ждать внука осталось уже недолго. Ни Чжан, ни его жена не могли бы позволить себе здесь жить, но их старый дом снесли. Они получили компенсацию и уже год живут в новом доме...

Когда Чжан Юаньчао задумался об этом, он понял, что все в полном порядке. Он вынужден был признать, что по крайней мере в вопросах политики Лао Ян разбирается. И все-таки

² «Чжицзы» означает «мудрая частица». Иероглиф «частица», который произносят как «ко», часто встречается в женских именах в Японии. (Прим. Дж. М.)

³ Лао – «старый» – часто используется перед фамилией людей старше, чем говорящий, чтобы показать уважение или близкое знакомство. (Прим. Дж. М.)

сейчас, глядя в чистое небо из окна восьмого этажа, он не находил в своей душе даже простой радости, не говоря уже о наступлении второго детства.

Лао Ян – его полное имя было Ян Цзиньвэнь – до ухода на пенсию работал учителем в средней школе. Он часто повторял Чжан Юаньчао, что, если тот хочет наслаждаться закатом жизни, ему нужно учиться новому: «Вот, например, Интернет – любой ребенок может научиться им пользоваться; почему же ты не умеешь?» Он также указал на главнейший недостаток Чжан Юаньчао – отсутствие интереса к мировым проблемам: «Твоя старушка, по крайней мере, может смахнуть слезу, когда сидит и смотрит эти ужасные мыльные оперы. Но ты – ты вообще игнорируешь телевизор. Тебе стоило бы следить за тем, что происходит в стране и в мире. Это часть полноценной жизни». Чжан Юаньчао, коренной пекинец, был на удивление нелюбопытен, в отличие от большинства жителей столицы. В Пекине каждый таксист может читать лекции о внутренней и внешней политике. А Чжан Юаньчао если и мог правильно назвать имя президента, то определенно не знал, кто сегодня премьер-министр. Он даже этим гордился. Говорил, что живет размеренной жизнью простого человека, что ему незачем интересоваться всякой ерундой, что проблемы мира его не затрагивают, что таким образом он избегает ненужных волнений.

Ян Цзиньвэнь следил за международным положением и каждый день смотрел вечерние новости. На форумах Интернета он до хрипоты спорил о внутренней экономической политике и ядерном разоружении, но какая ему от этих дебатов польза? Правительство не прибавило к его пенсии ни гроша. Лао Ян отвечал: «Не смей меня. Ты думаешь, что все это не имеет значения? Что это тебя не касается? Послушай, старина Чжан, любое внутреннее или международное осложнение, любое постановление правительства и любая резолюция ООН влияет на твою жизнь – когда напрямую, когда косвенно. Ты думаешь, что вторжение США в Венесуэлу не имеет к тебе отношения? А ведь оно влияет на твою пенсию больше, чем ты думаешь, и речь тут уже не о каком-то жалком гроше». Тогда Чжан просто рассмеялся в ответ на тираду Лао Яна. Но теперь он понял, что сосед был прав.

Раздался звонок, и Чжан Юаньчао открыл дверь. Там стоял Ян Цзиньвэнь. Похоже, он только что вернулся с прогулки и был полон задора. Чжан Юаньчао впился в него жадным взглядом странника, который встретил в пустыне попутчика и не желает с ним расставаться.

– Я искал тебя, – проговорил Чжан. – Куда ты ходил?

– На рынок. Видел твою старушку, она покупала продукты.

– Почему в нашем доме тихо, как на кладбище?

– Сегодня рабочий день, только и всего! – рассмеялся Ян. – Ты первый день на пенсии. Такое чувство абсолютно естественно. По крайней мере, ты не был руководителем. Им еще хуже, когда они уходят на пенсию. А ты скоро привыкнешь. Пойдем посмотрим, что происходит в районном Доме культуры и чем мы можем развлечься.

– Нет, нет. Это не потому, что я на пенсии. Это потому, что... как бы это сказать? Меня пугает ситуация в мире.

Ян Цзиньвэнь наставил на него палец и рассмеялся.

– Ситуация в мире? Вот уж не думал, что когда-нибудь услышу от тебя такие слова!

– Ну да, раньше меня не заботили даже крупные проблемы. Но куда им до нынешних! Я и предположить не мог, что положение может стать настолько серьезным.

– Старина Чжан, это может показаться смешным, но я начал перенимать твой образ мышления. Меня все это больше не заботит. Веришь или нет, я уже две недели как не смотрел новости. Я раньше интересовался важными проблемами, потому что люди могли на них повлиять. Но на *это* никто не может повлиять. Так зачем напрягаться?

– Но как же это – не напрягаться? Человечество исчезнет через четыреста лет!

– Хм. И ты, и я исчезнем лет так через сорок.

– Но что будет с нашими потомками? Их ведь уничтожат!

– Меня это беспокоит куда меньше, чем тебя. Мой сын живет в Америке, женат, детей не хочет, так что мне без разницы. А семья Чжан просуществует еще дюжину поколений, так? Разве этого мало?

Чжан Юаньчао несколько секунд не отрывал взгляда от Ян Цзиньвэня, а потом посмотрел на часы и включил телевизор. В выпуске новостей речь шла о главных событиях дня.

Агентство АП сообщает, что 29 числа, в 6:30 вечера по восточному стандартному времени система национальной противоракетной обороны США успешно провела испытательный пуск и условное уничтожение софона, развернутого в нижних измерениях на околоземной орбите. Это уже третье испытание перехвата системой НПО с момента переноса целей в космос. Целью для испытания послужила отражающая пленка, отделившаяся от международной космической станции в октябре прошлого года. Представитель Совета обороны планеты сообщил, что перехватчик, оснащенный боеголовкой, успешно уничтожил цель площадью три тысячи квадратных метров. Это означает, что система НПО будет способна уничтожить софон прежде, чем он развернется в трехмерном пространстве и образует поверхность размером, достаточным для создания угрозы людям на Земле.

– До чего же бесполезное дело. Не будет софон разворачиваться, – сказал Ян и потянулся к пульту управления в руке Чжана. – Переключи лучше канал. Там могут показывать повтор полуфиналов Европейского кубка. Я вчера вечером заснул на диване...

– Дома посмотришь! – Чжан Юаньчао крепко держался за пульт. Выпуск новостей продолжался:

Лечащий врач академика Цзя Вэйлиня подтвердил, что смерть Цзя в 301-м военном госпитале наступила вследствие рака крови, иначе называемого лейкозией. Непосредственная причина смерти – отказ органов и кровопотеря на последних стадиях этой болезни. Аномалий не было. Цзя Вэйлинь, известный специалист по сверхпроводникам, внес существенный вклад в исследования высокотемпературной сверхпроводимости. Он умер десятого числа. Высказывания, что Цзя погиб от нападения софона, являются лишь домыслами. В другом отчете представитель министерства здравоохранения подтвердил, что несколько других смертей, предположительно от атаки софона, на самом деле вызваны обычными болезнями или несчастными случаями. Студия взяла об этом интервью у известного физика Дин И.

Корреспондент: Каково ваше мнение по поводу разрастающейся паники вокруг софонов?

Дин И: Паника вызвана недостаточным знанием физики. Представители правительства и научного сообщества уже неоднократно объясняли: софон – это всего лишь микроскопическая частица, которая, несмотря на свой разум, слишком мала и поэтому может лишь ограниченно влиять на макроскопический мир. Главная угроза человечеству, исходящая от софонов, заключается в том, что они вносят случайные ошибки в физические эксперименты с высокими энергиями, и в том, что они образуют квантово-запутанную наблюдательную сеть вокруг Земли. В своем микроскопическом состоянии софон неспособен убить или причинить вред иным способом. Если софон хочет произвести больший эффект в макроскопическом мире, он может это сделать, только развернувшись в нижних измерениях. Но даже тогда его влияние невелико, поскольку развернувшийся софон чрезвычайно слаб. Сейчас, когда у человечества появилась система обороны, софоны не могут развернуться, не предоставив нам тем самым отличный шанс их уничтожить. Я полагаю, что средства массовой информации должны шире распространять эти научные сведения, чтобы прекратить необоснованную панику.

На лестничной площадке послышались шаги, затем кто-то без стука вошел в гостиную и позвал: «Лао Чжан! Мастер Чжан!» Это был еще один его сосед, Мяо Фуцюань. Он владел немалым количеством угольных шахт в провинции Шаньси и был на несколько лет моложе, чем Чжан Юаньчао. У него был большой дом в другом районе Пекина, а в здешней квартире жила

его любовница родом из провинции Сычуань; она была почти такого же возраста, как дочь Мяо. Когда он въехал в квартиру, семьи Чжан и Ян просто игнорировали его присутствие, лишь однажды поругавшись из-за разбросанных по коридору вещей. Но постепенно они поняли, что он человек приличный и дружелюбный, несмотря на легкий налет вульгарности. После нескольких столкновений, судьей в которых выступил владелец дома, между тремя семьями воцарилась гармония. Хоть Мяо Фуцюань и говорил, что передал весь бизнес сыну, он по-прежнему оставался занятым человеком и появлялся редко. В трехкомнатной квартире обычно жила только женщина из Сычуани.

– Старина Мяо, тебя месяцами не было. Где тебе удалось озолотиться на этот раз? – обратился к вошедшему Ян Цзиньвэнь.

Мяо Фуцюань спокойно взял стакан, налил до половины воды из кулера и жадно выпил. Вытерев рот, он ответил:

– Никому уже не удастся озолотиться. На шахте проблемы, и мне предстоит с ними разбираться. Практически нам объявлена война. Государство больше не собирается шутить. Законы, запрещающие нелегальные шахты, никогда не работали, но теперь и самим шахтам осталось недолго.

– Наступили тяжелые времена, – подвел итог Ян Цзиньвэнь, не отрывая взгляда от телевизора, где шел футбольный матч.

* * *

Человек уже несколько часов лежал на кровати. Окно полуподвальной комнаты служило единственным источником освещения. Через него проглядывала луна, и ее холодные лучи отбрасывали на пол резкие тени.

Никто так и не узнал настоящего имени этого человека. Позже люди назвали его Вторым Разрушителем.

Второй Разрушитель провел несколько часов, вспоминая свою жизнь. Убедившись, что вспомнил все, он размял затекшие мышцы, полез под подушку, достал пистолет и поднес его к виску. В тот же самый момент перед его глазами появилось сообщение от софона.

Остановись. Ты нам нужен.

– Господь? Целый год каждую ночь мне снилось, что ты зовешь меня. Но недавно сны закончились. Я думал, что мне больше ничего не приснится, но, видимо, я ошибся.

Это не сон. Я общаюсь с тобой в режиме реального времени.

Разрушитель холодно рассмеялся:

– Хорошо. Значит, все кончено. На той стороне определенно снов не бывает.

Тебе нужны доказательства?

– Доказательства того, что на той стороне нет снов?

Доказательства того, что это на самом деле я.

– Отлично. Скажи мне что-нибудь такое, чего я не знаю.

Твои золотые рыбки мертвы.

– Ха! Это неважно. Я скоро встречусь с ними там, где никогда не бывает темно.

Тебе стоило бы посмотреть. Сегодня утром, когда ты отвлекся, ты отбросил наполовину выкуренную сигарету, и она упала в аквариум. Никотин растворился в воде и убил рыбок.

Второй Разрушитель открыл глаза, отложил пистолет и вылез из постели. Его сон как рукой сняло. Он нащупал выключатель и пошел посмотреть на аквариум, стоявший на маленьком столике. Пять рыбок-телескопов плавали брюхом вверх, а между ними застыла наполовину выкуренная сигарета.

Я предоставляю тебе дополнительное доказательство. Эванс когда-то дал тебе зашифрованное письмо, но ключ к шифру поменялся. Он умер прежде, чем смог передать тебе новый

пароль, и тебе так и не удалось прочитать письмо. Я скажу тебе пароль: это CAMEL, марка сигареты, которой ты отправил рыбок.

Второй Разрушитель поспешил достать свой ноутбук; слезы текли по его щекам, пока он дожидался готовности к работе.

– Господь, неужели это на самом деле ты? Это и в самом деле ты? – рыдая, приговаривал он. Как только компьютер загрузился, он открыл письмо специальной программой, разработанной для ОЗТ, и набрал пароль; но, когда на экране вспыхнул текст, у него уже не оставалось сил внимательно его прочитать. Упав на колени, он вскричал:

– Господь! Это и в самом деле ты!

Успокоившись, он поднял голову и, все еще с заплаканными глазами, спросил:

– Нас никто не поставил в известность ни о собрании, на котором была Командующий, ни о засаде в Панамском канале. Почему ты оставил нас?

Мы вас боялись.

– Потому что вы не видите, о чем мы думаем? Но ведь это неважно. Мы пустим для вас в ход все наши умения, которых у вас нет – обман, хитрость, маскировку, плутовство.

Мы не знаем, говоришь ли ты правду. Даже если предположить, что это так, мы все равно боимся. Ваша Библия упоминает животное под названием змея. Если бы змея подползла к тебе и предложила свою службу, она перестала бы вызывать у тебя страх и отвращение?

– Если она сказала правду, то тогда я превозмог бы и отвращение, и страх и принял бы ее службу.

Это было бы непросто.

– Разумеется. Я знаю, что змея вас уже кусала. Когда общение в реальном времени стало возможным, вы дали подробные ответы на наши вопросы. Но многое из того, что рассказали, вы рассказали без необходимости. Например, как вы получили первый сигнал от человечества и как были созданы софоны. Нам было трудно понять, почему вы не давали нам информацию более избирательно, раз уж мы не видим ваши мысли.

Мы рассматривали такой вариант, но польза от него была бы меньше, чем тебе кажется. В нашем мире, особенно с развитием технологии, появились методы связи, которые не нуждаются в передаче мыслей. Но читаемые мысли стали культурной и социальной нормой. Тебе это трудно понять – наверное, как и нам трудно понять вас.

– Мне нелегко себе представить, чтобы обман и коварство полностью отсутствовали в вашем мире.

Они есть, но они намного проще, чем у вас. Например, у нас на войне противники могут маскировать свои мысли, но если одна из сторон что-то заподозрит и задаст прямой вопрос, то обычно получает правдивый ответ.

– Это просто невероятно!

А для нас вы, люди, столь же невероятны. У тебя на полке стоит книга под названием «История трех королевств».

– «Троецарствие»⁴. Ты не поймешь эту книгу.

Мне доступна ее малая часть. Так, обычный человек, не способный постичь монографию по математике, может разобраться с ее отдельными кусочками, приложив огромные усилия и полностью задействовав воображение.

– Да, эта книга раскрывает человеческие заговоры и интриги на самом высоком уровне.

Но наши софоны видят в вашем мире все.

– Кроме человеческого разума.

⁴ «Троецарствие» – исторический роман, авторство которого приписывается Ло Гуаньчжуну. В книге описывается соперничество трех центров власти между закатом восточной династии Хань (184-й год) и объединением империи (280-й год) под рукой династии Цзинь. Роман славится превосходно изображенными персонажами, батальными сценами и политическими интригами. (Прим. Дж. М.)

Верно. Софон не умеет читать мысли.

– Вы наверняка знаете о проекте «Отвернувшиеся»?

Больше, чем ты. Скоро начнутся работы по этому проекту. Вот почему мы и обратились к тебе.

– Что вы о нем думаете?

То же, что думаешь ты, глядя на змею.

– Но библейская змея дала людям знание. Проект «Отвернувшиеся» создаст лабиринт, один или несколько, которые вы сочтете чрезвычайно сложными и запутанными. Мы поможем вам найти выход.

То обстоятельство, что умы людей непрозрачны, еще сильнее подстегивает наше решение разделаться с человечеством. Помогите нам его уничтожить, и тогда мы уничтожим вас.

– Господь, так говорить нельзя. Я понимаю, что вы привыкли общаться, обмениваясь мыслями. Но в нашем мире, даже говоря о своих истинных намерениях, нужно пользоваться эвфемизмами. Например, то, что ты сейчас сказал, согласуется с идеалами ОЗТ; но такая откровенная формулировка испугает некоторых из наших членов и вызовет нежелательные последствия. Конечно, может случиться, вы никогда не научитесь выражаться правильно.

Именно из-за такого искаженного выражения мыслей обмен информацией в человеческом обществе, особенно в литературе, превращается в неразрешимую головоломку. Насколько мне известно, ОЗТ находится на грани коллапса.

– Потому что ты нас покинул. Тот двойной удар был смертельным. Фракция редемпционистов развалилась; только адвентисты продолжают существовать как организация. Наверняка ты и сам знаешь, что наиболее сокрушительным ударом был психологический удар. Твой отказ от нас означает проверку наших членов на верность Господу. ОЗТ отчаянно нуждается в поддержке Господа для сохранения этой верности.

Мы не можем дать вам технологию.

– Этого не потребуется, если вы продолжите передавать нам информацию через софоны.

Естественно. Но первым делом ОЗТ должно выполнить крайне необходимый приказ, который ты только что прочел. Мы отдали его Эвансу прежде, чем он погиб, и он передал его вам, но вы не смогли его расшифровать.

Разрушитель вспомнил про письмо на экране компьютера и внимательно изучил его.

Приказ достаточно прост для исполнения, не так ли?

– Не слишком сложен. А это и правда так важно?

Было просто важно. Сейчас же из-за проекта «Отвернувшиеся» стало жизненно необходимо.

– Почему?

Ответ пришел не сразу.

Эванс знал почему. Но он, по-видимому, никому не сказал. Он поступил правильно. Нам повезло. Теперь нам не нужно тебе ничего объяснять.

Разрушитель обрадовался.

– Господь, ты научился держать язык за зубами! Это прогресс!

Эванс многому нас научил. Но мы по-прежнему лишь в начале пути. Как он выразился, пока мы на уровне вашего пятилетнего ребенка. Приказ, который он вам передал, содержит одну из тех уловок, которые мы неспособны понять.

– Ты имеешь в виду вот это? «Чтобы не привлечь внимания, держите в секрете, что это дело рук ОЗТ». Что ж, если цель важная, то это естественное требование.

Для нас это сложный план.

– Хорошо. Я все исполню именно так, как хотел Эванс. Господь, мы докажем тебе свою преданность.

* * *

В одном дальнем уголке океана информации в Интернете был дальний угол, и в нем был дальний угол... короче, в самой глубине самого удаленного уголка ожил один из виртуальных миров.

В лучах странного, холодного рассвета не появилось ни пирамиды, ни здания ООН, ни маятника – ничего, кроме огромной, суровой пустыни, похожей на гигантскую плиту вымороженного металла.

Царь Вэнь из дома Чжоу возник на горизонте. Он был одет в лохмотья и нес позеленевший от времени бронзовый меч. Его лицо было грязным и таким же морщинистым, как и шкуры, в которые он кутался. Утреннее солнце отражалось в его наполненных решимостью глазах.

– Есть здесь кто-нибудь? – закричал он. – Отзовитесь!

Голос царя Вэня раскатился по равнине и затих. Он покричал еще, а потом устало сел на землю и ускорил движение времени. Он смотрел, как солнца превращаются в летящие звезды, как летящие звезды вновь становятся солнцами, как светила эр Порядка размеренно, словно маятник часов, движутся в небе и как дни и ночи эр Хаоса превращают мир в подобие театральной сцены с неисправным освещением. Время шло, но ничто не менялось. Вокруг него была по-прежнему бесконечная металлическая пустыня. Три звезды протанцевали в небе, и царь Вэнь от холода превратился в ледяной столп. Затем летящая звезда стала солнцем, и когда ее гигантский огненный диск накрыл небо, лед растаял, и тело царя вспыхнуло огнем. Перед тем как рассыпаться пеплом, царь Вэнь глубоко вздохнул и вышел из игры.

* * *

Тридцать офицеров армии, флота и военно-воздушных сил не отрывали глаз от эмблемы, светящейся на алом экране, – серебряной звезды с четырьмя лучами в виде острых мечей и вписанными в нее китайскими иероглифами – цифрами «восемь» и «один»⁵. Это была эмблема космических сил Китая.

Генерал Чан Вэйсы жестом предложил всем сесть. Затем, положив свою фуражку на стол, проговорил:

– Официальная церемония создания космических сил будет проведена завтра; тогда же вам выдадут форму и значки. Однако, товарищи, мы уже сейчас принадлежим к этому виду Вооруженных сил.

Присутствующие переглянулись. Из тридцати человек пятнадцать были в форме флота, девять в форме военно-воздушных сил и шесть носили форму армии. Когда офицеры вновь посмотрели на генерала Чана, в их взглядах читалось с трудом скрываемое замешательство.

Чан Вэйсы улыбнулся и сказал:

– Необычный состав, не так ли? Но нельзя мерить космические силы будущего масштабом современных аэрокосмических программ. Космические корабли, когда придет их время, вероятно, будут больше размером и потребуют большей команды, чем сегодняшние авианосцы. Базой для будущих военных операций в космосе станут тяжелые, высокозащищенные боевые станции. Вооруженные столкновения будут больше похожи на морские сражения, чем на авиационные, лишь в трех измерениях вместо двух. Поэтому космические силы создаются на основе морского флота. Я знаю, мы все предполагали, что такой основой станут военно-воз-

⁵ Эмблема Освободительной армии Китая – это пятиконечная звезда, в которую вписаны иероглифы «восемь» и «один». (Прим. Дж. М.) Днем рождения Народно-освободительной армии Китая считается 1 августа 1927 г. (Прим. перев.)

душные силы, поэтому наши флотские товарищи могут быть к этому не готовы. Но вам придется освоиться как можно скорее.

– Командующий, мы вообще ничего не знали, – сказал Чжан Бэйхай. У Юэ сидел рядом с ним, выпрямившись и не шевелясь, но Чжан Бэйхай заметил, как что-то погасло в его спокойных глазах.

Чан Вэйсы кивнул.

– На самом деле разница между флотом и космосом не так уж велика. Разве мы не говорим «космические корабли» вместо «космические самолеты»? Это потому, что океан и космос уже давно связаны в нашем мышлении.

Напряжение в комнате немного ослабло. Генерал продолжил:

– Товарищи, на данный момент мы числом тридцать один – это весь состав нового вида вооруженных сил. Насчет будущего космического флота: фундаментальные исследования уже ведутся во всех отраслях науки. Особое внимание уделяется космическому лифту и термоядерным двигателям для больших кораблей... Но это не то, чем будем заниматься мы. Наша задача – разработать теорию боя в космосе. Это сложнейшая задача, учитывая, что мы ничего о боях в космосе не знаем. Но космический флот будущего будет построен именно на этом фундаменте. Таким образом, на начальном этапе космические силы будут больше похожи на военную академию. Перед всеми вами сейчас стоит одна основная задача: организовать такую академию, а затем привлечь к ее работе значительное число ученых и исследователей.

Чан встал и подошел к эмблеме. Стоя у экрана, он произнес речь, которая должна была запомниться всем присутствующим:

– Товарищи, у космических сил впереди много тяжелой работы. По предварительным оценкам, фундаментальные исследования во всех направлениях науки займут как минимум пятьдесят лет. Потребуется еще не менее ста лет, прежде чем мы освоим технологии, которые позволят нам свободно передвигаться в космосе. Затем, после постройки первых кораблей, нам понадобится еще полтора века для того, чтобы изготовить их необходимое количество. Это значит, что флот будет готов к боевому применению через три века после основания. Товарищи, я уверен, вы все понимаете, что это означает. Никто из нас, находящихся сейчас в этой комнате, не полетит в космос. Никто не увидит нашего космического флота. Мы можем даже не увидеть подробной модели боевого космического корабля. Первые офицеры и рядовые члены экипажа родятся не раньше чем через два века. А еще через два с половиной века земной флот встретится с инопланетными захватчиками. Кораблями флота будет управлять пятнадцатое поколение наших внуков.

Собравшиеся надолго притихли. Их ждала длинная и трудная дорога. Она заканчивалась где-то в тумане будущего, где они видели лишь огонь и кровь. Мысль о краткости человеческой жизни терзала их, как никогда ранее. В этот момент их сердца воспарили над пропастью времени и присоединились к своим далеким наследникам, чтобы вместе погрузиться в море крови и огня посреди ледяного холода космоса – в это место последнего сбора душ всех солдат.

* * *

Вернувшись, Мяо Фуцюань, как всегда, пригласил Чжан Юаньчао и Ян Цзиньвэня в свою квартиру, к роскошному столу, накрытому женщиной из Сычуани. Они уже перешли к выпивке, когда Чжан Юаньчао упомянул посещение Мяо Фуцюанем Строительного банка этим утром – Мяо ходил туда, чтобы снять кое-какие деньги.

– Разве вы не слышали? – сказал Мяо Фуцюань. – В банках давка, людей затаптывают насмерть! К окошкам прорывались по головам.

– Так тебе удалось снять деньги? – спросил Чжан Юаньчао.

– Только часть. Остальное заморожено. Это преступление!

– Любой волосок с твоей головы стоит больше, чем все наши сбережения, – пошутил Чжан Юаньчао.

Ян Цзиньвэнь оптимистично заявил:

– В новостях сообщали, что счета будут постепенно размораживать, как только паника уляжется. Ситуация постепенно вернется к норме.

– Надеюсь, – сказал Чжан Юаньчао. – Государство совершило ошибку, когда провозгласило войну так рано – это лишь вызвало панику. Теперь люди думают только о себе. Разве сейчас кого-нибудь заботит, как Земля будет защищаться через четыреста лет?

– Это не самая большая беда, – поправил соседа Ян Цзиньвэнь. – Я говорил раньше и скажу опять: высокая норма сбережений⁶ в китайских банках – это огромная бомба замедленного действия. Разве я не прав? Большие сбережения ведут к низкой социальной защищенности. Люди держат все свои деньги в банках, а потом паникуют при малейшем дуновении ветра.

– Какой же ты видишь экономику военного времени? – поинтересовался Чжан.

– Все случилось так внезапно. Не думаю, что кто-то уже составил для себя полную картину происходящего. Правительства все еще работают над новой экономической политикой. Но точно известно лишь одно: грядут тяжелые времена.

– Тяжелые времена, говорите? Да не будет ничего такого, чего люди нашего возраста уже не видели, – заверил собеседников Мяо Фуцюань. – Лично я ожидаю повторения шестидесятих годов.

– Мне просто детей жалко, – Чжан Юаньчао допил свой бокал.

В этот момент зазвучала музыкальная заставка выпуска новостей; она привлекла общее внимание к телевизору. Этот звук уже стал привычным, он заставлял людей бросать все дела и слушать. Сейчас передавали экстренный выпуск – в последнее время такое бывало чаще, чем обычно. Трое друзей помнили, как часто подобные новости передавали по радио и телевидению вплоть до 1980-х годов. Но позже, в спокойное и богатое время, они исчезли.

Началась передача:

Наш корреспондент в секретариате ООН сообщает: на только что закончившейся пресс-конференции представитель ООН объявил, что в ближайшее время будет созвана специальная сессия Генеральной ассамблеи для обсуждения проблемы эскапизма. Она пройдет с участием постоянных членов Совета обороны планеты. Целью сессии будет подтолкнуть международное сообщество к консенсусу по вопросу эскапизма и разработать соответствующие международные законы.

Вернемся немного назад и рассмотрим возникновение и развитие эскапизма.

Доктрина эскапизма появилась вместе с Трисолярианским кризисом. Ее ключевой аргумент гласит, что, учитывая заблокированное состояние важнейших отраслей земной науки, нет смысла делать ставку на оборону Земли и Солнечной системы через четыре века. Намного более реалистичной целью является строительство космических кораблей, на которых небольшая часть населения планеты сбежит в открытый космос, тем самым предотвращая полное уничтожение человеческой цивилизации.

У космических кораблей эскапистов есть три варианта действий; они различаются точкой назначения. Первый вариант – это «новый мир», то есть поиск такой планеты среди звезд, где человечество сможет выжить. Вне сомнения, это наилучший вариант. Но он требует крайне высокой скорости полета, и путешествие займет много времени. Учитывая уровень технологии, которого человечество сможет достигнуть за годы кризиса, вряд ли этот вариант осуществим.

⁶ Норма сбережений – это отношение сберегательной части личного или семейного дохода ко всему доходу. Другими словами, какой процент дохода люди не тратят, а копят в банке. (Прим. перев.)

Второй вариант – это «цивилизация на кораблях». Пассажиры будут жить только на борту своих космических кораблей, вечно летящих в пространстве. У этого варианта возникнут те же сложности, что и у первого, хотя более важно будет создать замкнутую экосистему. Корабль поколений, несущий в себе полностью замкнутую биосферу, на данный момент создать технологически невозможно.

Третий вариант – «временное пристанище». После того как Трисолярис закончит свое расселение в Солнечной системе, могут возникнуть контакты между обществом Трисоляриса и остающимися в космосе людьми. Путем переговоров можно будет добиться улучшения политики Трисоляриса по отношению к остаткам человечества. Люди смогут вернуться в Солнечную систему и сосуществовать с трисолярианами. Этот вариант является наиболее реалистичным, хотя в нем много неопределенности.

Вскоре после возникновения идей эскапизма многочисленные агентства новостей сообщили, что США и Россия, два лидера в космической технологии, тайно начали подготовку к побегу в космос. Хотя правительства обеих стран отрицали существование таких планов, возмущение международного сообщества привело к появлению движения за обобществленную технологию. На третьей специальной сессии многие развивающиеся страны потребовали, чтобы США, Россия, Япония, Китай и Европейский союз раскрыли и бесплатно предоставили свою технологию международному сообществу, чтобы все страны имели равные шансы перед Трисолярианским кризисом.

Сторонники движения за обобществленную технологию нашли прецедент: в начале века несколько европейских фармацевтических фирм требовали огромных сумм от стран Африки за лицензию на производство современных лекарств от СПИДа. Это привело к юридическому конфликту на самом высоком уровне. Под давлением общественного мнения и принимая во внимание быстрое распространение болезни в Африке, фармацевтические фирмы отказались от своих прав на патент, не доводя дело до суда. Сегодня Земля стоит перед серьезнейшим кризисом, и это значит, что раскрыть свою технологию – это долг развитых стран перед всем человечеством.

Движение за обобществленную технологию было встречено единогласной поддержкой со стороны развивающихся стран; его идеи также встретили сочувствие некоторых стран Евросоюза. Но все связанные с ним инициативы были отклонены на заседаниях ООН – СОП. На пятой специальной сессии ООН Китай и Россия предложили план «ограниченной общедоступности технологий», который предоставлял технологию всем постоянным членам СОП. На этот план наложили вето США и Великобритания. Правительство США заявило, что технология не может быть общедоступной ни в каком виде, что это наивная идея и что при данных обстоятельствах оно ставит безопасность США на второе место, сразу за безопасностью всей планеты. Поражение плана обобществления технологии вызвало раскол между государствами, владеющими технологией, и привело к срыву проекта создания объединенных космических войск Земли.

Крах движения за общедоступную технологию подтолкнул общественность к далеко идущим выводам. Люди поняли, что единство всего человечества остается недостижимой мечтой даже в условиях опаснейшего Трисолярианского кризиса.

Движение за общедоступную технологию было основано эскапистами. Международное сообщество сможет устранить раскол между развивающимися и развитыми странами, а также между самими развитыми странами, только когда оно достигнет консенсуса по эскапизму. Такова обстановка, в которой предстоит открыться специальной сессии ООН.

– Да, кстати, это мне напомнило кое о чем, – Мяо Фуцюань повернулся к Чжану. – Та информация, которую я дал тебе по телефону несколько дней назад, оказалась надежной.

– О чем это ты?

– О фонде Исхода.

– Лао Мяо, как ты можешь верить такой ерунде? На доверчивого простачка ты не похож, – укорил соседа Ян Цзиньвэнь.

– Нет-нет. – Мяо Фуцюань понизил голос, поглядывая на собеседников. – Этого молодого человека зовут Ши Сяомин. Я проверил его по нескольким каналам. Представьте, его отец, Ши Цян, работает в отделе безопасности СОП! Он раньше руководил группой по борьбе с терроризмом, а сейчас он важный человек в СОП, отвечает за борьбу с ОЗТ. У меня есть телефон его отдела. Можете проверить сами.

Чжан и Ян посмотрели друг на друга. Ян Цзиньвэнь рассмеялся, взял бутылку и налил себе еще.

– Ну и что, если это правда? Кого волнует этот твой фонд Исхода? У меня нет на это денег!

– Вот-вот, в точку. Это для вас, для богатеньких! – У Чжана Юаньчао уже заплетался язык.

Ян Цзиньвэнь внезапно разгорячился:

– И даже если все это правда, тогда какие же глупцы управляют этим государством! Если кто-то и сбежит с Земли, то это должны быть лучшие из лучших среди наших наследников! Какого черта давать место на корабле любому, кто может заплатить? Какой в этом смысл?

Мяо Фуцюань указал на него пальцем и рассмеялся.

– Замечательно, Ян! Давай теперь разберемся, что в действительности ты хотел сказать. На самом деле ты хочешь, чтобы именно твое потомство полетело, верно? Посмотри на своих сына и невестку: доктора философии, ученые. Элита. Твои внуки и правнуки, скорее всего, тоже будут элитой. – Он поднял свой стакан и кивнул. – Но если подумать, все должны быть равны, верно? С какой это стати элите полагаются, как говорится, бесплатные обеды?

– Что ты имеешь в виду?

– За все нужно платить. Это закон природы. Я заплачу деньги, чтобы обеспечить будущее семье Мяо. И это тоже закон природы!

– Почему же это можно купить за деньги? Обязанность улетающих – сохранить человеческую цивилизацию. Естественно, они захотят отобрать лучших. Послать кучу богатеев в космос... Пф! – фыркнул Ян. – Что с них проку?

Неловкая улыбка исчезла с лица Мяо Фуцюаня. Он наставил толстый палец на Ян Цзиньвэня.

– Я всегда знал, что ты презираешь меня. Каким бы богатым я ни стал, я всегда буду для тебя всего лишь неотесанным толстосумом. Скажешь нет?

– Да кто ты, по-твоему, такой?! – вскричал подогретый алкоголем Ян Цзиньвэнь.

Мяо Фуцюань хлопнул по столу и встал.

– Ян Цзиньвэнь, я не собираюсь выслушивать твои оскорбления! Я...

Тогда Чжан Юаньчао хлопнул по столу втрое сильнее. Опрокинулась пара чашек; женщина из Сычуани вскрикнула в испуге. Чжан ткнул по очереди пальцем в разбушевавшихся собеседников.

– Прекрасно. Ты – элита, а у тебя есть деньги. А где же я? Что, черт побери, есть у меня? Я всего лишь бедный человек. Значит, мою семью можно и в расход, так? – С видимым усилием он сдержал желание опрокинуть стол. Затем повернулся и стремительно вышел вон. Ян Цзиньвэнь последовал за ним.

* * *

Второй Разрушитель аккуратно выпустил в аквариум новых золотых рыбок. Как и Эвансу, ему нравилось одиночество, но он нуждался в компании живых существ, которые не

были бы людьми. Он часто разговаривал со своими рыбками в той же манере, в какой говорил с Трисолярисом. Эти две формы жизни, по его мнению, были достойны долгого существования на Земле.

В этот момент на сетчатке его глаз появилось сообщение от софона:

Я в последнее время изучал «Троецарствие». Как ты сказал, хитрость и обман – это искусство. Такое же искусство, как узор на коже змеи.

– Господь, ты опять заговорил о змее.

Чем прекраснее узор на ее коже, тем опаснее она выглядит. Раньше возможность побега человечества нас не беспокоила. Лишь бы оно убралось из Солнечной системы. Но теперь мы скорректировали наши планы и решили не допустить Исхода. Было бы неосмотрительно отпустить врагов, мысли которых нам недоступны.

– У тебя есть какой-то конкретный план?

Флот сделал поправки в планах развертывания на месте. Он разделится на четыре части в поясе Койпера⁷ и окружит Солнечную систему.

– Если человечество на самом деле сбежит, ваш флот прибудет слишком поздно.

Это так, и поэтому мы требуем вашей помощи. Следующее задание для ОЗТ – остановить или задержать план отлета человечества.

Разрушитель улыбнулся:

– Господь, тебе не стоит об этом вообще волноваться. Никакого масштабного Исхода человечества никогда не случится.

Даже учитывая сегодняшние ограниченные технологические возможности, человечество может оказаться способным построить корабли поколений.

– Самое существенное препятствие для Исхода кроется не в технологии.

Ты имеешь в виду трения между странами? Специальная сессия ООН может решить эту проблему. А если у нее не получится, то развитые страны вполне способны проигнорировать мнение развивающихся и протолкнуть свой план.

– Самое значительное препятствие для Исхода не в трениях между странами.

Что же это тогда?

– Трения между людьми. Вопрос о том, кто улетит, а кто останется.

Нам это не кажется проблемой.

– Поначалу мы думали так же, но оказывается, что это непреодолимое препятствие.

Ты можешь объяснить?

– Даже если вы знакомы с историей человечества, вам, наверное, будет сложно понять: вопрос кому лететь и кому оставаться, основывается на фундаментальных человеческих ценностях. В прошлом эти ценности ускоряли развитие общества. Но они же являются ловушкой, когда общество стоит перед смертельной угрозой. На данный момент большая часть человечества еще не осознала, насколько это крепкий капкан. Господь, пожалуйста, поверь моим словам: ни один человек не вырвется из него.

* * *

– Дядя Чжан, вам не обязательно принимать решение прямо сейчас. Вы уже задали все необходимые вопросы, и, в конце концов, речь идет о значительной сумме денег, – с самым невинным выражением лица объяснял Ши Сяомин Чжан Юаньчао.

– Я не о том. Этот план Исхода – он на самом деле существует? По телевизору говорят...

⁷ Пояс Койпера – это область Солнечной системы от орбиты Нептуна, около 30 астрономических единиц, до 50 а.е. В нем располагаются Плутон и две другие карликовые планеты, а также прочие объекты. (Прим. Дж. М.)

– Не обращайтесь внимания на то, что говорят по телевизору. Две недели назад правительство уверяло, что замораживание банковских вкладов исключено. И посмотрите, что произошло... Рассуждайте разумно. Вот вы простой человек, и вы беспокоитесь о будущем своей семьи. А что же насчет президента и премьер-министра? Разве они не будут задумываться о будущем китайского народа? Разве ООН не будет задумываться о будущем всего человеческого рода? Эта специальная сессия ООН является не чем иным, как попыткой международного сотрудничества. ООН официально даст зеленый свет программе Исхода человечества. Это неотложный вопрос.

Лао Чжан медленно кивнул.

– Если подумать, то да, так оно и получается. Но я чувствую, что до Исхода еще очень далеко. Стоит ли мне об этом беспокоиться?

– Дядя Чжан, вы не понимаете. До Исхода остается не так уж много времени. Не думаете же вы, что корабли взлетят только через три или четыре столетия? Если бы это было так, то флот Трисоляриса мог бы их перехватить.

– И когда же они в таком случае взлетят?

– У вас вот-вот появится внук, верно?

– Да.

– Ваш внук увидит отлет кораблей.

– Он будет на борту?

– Нет, это неосуществимо. Но его внук может быть.

– Это... – Чжан посчитал в уме, – около семидесяти или восьмидесяти лет.

– Больше. Правительство военного времени усилит контроль за рождаемостью и будет задерживать выдачу разрешений на ребенка. Одно поколение будет примерно соответствовать сорока годам. Корабли отправятся в полет приблизительно через сто двадцать лет.

– Это довольно скоро. Успеют ли их построить?

– Дядя Чжан, вспомните, как делались дела сто двадцать лет назад! Это было время династии Цин. Чтобы добраться из Ханчжоу до Пекина, требовался целый месяц. Император вынужден был целыми днями сидеть в паланкине, чтобы попасть в свой летний дворец. А сегодня нужно три дня, чтобы долететь до Луны. Технология развивается быстро – следовательно, само развитие тоже ускоряется. А если учесть тот факт, что весь мир сосредоточил усилия на развитии космических технологий, то становится несомненным, что сто двадцать лет – срок вполне реальный.

– Но космический полет – дело опасное, разве не так?

– Так. Но ведь и Земля к тому времени станет довольно опасным местом! Посмотрите, какие перемены происходят уже сегодня. Основные средства народного хозяйства тратятся на строительство космического флота; этот флот не имеет коммерческого применения и не принесет ни юаня прибыли. Жизнь людей станет ухудшаться. Примите во внимание огромную численность нашего населения – даже накормить всех будет непросто. Вдобавок посмотрите на международное положение. Развивающиеся страны не имеют возможности принять участие в Исходе, а развитые отказались предоставить технологию. Но небольшие и небогатые страны не смиряются. Разве они не грозятся выйти из Договора о нераспространении ядерного оружия? В будущем от них можно ожидать и более опасных шагов. Может статься, что через сто двадцать лет, еще до прибытия флота инопланетян, весь мир будет охвачен огнем войны! Кто знает, какую жизнь будет вести поколение ваших праправнуков. Более того, корабли Исхода будут не такими, какими вы их представляете. Их сравнение с капсулой «Шэньчжоу»⁸ или с МКС просто смешотворно. Корабли будут огромными, размером с небольшой город с замкну-

⁸ Шэньчжоу – третья программа космических пилотируемых полетов КНР. Первый пилотируемый полет корабля «Шэньчжоу-5» в 2003 году сделал Китай третьей в мире страной, самостоятельно отправившей человека в космос. (Прим. перев.)

той экосистемой. Совсем как Земля в миниатюре! Человечество сможет жить в них вечно, не нуждаясь во внешних ресурсах. И самое главное – на кораблях будет гибернация. Она доступна уже сегодня. Пассажиры будут проводить большую часть времени в «холодном сне», где столетие кажется одним днем – пока корабль не найдет подходящий новый мир или пока не удастся достичь соглашения с трисолярианами о возвращении в Солнечную систему. Тогда они проснутся. Разве такая жизнь не лучше, чем страдать на Земле?

Чжан Юаньчао молчал и размышлял.

Ши Сяомин продолжал:

– Честно говоря, должен признать: космический полет и в самом деле штука опасная. Никто не знает, что может случиться в космосе. Я понимаю, что вы действуете ради выживания своей семьи, но вам не стоит об этом беспокоиться...

Чжан уставился на него так, словно его укололи булавкой:

– Ну как вы, молодежь, можете говорить такое?! Как же мне не беспокоиться...

– Дайте мне договорить, дядя Чжан. Я не это хотел сказать. Я хотел сказать, что даже если вы не собираетесь отправлять своих правнуков в полет, фонд Исхода гарантированно заслуживает вложения денег. Как только он откроется для всех и каждого, стоимость акций взлетит до небес. Вы же знаете, богатых людей много, вкладывать деньги особо не во что, а копить их теперь противозаконно. Кроме того, чем больше у вас денег, тем чаще вы будете задумываться о спасении своей семьи, разве не так?

– Само собой.

– Клянусь честью, дядя Чжан! Фонд Исхода только что открылся, и ему не хватает специальных агентов по продажам. Мне было сложно пробить квоту. В любом случае позвоните мне, когда все обдумаете, я помогу с оформлением документов.

Ши Сяомин ушел, но Лао Чжан остался стоять на балконе, глядя в небо, тускло отсвечивающее огнями большого города. Он сказал себе: «Дети мои, неужели и правда ваш дед отправит вас туда, где царит вечная ночь?»

* * *

Как раз всходило небольшое солнце, когда царь Вэнь из дома Чжоу снова ступил в заброшенный мир «Трех тел». Хоть солнце грело не особенно сильно, оно довольно ясно освещало пустынную равнину. На равнине не было ни одной живой души.

– Есть тут кто-нибудь? Отзовитесь!

Его глаза засверкали, когда он увидел всадника, несущегося к нему от самого горизонта. Он узнал Ньютона издали и побежал навстречу, размахивая рукой. Ньютон вскоре поравнялся с ним, придержал лошадь, слез и торопливо поправил парик.

– Чего кричишь? Кто перезапустил это проклятое место?

Царь Вэнь, не ответив на вопрос, взял Ньютона за руку и настойчиво заговорил:

– Соратник, соратник, послушай меня! Господь не оставил нас! Или, точнее, у него была причина нас оставить, и мы ему скоро будем нужны. Он...

– Да знаю я, – сказал Ньютон, нетерпеливо отводя руку царя Вэня. – Софоны и мне передали послание.

– Это значит, что Господь наш послал сообщение многим из нас одновременно. Замечательно. Контакт организации с Господом больше никогда не будет в руках одного человека.

– Организация все еще существует? – Ньютон утер лицо носовым платком.

– Конечно, существует. Редемпционисты полностью развалились после глобального удара; выживальщики откололись и образовали независимую группу. Теперь в организации остались только адвентисты.

– Удар очистил организацию. Это хорошо.

– Раз ты здесь, то ты наверняка адвентист. Но ты, похоже, не в курсе событий. Ты здесь сам по себе?

– Мой единственный контакт – другой соратник, но он мне не дал ничего, кроме адреса в Интернете. Я еле-еле сам спасся после того ужасного разгрома.

– Ты отлично продемонстрировал свою способность к выживанию в эпоху Цинь Шихуаньди.

Ньютон огляделся:

– Здесь безопасно?

– Конечно. Мы находимся на самом дне многоуровневого лабиринта; нас практически невозможно обнаружить. Если даже кто-то прорвется сюда, он не сможет отследить наше местонахождение. Из соображений безопасности организация изолировала ячейки и свела контакты к минимуму. Нам нужны место для встреч и буферная зона для новых членов. Здесь безопаснее, чем в реальном мире.

– Ты заметил, что атаки на наше Общество в реальном мире значительно ослабели?

– Наш противник умен. Он знает, что Общество – это единственный способ получить разведывательные данные о Господе, а также единственная возможность добраться до технологии, которую нам передает Господь – даже если такой шанс невелик. Именно поэтому он позволяет нам в какой-то мере продолжать существование. Но я думаю, что он об этом пожалеет.

– Господь не настолько хитер. Он даже не понимает, что такое быть хитрым.

– Следовательно, он нуждается в нас. Очень на руку, что Общество по-прежнему существует. Надо как можно скорее сообщить всем соратникам.

Ньютон забрался на лошадь.

– Хорошо. Мне пора. Как только уверюсь, что здесь на самом деле безопасно, зайду на более долгое время.

– Даю гарантию: здесь абсолютно безопасно!

– Если так, то в следующий раз соберется больше людей. До свидания.

Ньютон рванул с места и умчался. Ко времени, когда топот копыт стих, небольшое солнце превратилось в летящую звезду, и на мир опустился полог ночи.

* * *

Ло Цзи расслабленно лежал на кровати и полусонными глазами следил, как женщина одевается после душа. Солнце стояло уже высоко. Оно просвечивало сквозь оконные занавеси. На их фоне женщина выглядела темным силуэтом, словно в сцене из какого-то черно-белого фильма, название которого он позабыл. Но сейчас было важнее вспомнить ее имя. Как же ее зовут? Так, спокойно. Сначала фамилия. Если бы ее звали Чжан, то она была бы Чжан Шань. Или она Чэнь? Тогда Чэнь Цзинцзин... нет, так звали других его женщин. Ему пришла идея посмотреть в телефоне, но телефон лежал в кармане, а одежда валялась на ковре. Да и в любом случае они были знакомы недолго, и он не успел записать ее номер в телефон. Главное сейчас было не спрашивать напрямую, как он однажды поступил – с катастрофическими последствиями. Он повернулся к телевизору, который она включила и оставила, приглушив звук. Показывали сессию Совета Безопасности ООН; люди заседали за большим круглым столом. Впрочем, это уже был не Совет Безопасности, но Ло Цзи не помнил его нового названия. Он совсем не следил за политикой.

– Сделай погромче, – попросил он. Без нежного обращения его слова прозвучали сухо, но сейчас ему было не до того.

– Можно подумать, тебе и впрямь интересно. – Она сидела и расчесывала волосы. Звук она так и не прибавила.

Ло Цзи протянул руку к прикроватной тумбочке, взял сигареты и зажигалку и закурил. Высунув ноги из-под полотенца, он с удовлетворением пошевелил большими пальцами.

– Вы только посмотрите на него! И он еще называет себя ученым! – Она наблюдала за ним в зеркале.

– Молодым ученым, – поправил он, – у которого не бог весть сколько достижений. Но это потому, что я лентяй. У меня на самом деле много идей. Иногда я за одно мгновение могу понять то, на что у других уходит вся жизнь. Веришь или нет, однажды я чуть было не стал знаменитостью!

– Из-за той «субкультуры», которую ты изучал?

– Нет, не из-за нее. Тогда я работал еще над одним проектом. Я основал космическую социологию.

– Что?

– Это социология инопланетян.

Она хихикнула, отложила расческу и взялась за макияж.

– Разве ты не знаешь, что многие ученые жаждут славы? Вот и я мог бы стать звездой.

– Ученых, изучающих инопланетян, сегодня пруд пруди.

– Это случилось только после того, как вся эта ерунда повылезала, – Ло Цзи указал на телевизор. На экране показывали большой стол и заседающих за ним людей. Что-то уж больно долго они мусолят этот сюжет. Прямая трансляция, что ли? – Раньше ученые не изучали инопланетян. Они стяжали себе славу, копаясь в кучах старых бумаг. Но потом публике надоела эта культурная некрофилия «старой гвардии»; я появился как раз в это время. – Он протянул обнаженные руки к потолку. – Космическая социология, инопланетяне и множество инопланетных рас. Больше, чем людей на Земле – десятки миллиардов! Ведущий той телепрограммы – «Аудитория» – хотел, чтобы я принял участие в нескольких передачах, но потом все это случилось на самом деле, а потом... – Он нарисовал кружок пальцем и вздохнул.

Она не слишком прислушивалась, читая субтитры на экране телевизора.

– «Мы не исключаем никаких вариантов в отношении эскапизма...» – что это значит?

– Кто выступает?

– Похоже, что Карнов.

– Он говорит, что нужно бороться с эскапизмом так же жестко, как и с ОЗТ, и что любого, строящего Ноев ковчег, нужно треснуть ракетой по башке.

– Это и в самом деле звучит жестко.

– Нет, – заверил ее Ло Цзи. – Это самая мудрая стратегия. Я уже давно это понял. И даже если дело не дойдет до бомб, все равно никто никуда не полетит. Ты читала книгу Лян Сяошэна «Плавучий город»?

– Нет, не читала. Это ведь старая книга?

– Верно. Я читал ее еще ребенком. Шанхай должен вскоре погрузиться в океан. Группы людей обходят дома, конфискуют и уничтожают спасательные круги, чтобы никто не выжил, раз уж суждено погибать всем. Помню, там была маленькая девочка, которая привела людей к одному из домов и закричала: «Вот у них есть!»

– Такие козлы, как ты, всегда считают общество мусорной свалкой.

– Чушь собачья. Экономика зиждется на инстинктивном стремлении человека к наживе и существовать без него не может. В социологии пока нет подобного основополагающего принципа, но когда такой принцип найдут, он может оказаться даже еще неприятнее, чем в экономике. Правда всегда поднимает тучи пыли. Ну, допустим, небольшое количество людей улетит в космос – и что? С чего бы нам вообще гнать волну по этому поводу?

– По какому поводу?

– Зачем был нужен Ренессанс? Великая хартия вольностей? Французская революция? Если бы человечество было по-прежнему поделено на классы и удерживалось в них железной

рукой закона, то те, кому положено, улетели бы, а те, кому полагалось остаться, остались бы. Во время династий Мин или Цин я бы улетел, а ты бы осталась. Но сейчас так не получится.

– Я не возражала бы, если бы ты улетел прямо сейчас.

И это, собственно, было правдой. Они достигли момента добровольного расставания. Ло Цзи всегда мог подгадать время такого окончания отношений со всеми своими любовницами – ни слишком рано, ни слишком поздно. На этот раз он был особенно удовлетворен своим контролем над процессом. Они были знакомы всего неделю, и расставание шло гладко, элегантно, будто сброс отработавшей ступени у ракеты.

Он вернулся к предыдущей теме.

– А знаешь, это не мне пришлось в голову основать космическую социологию. Хочешь знать, кому? Я скажу только тебе одной, так что не бойся.

– Без разницы. Я и так не верю большей части твоей болтовни, кроме одной вещи.

– Э-э... ладно, забудь. Какой еще вещи?

– Поднимайся. Я проголодалась. – Она подобрала его одежду с ковра и бросила на постель.

Они позавтракали в главном ресторане отеля. Народ за столиками вокруг них выглядел озабоченно, и порой они слышали обрывки разговоров. Ло Цзи не прислушивался специально, однако сам себе казался подобием фонарика в летнюю ночь – разрозненные слова слетались к нему, будто мотыльки, кружащие вокруг огня. Эскапизм, общественный доступ к технологии, ОЗТ, переход к военной экономике, база на экваторе, изменения в уставе, СОП, околоземный периметр предупреждения и обороны, независимый объединенный режим...

– Жизнь стала серой, не так ли? – сказал Ло Цзи. Он закончил нарезать яйцо и положил вилку.

Она кивнула:

– Точно. Вчера я видела по телевизору какую-то игру для идиотов. Руки на звонках. – Она указала вилок на Ло Цзи и, подражая телевизионной ведущей, протараторила: – «За сто двадцать лет до конца света будет жить ваше тринадцатое поколение – верно или неверно?»

Ло Цзи снова взялся за вилку и покачал головой:

– Никакое мое поколение в те годы жить не будет. – Он сложил руки, как в молитвенном жесте. – Линия моей семьи закончится на мне.

Она пренебрежительно фыркнула:

– Ты интересовался, каким из твоих слов я верю. Вот этим. Я слышала их от тебя и раньше. Такой уж ты человек.

И поэтому она решила его бросить? Он не хотел спрашивать, опасаясь скандала; но она, словно читая мысли, пояснила:

– Я тоже такой человек. Раздражает видеть свои черты в других людях.

– Особенно в других людях противоположного пола, – кивнул Ло Цзи.

– Но если ты нуждаешься в оправдании, то это вполне ответственное поведение.

– Какое поведение? Не иметь детей? Конечно. – Ло Цзи указал вилок на людей вокруг, обсуждающих перемены в экономике. – Знаешь ли ты, какая жизнь уготована их потомкам? Они целыми днями будут вкалывать на верфях – космических верфях, – а потом с бурчащими животами выстаивать очередь в столовой с подносами в руках в ожидании своего половника жидкой каши... После чего к ним воззовут: «Ты нужен Дяде Сэму!»... ах нет, это будет «Ты нужен Земле» – и вперед, ищи славы на военной службе.

– Твое описание больше подходит поколению Судного дня.

– Уйти на пенсию и встретить конец света. Как печально. Кроме того, дедушки и бабушки последнего поколения наверняка будут голодать. Но даже такое будущее маловероятно. Посмотри, как упрямы земляне. Спорю, что они будут сопротивляться до конца. Так что вопрос лишь в том, каким именно образом они в конце концов откинут копыта.

Позавтракав, они вышли из гостиницы в теплые объятия утреннего солнца. Воздух опьянял своей сладостью.

– Мне надо научиться жить. Жалко будет, если так и не научусь, – сказал Ло Цзи, рассматривая проносящиеся мимо автомобили.

– Нам не суждено этому научиться, – ответила она, высматривая такси.

– Тогда... – Ло Цзи вопросительно посмотрел на нее. Видимо, ему не понадобится вспоминать ее имя.

– Прощай. – Она кивнула; затем они пожали руки и коротко поцеловались.

– Может быть, еще встретимся. – Он пожалел об этих словах, как только произнес их. До сих пор все шло замечательно, зачем рисковать скандалом? Но волноваться не стоило.

– Вряд ли. – Она быстро повернулась, и сумка на ее плече лихо описала в воздухе круг. Позже эта деталь неоднократно всплывала в его памяти; он пытался понять, было ли действие преднамеренным. Это была приметная сумка LV; он и раньше неоднократно подмечал это движение у своей безымянной подружки: когда та резко поворачивалась, сумка совершала фигуры высшего пилотажа будто бы сама собой. Но на этот раз злосчастный аксессуар полетел прямо ему в лицо. Пытаясь уклониться, Ло Цзи отступил на шаг назад, споткнулся о пожарный гидрант и упал навзничь.

Падение спасло ему жизнь.

В это время на дороге прямо перед ними две машины столкнулись лоб в лоб; не успел затихнуть звук удара, как еще один автомобиль – «Фольксваген Поло» – резко свернул, чтобы объехать аварию, и понесся туда, где стояла пара. Упав, Ло Цзи успешно избежал столкновения; лишь передний бампер «Фольксвагена» задел его ногу – ту, что была в воздухе. Толчок развернул упавшего Ло на девяносто градусов, лицом к багажнику машины. Он не слышал глухого удара, но увидел, как тело женщины перелетело через крышу автомобиля, рухнуло на дорогу, словно тряпичная кукла, покатилося по земле, оставляя кровавый след... Казалось, будто этот след внезапно наполнился неким глубоким смыслом. Ло Цзи вперился взглядом в ужасный символ и наконец вспомнил ее имя.

* * *

Невестка Чжан Юаньчао должна была вот-вот родить. Ее отвезли в родильную палату. Остальная семья собралась в комнате ожидания. Там был телевизор, показывавший, как правильно ухаживать за роженицей и за новорожденным. От всей обстановки на Чжан Юаньчао веяло такими теплом и добротой, с какими он до сих пор не встречался. Это были остатки комфорта закончившегося Золотого века, разьедаемые постоянно углубляющимся кризисом.

Вошел Ян Цзиньвэнь. Первой мыслью Чжан Юаньчао было, что он пользуется шансом поправить их отношения. Но выражение на лице Ян Цзиньвэня сказало ему, что дело в другом. Без единого слова приветствия Ян Цзиньвэнь вывел его из комнаты ожидания в коридор и спросил:

– Ты и в самом деле купил акции фонда Исхода?

Чжан Юаньчао проигнорировал его и направился обратно, как бы говоря «Не твое дело».

– Вот взгляни, – Ян Цзиньвэнь сунул ему в руки газету. – Сегодняшняя.

Перед глазами Чжан Юаньчао появился набранный крупным шрифтом заголовок:

СПЕЦИАЛЬНАЯ СЕССИЯ ООН

ОДОБРЯЕТ РЕЗОЛЮЦИЮ 117

И ОБЪЯВЛЯЕТ ЭСКАПИЗМ ВНЕ ЗАКОНА

Чжан Юаньчао внимательно прочитал начало статьи под заголовком.

Подавляющим большинством голосов специальная сессия Генеральной ассамблеи ООН приняла резолюцию, объявляющую эскапизм нарушением международных законов. Резолюция в резких выражениях осудила раскол и волнения, которые разжиг в обществе эскапизм, и представила его в глазах закона как преступление против человечества. Резолюция призвала государства – члены ООН к скорейшему принятию законодательства для пресечения эскапизма.

Китайский делегат в своем заявлении повторил позицию своего правительства по эскапизму и сообщил, что Китай полностью поддерживает резолюцию ООН номер 117. Он передал обещание китайского правительства немедленно начать работу над законодательством и принять эффективные меры по прекращению распространения эскапизма. Он завершил свое выступление словами: «Нам нужно ценить единство и солидарность международного сообщества в эти кризисные времена и поддержать предложенный сообществом принцип равных прав на выживание для всего человечества. Земля – наш общий дом, и мы ее не бросим».

– Почему... почему они это сделали? – запинаясь, пролепетал Чжан Юаньчао.

– А разве неясно? Подумай немного, и ты поймешь, что Исход в космос был невозможен с самого начала. Основной вопрос: кто полетит, а кто останется? Это не простое неравенство, это вопрос выживания. Неважно, кто улетит – элита, богатые или простые люди. Если кого-то бросят, это будет означать крушение человеческой системы ценностей, всей суммы человеческой этики. У прав человека и у равноправия глубокие корни. Неравенство в выживании – это наихудший вид неравенства. Ни отдельные люди, ни целые народы, которых собираются оставить за кормой, ни за что не будут сидеть на месте и дожидаться смерти, если другие могут спастись. Начнутся серьезнейшие столкновения между обеими сторонами; мир будет ввергнут в хаос – и тогда никто не улетит. Резолюция ООН вполне разумна. Сколько ты потратил, Лао Чжан?

Чжан Юаньчао схватился за телефон. Он звонил Ши Сяомину, но номер не отвечал. Под ним подкосились ноги; он сполз по стене и сел на пол. Он потратил 400 000 юаней⁹.

– Звони в полицию! Этот мальчишка Ши кое-чего не знает: у Лао Мяо есть рабочий телефон его отца. Никуда этот мошенник не денется!

Но Чжан Юаньчао лишь застыл на месте, качая головой. А потом со вздохом произнес:

– Ладно, его мы найти можем. Но денег-то уже и след простыл! Что я скажу своей семье?

Послышался детский плач, а потом медсестра выкрикнула:

– Номер девятнадцать, мальчик!

Чжан Юаньчао поспешил в комнату ожидания, забыв обо всем остальном.

За те тридцать минут, что они провели в комнате ожидания, родились десять тысяч младенцев. Их совместный плач был как гигантский хор. Золотой век, добрые времена, которые начались в 1980-х и продолжались вплоть до кризиса, остались в прошлом. Впереди ждали годы испытаний.

* * *

Ло Цзи знал только то, что его заперли в маленькой комнатке в подвале. Подвал был глубоким; спуск на лифте занял много времени, пока устаревший механизм с ручным управлением не отсчитал десять этажей вниз. Десять этажей! Он снова осмотрел комнату. Постель на одного, простая обстановка и старый деревянный письменный стол создавали впечатление, что это помещение охраны, а не камера для заключенных. Ясно, что здесь давно никто не жил. В комнату принесли свежее постельное белье, но мебель оставалась грязной и пахла пылью.

⁹ Приблизительно соответствует 65 000 долларам США на начало 2015 года. (Прим. Дж. М.)

Дверь открылась, и вошел приземистый человек среднего возраста. Он устало кивнул Ло Цзи.

– Доктор Ло, я пришел составить вам компанию. Вы прибыли недавно, так что вряд ли уже лезете на стенку.

«Прибыли недавно». Фраза резанула слух; «вас сюда засунули» было бы намного точнее. У Ло Цзи сжалось сердце. Его догадка подтверждалась. Доставившие его сюда люди были вежливы, но он, очевидно, находился под арестом.

– Вы полицейский?

Вошедший кивнул:

– Был раньше. Меня зовут Ши Цян.

Он присел на кровать и достал пачку сигарет. «В этой закрытой комнате некуда деваться дыму», – подумал Ло Цзи, но не посмел произнести вслух. Как бы читая его мысли, Ши Цян осмотрелся и сказал:

– Где-то должна быть вытяжка.

Он дернул за шнурок возле двери. Загудел вентилятор. Такие выключатели со шнурком были редкостью. Ло Цзи также обратил внимание на старый, покрытый пылью телефон с диском, валяющийся в углу. Ши Цян предложил сигарету, Ло Цзи неуверенно взял ее.

Когда они закурили, Ши Цян предложил:

– Еще рано. Поболтаем?

– Спрашивайте, – понурившись, ответил Ло Цзи и выдохнул облако дыма.

– О чем спрашивать? – Ши Цян с удивлением посмотрел на Ло Цзи.

Ло Цзи вскочил с постели и отбросил сигарету:

– Да как вы можете меня подозревать? Ведь понятно же, что это был всего лишь несчастный случай! Два автомобиля столкнулись, и она попала под третий, который объезжал место аварии. Это же ясно как день! – Он развел руками, не находя слов.

Ши Цян поднял голову и взглянул на него. Усталые глаза внезапно оживились, и за его обычной улыбкой проглянуло коварство опытного полицейского.

– Это ты сказал, не я. Мое начальство хочет, чтобы я помалкивал; да я ничего и не знаю. Подумать только, а я боялся, что нам не о чем будет поговорить! Присаживайся.

Ло Цзи остался стоять. Он подошел поближе к Ши Цяну и продолжил:

– Я знал ее только неделю. Мы встретились в баре около университета. Я даже не помнил ее имени, когда произошел несчастный случай. Скажите, что такого могло быть между нами, чтобы навести вас на подобные мысли?

– Ты даже не мог вспомнить, как ее зовут? Понятно, почему тебя не волнует ее смерть. Я знаю еще одного гения, такого же, как ты. – Он усмехнулся. – У доктора Ло не жизнь, а сказка! Стоит ему только свистнуть – и прибежит новая женщина. Да еще какая!

– Разве это преступление?

– Нет, конечно. Просто завидую. Я завел для себя одно правило: не читать никому мораль. Парни, с которыми мне приходится общаться, народ серьезный. Если бы я стал допекать их, типа «Посмотри, что ты наделал! Подумай о родителях, об обществе...» и так далее, то мог бы с тем же успехом просто съездить им по физиономии.

– Я хотел бы поговорить о ней, офицер Ши. Вы на самом деле верите, что я ее убил?

– Посмотри-ка на него, сам вопрос поднимает! Даже говорит, что мог бы убить ее! Да мы просто так болтаем. Куда ты спешишь? Ясно же, что ты в этих делах новичок.

Ло Цзи пристально глядел на Ши Цяна. Несколько мгновений в комнате стояла тишина, не считая гудения вентилятора. Затем Ло Цзи рассмеялся и подобрал свою сигарету.

– Ло, дружище, – заговорил Ши Цян. – Ло, мальчик мой. Нас свела судьба. Знаешь ли, я работал над шестнадцатью делами, которые закончились высшей мерой. Девятерых преступников из их числа я лично отвел на расстрел.

Ло Цзи сунул свою сигарету Ши Цяну:

– Я не позволю вам отвести меня на расстрел. Будьте добры, известите моего адвоката.

– Отлично, мой мальчик, – Ши Цян похлопал Ло Цзи по плечу. – Я люблю решительных людей. Он подобрался поближе и сквозь облако дыма продолжил: – С тобой всякое может произойти, но этот случай, в самом деле... – Он умолк. – Вообще-то я здесь, чтобы тебе помочь. Знаешь анекдот? «По пути к эшафоту осужденный жалуется, что скоро пойдет дождь. А палач ему отвечает: «Тебе-то чего волноваться? Ведь это нам придется мокнуть на обратном пути!» Нам обоим нужно вот такое настроение, чтобы справиться с тем, что нам предстоит. Ну ладно. У нас еще есть немного времени, прежде чем мы отправимся. Почему бы не поспать?

– Отправимся? – Ло Цзи снова уставился на Ши Цяна.

В дверь постучали. Вошел молодой человек с пронизательными глазами. Он поставил на пол чемодан.

– Капитан Ши, планы поменялись. Мы отбываем прямо сейчас.

* * *

Чжан Бэйхай тихо открыл дверь в больничную палату, где лежал его отец. Тот полусидел в постели, опираясь на подушку, и выглядел лучше ожиданий. Золотистые лучи заходящего солнца светили через окно и придавали лицу больного немного более здоровый вид; он был не так похож на умирающего. Чжан Бэйхай повесил фуражку на вешалку у двери и присел на стул возле постели. Он не спрашивал о самочувствии: старый солдат не ответил бы честно; да Бэйхай и не хотел честного ответа.

– Папа, я теперь служу в космических силах.

Больной кивнул, но ничего не сказал. Для отца и сына в безмолвном ответе содержалось больше информации, чем в словах. В молодости отец воспитывал сына в основном молчанием, а не разговорами. Слова служили лишь знаками препинания между паузами. Именно его немногословный отец воспитал Чжан Бэйхайа тем человеком, каким он сегодня был.

– В точности, как вы полагали, они создают космический флот на основе военно-морского. Они думают, что бои в космосе будут и в теории и на практике похожи на морские сражения.

Отец кивнул:

– Очень хорошо.

– Так что же мне следует делать?

«И вот наконец я спросил об этом, папа. Я провел бессонную ночь, собираясь с мужеством, чтобы задать этот вопрос. Даже сейчас, перед встречей с вами, я колебался, потому что знаю: этот вопрос разочарует вас больше любого другого. Помню, когда я закончил школу и поступил во флот курсантом, вы сказали мне: «Бэйхай, тебе предстоит долгая дорога. Я это говорю потому, что все еще могу легко понимать тебя, а это значит, что ты еще незрелый человек. Твой разум еще прост и недостаточно тонок. Однажды наступит день, когда я не смогу читать твои намерения или понимать тебя, но ты легко сможешь понять меня. Вот тогда ты наконец станешь взрослым». Прошло время, я вырос, как вы и говорили, и вы больше не можете запросто понимать своего сына. Я знаю, что вам от этого грустно. Но ваш сын и в самом деле становится таким человеком, каким вы хотели его видеть. Не особенно любимым другими, но способным добиться успеха в сложном и опасном мире военно-морского флота. То, что я задаю этот вопрос, означает, что уроки, которые вы мне давали на протяжении трех десятков лет, в переломный момент оказались бесполезны. Но, папа, все равно ответьте мне. Ваш сын не так хорош, как вам казалось. Ответьте мне один-единственный раз».

– Подумай еще, – сказал отец.

«Хорошо, папа. Вы дали мне свой ответ. Этими двумя словами вы сказали очень много – больше, чем можно было уместить в двадцать тысяч слов. Поверьте, я слушаю их всей душой, но мне нужно, чтобы ваш ответ был яснее. Он слишком важен».

– А после того как я подумаю? – спросил Чжан Бэйхай, обеими руками вцепившись в простыню. Его лоб и ладони вспотели.

«Папа, простите. Если я уже разочаровал вас, то позвольте мне еще разок побыть ребенком».

– Бэйхай, я могу только посоветовать тебе подумать, долго и тщательно, – ответил его собеседник.

«Спасибо, папа. Ваш ответ ясен, и я его понял».

Чжан Бэйхай отпустил простыню и прикоснулся к костлявой руке больного:

– Папа, я больше не выйду в море. Я буду часто приходить к вам.

Отец улыбнулся, но покачал головой:

– У меня нет ничего серьезного. Занимайся своей работой.

Они поговорили еще – сначала о семейных делах, а потом об организации космических сил. Отец высказал множество собственных предложений, в том числе дал совет по будущей работе Чжан Бэйхая. Они представили себе формы и размеры боевых космических кораблей, обсудили оружие для войны в космосе и даже затронули правоту гипотезы, что теория морских сражений Мэхэна применима к сражениям в космосе¹⁰.

Но в их разговоре было мало существенного. Это была просто словесная прогулка отца и сына. Все самое важное заключалось в трех фразах, которыми обменялись их сердца:

«Подумай еще».

«А после того как я подумаю?»

«Бэйхай, я могу только посоветовать тебе подумать, долго и тщательно».

Чжан Бэйхай попрощался с отцом. Уже выходя из палаты, обернулся на пороге. Солнечный свет угас, и молодой офицер хотел взглянуть на отца, лежащего в тени. В сумраке его глаза высмотрели одно последнее пятно света на противоположной стене. Хоть оно тоже должно было вскоре погаснуть, в это время заходящее солнце красивее всего. Последние лучи заката падали на волны, прокатывающиеся по сердитому океану. Копья света пробивались через разрозненные облака и расцвечивали воду громадными золотистыми пятнами, как лепестками, упавшими с небес. А дальше, за лепестками, над миром, темным как ночь, собирались густые тучи. Грозовые облака висели между небом и землей словно занавес богов. Время от времени вспышки молний освещали снежно-белую морскую пену, срывающуюся с верхушек волн. Посреди одного такого золотистого пятна виднелся эсминец, с трудом поднимавший нос из впадины между волнами. С оглушающим грохотом он прорвался сквозь волну, и водяная пыль, словно гигантская птица Рок, протянувшая к небу свои огромные, блестящие крылья, жадно впитала свет.

Чжан Бэйхай надел фуражку с эмблемой китайских космических сил и подумал: «Папа, мы мыслим одинаково. В этом мне повезло. Я не принесу вам славы, но я принесу вам покой».

* * *

– Господин Ло, пожалуйста, переоденьтесь вот в это, – попросил молодой человек, опустившись на корточки, чтобы открыть принесенный им чемодан. Хоть мужчина и вел себя

¹⁰ Альфред Тэйер Мэхэн (*англ.* Alfred Thayer Mahan; 1840–1914) – американский военно-морской теоретик и историк, контр-адмирал, один из основателей геополитики. Среди основных положений его теории «морской силы» как основы военной мощи государства есть такие принципы: оборона своих берегов начинается у берегов противника; война решается генеральным сражением. Теория Мэхэна не потеряла своей актуальности до сих пор, хотя и подвергается критике. (*Прим. перев.*)

исключительно вежливо, Ло Цзи чувствовал какое-то неудобство, как если бы проглотил муху. Но когда он увидел извлеченную из чемодана одежду, то понял, что ему предлагают не униформу заключенного: на вид это был обычный коричневый пиджак. Ло Цзи взял его и стал рассматривать плотную материю. Ши Цян и его коллега надели похожие пиджаки, только других цветов.

– Надевай, – поторопил его Ши Цян. – Он удобный, и ткань дышит. Не то что старые модели, которые нам приходилось таскать. У тех подкладка прилипала к телу.

– Пуленепробиваемый, – отметил молодой человек.

«Они что, боятся, что меня убьют? Да кому оно нужно?» – подумал Ло Цзи, переодеваясь.

Все трое вышли из комнаты и направились по коридору к лифту. Под потолком змеились прямоугольные короба вентиляции; они прошли мимо нескольких прочных, герметично закрытых дверей. Ло Цзи заметил полустертую надпись на стене. Виднелась только ее часть, но он знал этот лозунг целиком: «Рой глубокие туннели, копи зерно, не стремись к господству над другими»¹¹.

– Гражданская оборона? – спросил он.

– Не обычная. Это противоатомное убежище, но оно уже устарело. А в те годы нужно было быть птицей высокого полета, чтобы сюда попасть.

– Значит, мы на... Западных холмах? – задал вопрос Ло Цзи, но его спутники не ответили. Ло Цзи слышал об этом секретном центре управления. Они вошли в древний лифт и начали подниматься, сопровождаемые ужасным скрежетом металла. Лифтером был солдат вооруженной полиции. Он, похоже, впервые стоял на этом посту – ему пришлось повозиться с кнопками и рычагами, прежде чем лифт добрался до минус первого этажа.

Выйдя из кабинки, Ло Цзи увидел, что они находятся в большом зале с низким потолком – подземном гараже. Здесь стояло множество автомобилей; у некоторых работали двигатели, отравляя выхлопом атмосферу. Вдоль рядов машин и между ними ходили люди. Единственный фонарь висел в дальнем углу; зал тонул в полумраке, и людей было трудно разглядеть – только когда они проходили мимо фонаря, становилось видно, что это вооруженные до зубов солдаты. Некоторые из них кричали в рации, пытаясь быть услышанными среди рева моторов. Их голоса звучали возбужденно.

Ши Цян повел Ло Цзи между двумя рядами автомобилей; его сотрудник шел позади. Фонарь и красные габаритные огни, чередуясь, подсвечивали Ши Цяна непрерывно меняющимся цветным узором, и это напомнило Ло Цзи о полутемном баре, в котором он встретил свою недавнюю подругу.

Ши Цян подвел Ло Цзи к одному из автомобилей, открыл дверь и помог ему сесть. Салон был просторным, но маленькие окна с тонированными стеклами глубоко утопали в необыкновенно толстых стенках. Этой машине не был страшен даже взрыв бомбы. Дверь осталась распахнутой, и Ло Цзи услышал разговор между Ши Цяном и молодым человеком.

– Капитан Ши, они только что позвонили и сказали, что проверили весь маршрут. Снайперы заняли позиции.

– Маршрут слишком сложный. Нам удалось только пару раз попрактиковаться – прогнать из конца в конец. Маловато для полного спокойствия. И насчет позиций охраны... Я ведь уже говорил: ты должен думать, как *они*. Где бы ты устроил засаду, если бы оказался на их стороне? Еще раз попроси совета у спецназа. Эй, а где план передачи?

– Они не сказали.

Ши Цян повысил голос:

¹¹ Под городами Китая с конца 1960-х годов строили огромные подземные лабиринты для защиты от вражеского нападения. Лозунг был придуман на основе совета, данного основателю династии Мин. Он затем был опубликован в новогоднем выпуске газеты «Жэньминь жибао» в январе 1973 года как указание от Мао Цзэдуна. (Прим. Дж. М.)

– Идиоты! Они не имеют права пустить такую важную часть задачи на самотек!

– Капитан Ши, похоже, начальство хочет, чтобы мы осуществляли сопровождение до самого конца пути.

– Да я готов осуществлять его хоть до конца жизни, но раз на том конце должна произойти передача, то необходимо однозначное разграничение обязанностей. Нужна черта. Все, что случится до этой черты, – на нас. После – на них.

– Они не сказали... – Молодой человек чувствовал себя некомфортно.

– Чжэн, я понимаю – ты не рад тому, что вынужден делать с тех пор, как Чан Вэйсы пошел на повышение. Проклятье, мы как будто не существуем для его недавних подчиненных! Но должно же у нас быть хоть какое-то самоуважение! Кем, черт побери, они себя считают? Они бывали под огнем противника? Стреляли по кому-нибудь сами? В последней операции эта команда привлекла так много технической поддержки, просто цирк какой-то! Даже самолет дальнего радиолокационного обнаружения задействовали. Но кто в результате нашел место, где собирались подонки из ОЗТ? Мы! Этим мы заработали кое-какие очки. Чжэн, понадобилось множество уговоров, чтобы перевести вас всех сюда, но боюсь, как бы вам это не вышло боком.

– Капитан Ши, не говорите так.

– С этим миром не все в порядке. Ты понимаешь? Мораль уже не та, что раньше. Все обвиняют в своих неудачах других, так что держи ушки на макушке! Говорю об этом потому, что не уверен, сколько еще я смогу продержаться. Боюсь, все это может свалиться на твою бедную голову.

– Капитан Ши, вам нужно серьезно задуматься о своем заболевании. Разве начальство не вписало вас в очередь на анабиоз?

– Сначала мне нужно о многом позаботиться. Семья, работа. И ты думаешь, что меня не волнует ваша судьба?

– Не беспокойтесь о нас. В вашем состоянии нельзя надолго откладывать гибернацию. Ваши десны опять кровоточили сегодня утром...

– Пустяки. Мне везет, ты же знаешь. В меня стреляли из трех пистолетов, и все три были неисправны.

Автомобили в конце зала начали выезжать. Ши Цян сел в машину и захлопнул дверь. Они поехали за машиной, стоявшей по соседству. Ши Цян задвинул занавески на боковых окнах, и непрозрачная перегородка между передним и задним сиденьями полностью закрыла для Ло Цзи вид наружу. Пока они ехали, рация Ши Цяна постоянно трещала, но Ло Цзи не понимал, ни что они говорят, ни что им отвечает Ши Цян.

Они проехали немного, и Ло Цзи признал:

– Все еще сложнее, чем вы говорили.

– Ну да. Теперь все сложно, – машинально ответил Ши Цян. Его внимание было приковано к рации. Больше они не разговаривали.

Поездка шла плавно и без остановок, и примерно через час они приехали.

Ши Цян вылез из машины, велел Ло Цзи ждать внутри и закрыл дверь. Ло Цзи слышал доносящийся сверху рокот. Через несколько минут Ши Цян снова открыл дверь и выпустил Ло Цзи наружу. Тот понял, что они на аэродроме. Рев стал оглушительным. Он посмотрел вверх и увидел два вертолета, висящих в воздухе и развернутых в противоположных направлениях, как если бы они следили за окружающей территорией. Прямо перед ним возвышался большой самолет, похожий на пассажирский; но, насколько он мог видеть, на нем не было никаких эмблем. Непосредственно от двери автомобиля ко входу в самолет вел трап; Ши Цян и Ло Цзи тут же поднялись по нему. Наверху Ло Цзи обернулся и заметил ряды истребителей на стоянке вдаль. Это был военный аэродром. Ближе стояли машины конвоя, доставившего его сюда. Солдаты вышли из машин и оцепили самолет. В лучах заходящего солнца тень самолета на взлетно-посадочной полосе вытянулась, словно гигантский восклицательный знак.

Ло Цзи и Ши Цян вошли внутрь. Три человека в черных костюмах встретили их и провели через пустой салон первого класса. В среднем салоне Ло Цзи обнаружил довольно большой кабинет и еще несколько помещений. В полуоткрытую дверь он увидел, что одно из них – спальня. Мебель была непримечательной, но приличной и добротно сработанной. Если бы не зеленые ремни безопасности на каждом кресле и на диване, было бы трудно поверить, что он в самолете. Ло Цзи знал, что в стране было очень немного чартерных самолетов такого класса.

Двое из троих сопровождающих прошли через дверь в хвостовой салон. Оставшийся, самый молодой, сказал:

– Садитесь, где хотите, но обязательно пристегивайтесь – не только при взлете и посадке, но и в течение всего полета. Если ляжете спать, тоже пристегивайтесь. Ничего не оставляйте лежать свободно. Все время оставайтесь в своем кресле или в кровати. Если вам будет необходимо встать, сначала сообщите капитану. Нажмите вот эту кнопку и говорите. Кнопки есть возле каждого кресла и каждой кровати. Если вам что-нибудь понадобится, вызывайте нас в любое время.

Ло Цзи недоуменно посмотрел на Ши Цяна. Тот пояснил:

– Самолет может выполнить кое-какие специальные маневры.

Сопровождающий согласно кивнул:

– Точно. Пожалуйста, дайте мне знать, если у вас возникнут какие-либо вопросы. Меня зовут Сяо Чжан. Когда мы взлетим, я принесу вам обед.

После ухода Сяо Чжана Ло Цзи и Ши Цян сели на диван и пристегнулись. Ло Цзи осмотрелся. За исключением круглых иллюминаторов и слегка изогнутых стен, комната выглядела настолько стандартно и привычно, что было немного странно пристегиваться ремнями в обычном офисе. Но вскоре гул и вибрация двигателей напомнили ему, что он в самолете, маневрирующем по летному полю. А еще через несколько минут звук моторов изменился, и обоих путешественников вдавило в спинку дивана. Затем дрожь взлета пропала, и пол офиса наклонился. По мере набора высоты солнце, уже скрывшееся за горизонтом, снова осветило иллюминаторы. Это было то же самое солнце, чьи лучи десять минут назад в последний раз на сегодня заглянули в больничную палату отца Чжан Бэйхая.

* * *

К тому времени, когда самолет Ло Цзи достиг побережья, У Юэ и Чжан Бэйхай, десятью тысячами метров ниже, снова рассматривали незаконченный «Тан». Ло Цзи уже не суждено оказаться ближе к этим двум офицерам, чем сейчас.

Как и во время их предыдущего посещения, гигантский корпус «Тана» был скрыт вечерней полутьмой. Каскады искр на обшивке не были столь многочисленны, и освещающие корабль прожекторы горели не так ярко. И на этот раз У Юэ и Чжан Бэйхай уже не служили во флоте.

– Я слышал, что Главный отдел вооружений решил остановить проект «Тан», – произнес Чжан Бэйхай.

– Какое это имеет отношение к нам? – холодно ответил У Юэ. Его глаза метались между «Таном» и последней полоской заходящего солнца.

– У тебя плохое настроение с тех самых пор, как ты перешел в космические силы.

– Ты знаешь почему. Ты всегда мог читать мои мысли, порой даже лучше, чем я сам; а потом ты растолковываешь мне, о чем именно я думаю.

Чжан Бэйхай повернулся к У Юэ.

– Ты подавлен тем, что присоединился к войне, которая, вне всяких сомнений, уже проиграна. Ты завидуешь тому последнему поколению, которое будет достаточно молодым, чтобы

воевать и быть похороненным в космосе, вместе со всем флотом. Тебе трудно смириться с тем, что вся твоя жизнь будет потрачена на безнадежное предприятие.

– Есть что посоветовать?

– Нет. Технофетишизм и технологический триумфализм глубоко укоренились у тебя в уме. Я уже давно понял, что не смогу тебя переделать. Я могу только уменьшить вред от такого образа мышления. Кроме того, я считаю, что человечество способно выиграть эту войну.

У Юэ забыл о своей маске холодности и посмотрел Чжан Бэйхаю в глаза.

– Бэйхай, ты всегда был прагматиком. Ты выступал против строительства «Тана» и неоднократно, под протокол, высказывал сомнения в необходимости океанского флота. Ты тогда утверждал, что он несовместим с преимуществами нашего положения. Ты полагаешь, что нашему флоту следует оставаться у берега, под защитой береговой артиллерии. Эту идею «панциря черепахи» высмеивала вся молодежь, но ты не сдавался. Так откуда же у тебя теперь такая уверенность в победе в космосе? Ты и впрямь веришь, что деревянные лодки могут потопить авианосец?

– После провозглашения независимости созданный на пустом месте флот воспользовался деревянными лодками, чтобы потопить эсминцы националистов. А ранее бывали случаи, когда наша армия посылала кавалерию против танков.

– Но ты же не можешь всерьез полагать, что подобные чудеса можно считать обычной военной теорией?

– На этом поле боя земной цивилизации не потребуется следовать обычной военной теории, – Чжан Бэйхай поднял палец. – Достаточно одного-единственного исключения.

У Юэ ответил ему насмешливой улыбкой.

– Хотелось бы знать, как ты устроишь это исключение.

– Я ничего не знаю о войне в космосе, конечно. Но если уж речь зашла об атаке деревянных лодок против авианосца, я полагаю, что достаточно смелости в действиях и уверенности в победе. В лодке может поместиться небольшая группа боевых пловцов. Они будут ждать на курсе авианосца. Когда авианосец приблизится, пловцы спустятся в воду, а лодка отойдет в сторону. Когда авианосец окажется совсем рядом, они прикрепят к корпусу мину и потопят корабль... Конечно, это будет очень трудно, но не невозможно.

У Юэ кивнул:

– Неплохо. Такие попытки известны. Во время Второй мировой войны британцы предложили этот метод как один из вариантов уничтожения «Тирпица»; но в их плане фигурировала небольшая подводная лодка. В 1980-х в войне за Мальвинские острова аргентинский спецназ доставил итальянские магнитные мины в Испанию и попытался взорвать британский корабль, стоящий в гавани Гибралтара. Ты и сам знаешь, что произошло дальше¹².

¹² Поскольку наверняка не все наши читатели знают, о чем речь, а эпизод был воистину замечательный, даже несколько комичный, расскажем. В состав частей особого назначения военно-морского флота Аргентины входит тактическая группа боевых пловцов. Все ее члены являются высококвалифицированными боевыми пловцами, специалистами подводного минирования, парашютистами, отлично подготовленными к диверсионным действиям в самых разных условиях. Эта группа принимала участие в англо-аргентинской войне. Эпизод, о котором упоминает У Юэ, – это неудачная попытка аргентинских боевых пловцов провести в мае 1982 года диверсии на английской военно-морской базе в Гибралтаре, в которой пополняли запасы военные суда и корабли, следовавшие в район Фолклендских островов. Для проведения операции из Буэнос-Айреса в Испанию обычным рейсовым самолетом в начале мая прибыла разведывательно-диверсионная группа боевых пловцов из четырех человек во главе с лейтенантом Луисом Альберто Фернандесом. Группе была поставлена задача во что бы то ни стало, даже ценой собственной жизни, взорвать несколько английских военных кораблей и судов в районе Гибралтара в отместку за потопленный англичанами крейсер «Адмирал Бельграно». К операции были подключены военный и военно-морской атташе аргентинского посольства в Испании, которые снабдили группу четырьмя мощными магнитными диверсионными минами весом по 20 кг каждая, надувной лодкой с мощным навесным мотором и полным комплектом подводного снаряжения боевых пловцов. После прибытия в испанскую провинцию Кадис рядом с Гибралтаром группа разделилась на пары. Были сняты номера в фешенебельном отеле «Рио-Гранде» и несколько квартир в Малаге, взяты в аренду автомобили. В течение двух недель по ночам все четверо совершили несколько скрытных проникновений в Гибралтар с использованием надувной лодки, причем эти вторжения ни разу не были обнаружены береговой охраной. Эти вылазки позволили группе получить всю необ-

– Но у нас не просто маленькая деревянная лодка. Можно изготовить ядерное устройство на одну или две тысячи тонн в тротиловом эквиваленте; оно будет достаточно портативным, чтобы один или два пловца могли с ним работать под водой. Подведи такую мину под авианосец, и он не просто утонет – его разнесет в пыль!

– Порой у тебя проклеывается отличное воображение, – с улыбкой сказал У Юэ.

– Я убежден в нашей победе. – Чжан Бэйхай посмотрел на «Тан». Далекие фонтаны искр электросварки отражались в его зрачках двумя маленькими огоньками.

У Юэ тоже посмотрел на «Тан», и у него в уме возникла новая картина. Корабль теперь представлялся не старинной разрушенной крепостью, а доисторическим утесом с множеством вырытых в нем глубоких пещер. Разрозненные искры сварки были мерцающими огнями костров, горящих в этих пещерах.

* * *

После взлета и во время обеда Ло Цзи воздерживался от вопросов о том, куда они летят и что, собственно, происходит. Он заключил, что если бы Ши Цян хотел что-то ему сказать, то уже бы сказал. Один раз он расстегнул ремень безопасности и встал, чтобы выглянуть в иллюминатор, хоть и был уверен, что в темноте ничего не увидит. Однако Ши Цян пошел вслед за ним и закрыл шторку, пояснив, что смотреть там не на что.

– Почему бы нам еще немного не поболтать перед сном? Что ты на это скажешь? – предложил Ши Цян, выбивая из пачки сигарету. Вспомнив, что они в самолете, он тут же затолкал сигарету обратно.

– Перед сном? Сколько же нам лететь?

– Да какая разница? Кровати здесь есть, почему бы в них не завалиться?

– Насколько я понимаю, вы отвечаете только за доставку меня в точку назначения?

– А тебе-то на что жаловаться? Это ведь мне придется возвращаться! – осклабился Ши Цян. Черный юмор, по-видимому, доставлял ему удовольствие. Но затем он перешел на серьезный тон: – Я знаю о твоём путешествии не больше, чем ты сам. Кроме того, мне еще рано что-либо тебе объяснять. Не волнуйся. В точке передачи тебе скажут все, что надо.

– Я уже несколько часов теряюсь в догадках, и у меня есть только одна теория.

– Ну расскажи – сравним мою теорию и твою.

– Та женщина была самым обычным человеком; из этого следует, что кто-то из ее родственников или знакомых занимал высокое положение. – Ло Цзи ничего не знал о ее семье, как и о семьях других своих любовниц. Это его не интересовало; даже если ему говорили, он тут же забывал.

ходимую информацию для успешного проведения диверсий в Гибралтаре. Объем собранной группой информации и аренда квартир в районе, прилегающем к базе, указывают на то, что предполагалось проведение не одной, а нескольких операций с использованием других диверсионных групп, и не только на рейде и в порту, но и на складах боеприпасов в самой базе. Однако проведение операции 31 мая было совершенно случайно сорвано испанской полицией, которая за восемь часов до ее начала задержала командира, а затем и остальных членов группы, приняв их за обычных уголовников, торговцев наркотиками или террористов, соривших деньгами налево и направо. Когда задержали Фернандеса (не оказавшего никакого сопротивления), он спокойно и вежливо заявил полицейским, что является лейтенантом аргентинских ВМС, прибывшим в Испанию с секретной миссией по заданию специальной службы Аргентины. Несмотря на протесты аргентинца, испанская полиция, приняв его заявление за розыгрыш, провела обыск в его номере в гостинице, где обнаружила в чемоданах четыре магнитные мины и легкие водолазные костюмы, а в стоявшей у отеля автомашине – надувную лодку с мотором, приборы ночного видения, баллоны с кислородом, подводные часы и компасы. В ходе допроса лейтенанта полицейские узнали адрес квартиры в Малаге, где находились еще два боевых пловца. В квартире были обнаружены четыре детонатора, которые хранились отдельно от мин, несколько карт акватории Гибралтара, глубинных течений района, записи наблюдений за движением судов в порту, вырезки из газет и прогноз погоды на 31 мая. Как раз 31 мая 1982 года Испания официально вступила в НАТО, и инцидент был строго засекречен, а все материалы по делу уничтожены. Аргентина заявила о непричастности к этому инциденту, а члены диверсионной группы были депортированы из Испании. (По материалам сайта «Солдат удачи» http://sof-mag.ru/spec_arms/argentina_spes.html) (Прим. перев.)

– Кто? А, та твоя подружка? Забудь о ней; впрочем, она и так тебя не интересуется. Или, если хочешь, сопоставь ее имя и лицо с какими-нибудь знаменитостями.

Ло Цзи перебрал несколько комбинаций, но совпадений не обнаружил.

– Ло, кореш, ты умеешь обманывать? – спросил Ши Цян. Ло Цзи заметил одну особенность его речи. Когда он шутил, то называл Ло «мой мальчик», но когда говорил более серьезно – переходил на «парня» или «кореша».

– Я должен кого-то обмануть?

– Конечно. Как насчет того, что я тебя научу паре приемчиков? Конечно, я и сам не мастак. Работаю-то все больше над разоблачением мошенничества... Я тебе сейчас расскажу пару приемов из комнаты допросов. Позже они могут тебе пригодиться, чтобы понять, что происходит. Разумеется, они из числа наиболее простых. Другие трудно объяснить. Начнем с самого мягкого, который в то же время и самый простой. Это «список». Ты составляешь длинный список вопросов по делу, а потом задаешь эти вопросы один за другим и записываешь ответы допрашиваемого. Ты задаешь эти вопросы неоднократно, если требуется. Потом сравниваешь ответы. Если человек лжет, то ответы будут каждый раз разные. Техника проще некуда, но не смотри на нее с пренебрежением. С ней не справится никто, кроме прошедших специальное обучение по противодействию допросам. Поэтому самый эффективный метод против «списка» – это просто молчать. – Ши Цян покрутил в пальцах сигарету, а потом отложил ее в сторону.

– Поинтересуйтесь у персонала, – посоветовал Ло Цзи. – Это чартерный рейс, курение, наверное, разрешено.

Ши Цян был увлечен своей речью, и, похоже, его немного уязвило, когда Ло Цзи в нее вклинился. Ло Цзи понял, что собеседник говорит серьезно. А если он все же шутит, то у него странноватое чувство юмора. Ши Цян нажал на красную кнопку интеркома возле дивана. Сяо Чжан ответил, что они могут делать все, что пожелают. Тогда оба закурили.

– Следующий метод уже не такой мягкий... Пепельницу придвинуть нельзя, но она открывается. Да, вот так... Этот метод называется «черное и белое». Он посложнее, и тебе потребуются помощники. Сначала появляются плохие полицейские, обычно не меньше двух, и они ведут себя очень грубо. Кто-то из них груб на словах, а кто-то физически. Главное – все они жутко злые. Их стратегия – не просто запугать, а вызвать у допрашиваемого чувство, будто против него ополчился весь мир. А потом появляется хороший полицейский – только один. У него доброе лицо, он останавливает плохих полицейских, говорит им, что ты тоже человек, что у тебя есть права и как только они могут так обращаться с тобой? Плохие полицейские посылают его на фиг – пусть, мол, не мешает им работать. Хороший полицейский распинается вовсю: «Так поступать нельзя!» Тогда плохие полицейские принимают его ругать: «Мы всегда знали, что у тебя кишка тонка для этой работы! Если не можешь работать, пошел вон!» Хороший полицейский загораживает тебя своим телом и заявляет: «Я буду защищать его права, я буду стоять за справедливость!» Тогда плохие полицейские обещают: «Завтра вылетим отсюда как миленький!» – и в гневе уходят. Остаетесь только вы двое. Хороший полицейский утирает кровь и пот с твоего лица, просит не бояться и заверяет, что у тебя есть право хранить молчание. А дальше, как ты уже догадываешься, он становится твоим единственным другом в этом мире; когда он беседует с тобой, ты уже не молчишь... Этот метод наиболее эффективен против интеллектуалов, но, в отличие от «списка», он не действует, если ты о нем знаешь заранее.

Ши Цян говорил с воодушевлением, даже порывался расстегнуть ремень безопасности и встать. Ло Цзи, охваченный страхом и отчаянием, чувствовал себя так, будто провалился в расщелину во льду. Заметив его состояние, Ши Цян притормозил.

– Хорошо, не будем больше говорить о допросах, хотя эти сведения могут тебе пригодиться. Всего сразу не охватить. В любом случае, я собирался рассказать тебе, как водить людей

за нос, поэтому запомни: подлинное хитроумие заключается в том, чтобы не демонстрировать хитроумия. Все не так, как в кино. Самые умные не выделяются. По ним не скажешь, что они умеют шевелить мозгами. Вид у них самый что ни на есть невинный и прилаженный. Кое-кто безвкусно одет или сюсюкает при разговоре; иные беспечны и несерьезны. Самое главное – не дать другим понять, что ты важен, что тобой стоит заинтересоваться. Пускай они смотрят на тебя с пренебрежением, пускай не замечают тебя – и тогда они не посчитают тебя препятствием. Ты просто метла в углу. Наивысшее достижение в этом деле – когда тебя вообще не видят, вплоть до того момента, когда умирают от твоей руки.

– Да зачем мне становиться таким?! Разве мне это когда-нибудь понадобится? – перебил Ло Цзи.

– Как я уже говорил, я об этом знаю не больше тебя. Но у меня есть предчувствие, что тебе потребуется стать таким. Парень, у тебя не будет другого выхода! – Ши Цян снова разгорячился и хлопнул его по плечу – так сильно, что тот поморщился.

Потом они посидели в молчании, наблюдая, как клубы дыма поднимаются к потолку и исчезают за вентиляционной решеткой.

– Ладно, хрен с ним. Ну что, на боковую? – спросил Ши Цян, раздавив окурки в пепельнице. Потом с улыбкой встряхнул головой: – Треплюсь как идиот. Когда будешь об этом вспоминать, не смейся надо мной.

В спальне Ло Цзи снял свой пуленепробиваемый пиджак и залез в специальный спальный мешок. Ши Цян помог ему пристегнуть мешок к кровати, а потом поставил на тумбочку небольшой пузырек.

– Снотворное. Прими, если не сможешь заснуть. Я просил спиртного, но они сказали, что у них нет.

Ши Цян напомнил, что следует предупредить пилотов, если Ло Цзи будет вставать с постели, и развернулся, чтобы уйти.

– Офицер Ши, – позвал его Ло Цзи.

Уже в двери Ши Цян полуобернулся к нему.

– Я не полицейский. Полиция никак не связана с этим делом. Все зовут меня Да Ши.

– Хорошо, Да Ши, когда мы беседовали, я кое-что подметил. Я обратил внимание на первые ваши слова. Или, точнее, на ваш первый ответ. Я сказал «та женщина», а вы сначала даже не поняли, о ком я говорю. Это значит, что она в этом деле вообще ни при чем.

– Ты один из самых хладнокровных людей, которых я когда-либо встречал.

– Я просто циник. Не так уж много на свете вещей, о которых я стал бы беспокоиться.

– Что бы это ни было, я никогда не встречал человека, который сохранил бы спокойствие в подобной ситуации. Забудь все, что я говорил. Люблю пошутить.

– Вы просто хотите чем-то занять меня, чтобы спокойно выполнить свое задание.

– Уж извини, если заставил тебя поволноваться.

– О чем, по-вашему, мне стоит сейчас думать?

– Исходя из моего опыта, лучше всего вообще ни о чем. Тебе следует просто поспать.

Ши Цян вышел и закрыл дверь. Комната погрузилась в темноту, за исключением небольшой красной лампочки у изголовья постели. Всепроникающий шум двигателей был особенно заметен; казалось, что само бесконечное ночное небо за стенкой издает низкий гул.

А потом Ло Цзи почувствовал, что это не иллюзия, что гул и в самом деле идет откуда-то снаружи. Он отцепил ремень, вылез из спального мешка и поднял шторку иллюминатора возле кровати. Над бесконечным серебристым океаном облаков плыла луна. Ло Цзи заметил над облаками еще кое-что, тоже отсвечивающее серебром. Четыре прямые полосы на фоне ночного неба. Они неотрывно следовали за самолетом; их концы постепенно бледнели и растворялись в ночном небе, как четыре сверкающих меча, летящих выше облаков. Ло Цзи приставил взгляд к началу полосок и обнаружил, что серебристые линии исходят от четырех объек-

тов, поблескивающих металлом. Истребители! Было нетрудно предположить, что еще четыре летят по другому борту самолета.

Ло Цзи опустил шторку и забрался обратно в спальный мешок. Он закрыл глаза и попробовал ни о чем не думать. Он хотел не спать, а очнуться ото сна.

* * *

Рабочее совещание космических сил продолжалось до глубокой ночи. Чжан Бэйхай отодвинул лежавшие перед ним блокнот и документы и встал, вглядываясь в усталые лица офицеров. Затем повернулся к Чан Вэйсы.

– Командующий, прежде чем мы доложим о проделанной работе, я хотел бы поделиться некоторыми из своих наблюдений. Я считаю, что военное руководство не уделяет достаточного внимания политической и идеологической работе в войсках. Например, политический отдел – последний из всех шести сформированных отделов, представляющий свой отчет на этом совещании.

Чан Вэйсы кивнул.

– Разделяю твое мнение. Политические комиссары еще не прибыли, поэтому надзор за политработой пал на меня. Теперь, когда мы наконец начали деятельность во всех направлениях, времени ни на что не хватает. Так что нам приходится рассчитывать на тебя и других, кто отвечает за конкретные направления.

– Командующий, я считаю, что сложилась опасная ситуация. – Это замечание привлекло внимание нескольких офицеров. Чжан Бэйхай продолжил: – Прошу прощения за то, что говорю без обиняков. Прежде всего, мы заседаем уже целый день, все устали. Никто не будет слушать, если я не буду прямолинеен.

Несколько человек засмеялись, но остальных не отпускала усталость.

– Что гораздо существеннее, я серьезно озабочен. Нам предстоит битва при таком неравенстве сил, какого не бывало за всю историю войн человечества. Я полагаю, что самая серьезная опасность, стоящая перед нами как сейчас, так и в отдаленном будущем, это пораженческие настроения. Эту опасность нельзя переоценить. Распространение пораженчества не только приведет к распаду морали, но может даже привести к полному развалу космической военной мощи.

Чан Вэйсы снова кивнул.

– Согласен с тобой. Пораженчество в настоящее время – наш самый страшный враг. Военная комиссия об этом хорошо знает. Именно поэтому политическая и идеологическая работа в войсках будет иметь колоссальное значение. И она станет еще сложнее, как только оформятся основные элементы космических сил.

Чжан Бэйхай раскрыл свой блокнот.

– Докладываю о проведенной работе. С момента основания космических сил наши основные усилия в политической и идеологической работе в войсках были направлены на проведение анализа общего идеологического состояния офицеров и солдат. Поскольку структура этого нового вида войск в настоящее время проста, с небольшим количеством административных уровней и с небольшим количеством военнослужащих, анализ проводился путем неформальных собраний и с помощью личного общения. В интранете был создан соответствующий форум. Результаты анализа тревожат. Пораженческое мышление встречается повсеместно и быстро распространяется среди состава. Значительная часть наших товарищей ощущает ужас перед лицом врага и потеряла веру в победу.

Основным источником пораженчества является в первую очередь преклонение перед технологией и недооценка или полное отрицание роли человеческой изобретательности и воинского духа. Такое преклонение является развитием и расширением технотриумфализма

и теории, что «оружие решает все», которые в последние годы возникли в среде вооруженных сил. Такая тенденция особенно сильна среди высокообразованных офицеров. Пораженчество среди военнослужащих принимает следующие формы:

Первая. Служебные обязанности в космических войсках воспринимаются как обычная работа: люди трудятся с усердием и ответственно, но без энтузиазма и с сомнением в конечной пользе своей работы.

Вторая. Пассивное ожидание: вера в то, что исход войны зависит от ученых и инженеров; вера в то, что космические силы останутся лишь далекой мечтой вплоть до прорыва в фундаментальных науках и в ключевых технологиях, и вытекающая из нее неопределенность в отношении важности нынешней работы. Военнослужащие удовлетворены простой организационной работой; новаторство отсутствует.

Третья. Необоснованные фантазии: требования воспользоваться технологией гибридной для того, чтобы перескочить через четыре столетия, попасть в будущее и лично принять участие в битве Судного дня. Такие намерения уже выразило значительное количество молодых товарищей. Один даже подал рапорт. С одной стороны, желание броситься в битву – это хорошо. Но с другой стороны, это лишь иная форма пораженчества. У них нет уверенности в победе, и они сомневаются в полезности своей сегодняшней работы. Им остается только воинская доблесть.

Четвертая. Противоположность третьей: отрицание воинской доблести; мнение, что традиционный моральный кодекс солдата больше не годен для поля боя; что борьба до конца не имеет смысла; что воинская доблесть существует только тогда, когда кто-то ее видит; но если человечество проиграет и исчезнет из Вселенной, то она становится бессмысленной. И хотя такую позицию занимают лишь немногие, отрицание значимости космических сил наносит значительный ущерб делу.

В этот момент Чжан Бэйхай окинул взглядом собравшихся и отметил, что, хоть его речь и привлекла некоторый интерес, не все еще страхнули усталость. Он был уверен, что его следующие слова изменят ситуацию.

– Я дам вам конкретный пример товарища, у которого наблюдается типичная форма пораженчества. Я говорю о полковнике У Юэ. – Чжан Бэйхай вытянул руку в сторону места У Юэ за конференц-столом.

Усталость в комнате как рукой сняло; присутствующие наострили уши. Все настороженно посмотрели на Чжан Бэйхай, а затем на У Юэ; тот спокойно глядел на них – само воплощение хладнокровия.

– У Юэ и я довольно долго вместе служили во флоте, и мы хорошо знаем друг друга. У него наблюдается сильный комплекс зависимости от техники; как капитан он технократ – инженер, если хотите. Само по себе это неплохо; но, к сожалению, его военное мышление слишком ограничено технологией. Если спросить, то он так не скажет, но он подсознательно верит, что технологическое преимущество является основным, возможно, единственным фактором, определяющим эффективность боевой единицы. Он совершенно игнорирует роль человека в бою. В частности, он не понимает исключительных преимуществ, выработанных нашей армией в трудных исторических условиях. Он потерял веру в будущее, как только узнал о Три-солярианском кризисе. Когда он вступил в космические войска, его отчаяние стало еще заметнее. Пораженческие настроения товарища У Юэ настолько глубоки и тяжелы, что справиться с ними у нас надежды нет. Мы должны принять серьезные меры, и как можно скорее, чтобы остановить распространение пораженчества в войсках. Я полагаю, что товарищ У Юэ более не годен для службы в космических силах.

Все взгляды были направлены на У Юэ. А тот невозмутимо рассматривал эмблему космических сил на своей фуражке, лежащей на столе.

Во время своего выступления Чжан Бэйхай не бросил ни одного взгляда в направлении У Юэ. Он продолжил:

– Командующий, товарищ У Юэ и остальные присутствующие! Я прошу вашего понимания. Я говорю все это исключительно из опасения за существующее идеологическое состояние войск. Конечно, я также надеюсь вызвать У Юэ на открытую и откровенную дискуссию лицом к лицу.

У Юэ поднял руку, прося слова. Получив одобрительный кивок от Чан Вэйсы, он встал:

– Оценка товарищем Чжан Бэйхаем состояния моего ума совершенно точна, и я согласен с его заключением. Я более не годен для службы в космических войсках. Я подчинюсь любому решению командования.

Атмосфера в комнате стала напряженной. Несколько офицеров впились глазами в блокнот перед Чжан Бэйхаем, гадая, кого еще может затронуть его содержимое.

Встал старший полковник от военно-воздушных сил:

– Товарищ Чжан Бэйхай, это обычное рабочее совещание. Вам следует действовать через соответствующие организационные структуры, вместо того чтобы докладывать здесь подобные наблюдения. Вы полагаете, такие темы допустимо обсуждать открыто?

Многие офицеры зашумели, поддерживая его замечание.

Чжан Бэйхай ответил:

– Я знаю, что мое выступление нарушает протокол, и готов понести за это ответственность. Однако считаю, что обязан привлечь ваше внимание к этой проблеме любым способом.

Чан Вэйсы поднял руку, предупреждая другие реплики с мест:

– Первым делом необходимо высоко оценить чувство ответственности и стремление к безотлагательному действию, которыми руководствовался товарищ Чжан Бэйхай. Существование пораженческих настроений среди личного состава – это факт, и мы должны действовать рационально. Пораженчество никуда не денется до тех пор, пока между противниками существует разрыв в технологическом уровне. Это не та проблема, которую легко решить; она потребует долгой и тщательной работы, а также больше общения и больше дискуссий. Однако я также согласен с предложением старшего полковника: все, касающееся личных идейных качеств, следует решать в основном путем разговоров и обсуждений. Если необходим доклад, его следует подавать по инстанции.

Офицеры издали вздох облегчения. Чжан Бэйхай не будет называть их имена – по крайней мере, на этом совещании.

* * *

Ло Цзи пытался собраться с мыслями, представляя себе безграничное ночное небо над облаками. Его размышления незаметно перешли на ту женщину. Ее голос и смеющееся лицо возникли из темноты, и в его сердце родилась грусть, какой он еще в жизни не испытывал. Он тут же переключился на самобичевание. В своей жизни Ло Цзи презирал себя бесчисленное количество раз, но так сильно – никогда. Почему он о ней думает? До сих пор его единственной реакцией на ее смерть, за исключением страха и удивления, было желание оправдаться. И только теперь, когда он понял, что ее роль во всем случившемся была ничтожной, он потратил на нее немного своего драгоценного сожаления. Ну и кто же он после этого?

Но что поделаешь? Такой уж он человек.

Самолет потряхивало, и Ло Цзи казалось, будто он в люльке. Он вспомнил, что ребенком спал в колыбели. Однажды в подвале родительского дома он нашел детали нехитрого устройства под старой детской кроватью, все в пыли. А сейчас, вызвав в памяти образ родителей, он спросил себя: «С того самого дня, как ты покинул колыбель, любил ли ты кого-нибудь, кроме

этих двоих людей? Выделял ли ты для кого-то еще хоть когда-нибудь хоть самый маленький, но постоянный уголок в своем сердце?»

Да, однажды такое случилось. Золотистый свет любви жил в его душе пять лет назад. Но это произошло не в реальности.

Все началось с Бай Жун, автора романов для молодежи. Она писала их в свободное время, но они вызвали столько интереса, что доходы от писательства превысили ее зарплату. С Бай Жун Ло Цзи встречался дольше других своих женщин и даже дошел до того, что подумывал на ней жениться. Их отношения были самыми обычными, не особенно страстными или забываемыми, но они их устраивали; они отдыхали друг с другом и были счастливы вместе. Хотя оба относились к браку с некоторым опасением, они считали, что стоит хотя бы попытаться.

По настоянию Бай Жун он прочел все ее книги. Он не сказал бы, что они ему понравились, но, по крайней мере, они не были так же неприятны, как другие книги этого жанра, которые ему случалось листать. У нее был хороший стиль – в отличие от других авторов, она писала просто и ясно. Содержание же оставляло желать лучшего. Чтение ее романов можно было сравнить с рассматриванием капель росы на траве. Каждая капля была чистой и прозрачной, но они различались между собой только тем, как они преломляют и отражают свет, катятся по листьям, объединяются в одну при столкновении и распадаются, пока не испарятся бесследно через несколько минут после восхода солнца. Каждый раз, читая очередную ее книгу, Ло Цзи задавался вопросом: «На какие средства живут все эти люди, если они поглощены любовью двадцать четыре часа в сутки?»

– Ты полагаешь, что любовь, о которой ты пишешь, существует в реальном мире? – спросил он однажды.

– Да, я так думаю.

– Ты видела такое или это произошло с тобой?

Бай Жун обняла его за шею:

– Так или иначе, я говорю, что она существует, – загадочно прошептала она ему в ухо.

Порой он предлагал ей сюжеты для романов, над которыми она работала; иногда даже помогал ей в вычитке.

– Похоже, ты талантливее меня, – призналась она однажды. – Ты работаешь не над сюжетом, а над героем, а это самое сложное. Каждая твоя поправка добавляет характерам живости. У тебя выдающийся талант к созданию литературных персонажей.

– Ты, наверное, шутишь. Я же астроном!

– Не забывай, что Ван Сяобо¹³ изучал математику.

В прошлом году она попросила его о необычном подарке ко дню рождения:

– Ты не мог бы написать для меня роман?

– Целый роман?

– Ну хотя бы повесть на пятьдесят тысяч знаков.

– С тобой в качестве главной героини?

– Нет. Я как-то была на очень интересной выставке картин. Художники-мужчины рисовали самых прекрасных женщин, каких могли себе вообразить. Вот такой и должна быть главная героиня твоей повести. Забудь о реальности, создай ангела – идеальную женщину, какой ты себе ее представляешь.

Он до сих пор так и не понял, что стояло за этой просьбой. Может быть, она и сама не понимала этого. Сейчас ему казалось, что ее настроение в те дни было смесью лукавства и безразличия.

¹³ Ван Сяобо (1952–1997) был влиятельным прозаиком, очеркистом и сценаристом. Его работы стали крайне популярны после его ранней смерти. (Прим. Дж. М.)

Он приступил к созданию персонажа. Сначала представил себе ее лицо, затем одежду, продумал окружающую обстановку и людей. В заключение он оживил ее – поместил в эту обстановку, позволил двигаться и говорить. Но вскоре работа его утомила, и он рассказал Бай Жун о трудностях, с которыми столкнулся.

– Она подобна марионетке. Каждое ее слово, каждое действие запрограммированы; в ней нет ни искры жизни.

– Ты не так подходишь к делу, – отвечала Бай Жун. – Ты пишешь сочинение, а не создаешь литературного героя. То, что герой делает за десять минут, может быть отражением десятка лет его жизненного опыта. Нельзя ограничиваться только сюжетом повести – необходимо представить себе всю жизнь твоей героини. То, что ты потом опишешь словами на бумаге, будет лишь вершиной этого айсберга.

Ло Цзи прислушался к ее совету. Он выбросил все, что собирался написать; вместо этого он представил себе всю жизнь своей героини в малейших подробностях. Он воображал, как Она сосет грудь матери, энергично работая маленьким ротиком и причмокивая от удовольствия. Он видел, как Она тянется за красным воздушным шариком, летящим вдоль дороги, как ловит его, только чтобы тут же споткнуться и упасть, упустить шарик и расплакаться, не осознавая, что она только что сделала свой первый шаг. В его воображении Она шла под дождем и складывала зонтик, чтобы ощутить капли дождя на лице. Он представил себе ее первый день в школе – растерянная девочка, одиноко сидящая в незнакомой комнате и не видящая родителей в окне или двери. Тогда она почти расплакалась, но сообразила, что ее лучшая подруга по детскому саду рядом, – и заплакала, но уже от радости. Он вообразил себе ее первую ночь в колледже, когда Она лежала в постели и следила за тенями, которые деревья отбрасывали на потолок в свете уличных фонарей... Он придумал все ее любимые блюда, цвет и стиль каждого предмета одежды в ее гардеробе, расцветку мобильного телефона, книги, которые Она читала, музыку, которую слушала, страницы, которые посещала в Интернете, кинофильмы, которые ей нравились. Но не косметику – Она не нуждалась в косметике... Как создатель вне потока времени, он сшивал воедино различные этапы ее жизни и постепенно открыл для себя безграничную радость творения.

Однажды в библиотеке он представил ее стоящей возле ряда полок и что-то читающей. Он одел ее в свой любимый костюм, чтобы маленькая фигурка была ярко видна в его воображении. Внезапно Она оторвалась от книги, посмотрела на него и улыбнулась.

Он был ошеломлен. Разве он учил ее улыбаться? Эта улыбка навсегда запечатлелась в его памяти.

Следующая ночь была переломной. За окном бушевала метель, царил лютый холод. Из своей теплой комнаты в общежитии он наблюдал за бурей, которая замела весь город. Снежинки стучали в его окно, словно песок. Снаружи все было укрыто огромным белым ковром. Казалось, что города больше нет, что общежитие стоит посреди бесконечной снежной равнины. Ло Цзи лег в постель, но прежде чем он заснул, ему в голову пришла неожиданная мысль. Если Она там, снаружи, в эту ужасную погоду, то ей должно быть очень холодно. Потом он напомним себе: это не имеет значения, Она не окажется снаружи, разве что ты поместишь ее туда. Но на этот раз его воображение отказало, и Она продолжала идти сквозь метель – тонкая, как травинка, которую в любой момент может унести ветром. Ее белое пальто и красный шарф – все, что он мог разглядеть сквозь снегопад, – были словно огонек, сопротивляющийся шторму.

Он не смог заснуть. Поднялся с постели, накиннул одежду и сел на диван. Он подумывал, не закурить ли ему, но, вспомнив, что Она не переносит запаха табака, приготовил себе вместо этого чашку кофе и медленно выпил. Он должен дожидаться ее прихода. Метель и холод этой ночи лежали камнем на его душе. Впервые в жизни он так сильно переживал за кого-то и так сильно по кому-то тосковал.

Когда его разум начал пробуждаться, тихо появилась Она. Ее тонкая фигурка была окутана прохладой, но среди холода ощущалось дуновение весны. Снежинки на ее волосах быстро превратились в блестящие капельки. Она размотала шарф, поднесла ладони ко рту и подышала на них. Он взял ее руки в свои, чтобы согреть их мягкий лед. Она взволнованно посмотрела на него и спросила, опередив его собственный вопрос:

– С вами все в порядке?

Он смог только глупо кивнуть. Приняв ее пальто, он предложил:

– Заходите, погрейтесь.

Он взял ее за мягкие плечики и проводил к камину.

– Здесь и в самом деле тепло. Как чудесно... – Она уселась на ковер перед камином, радостно смеясь и глядя на пламя.

«Черт побери! Что со мной?» – спросил он себя, стоя посреди пустой комнаты. Разве не достаточно было бы придумать пятьдесят тысяч слов, распечатать их на хорошей бумаге, нарисовать в фотошопе роскошную обложку, отдать переплетчику, обернуть бумагой для подарков и вручить Бай Жун в день ее рождения? Почему он так глубоко увяз в этой ловушке? Ло Цзи с удивлением обнаружил, что его глаза налились слезами. Затем пришла еще одна мысль: «Камин? Когда это у меня был камин? С чего бы мне придумывать камин?» А потом понял: ему нужен был не сам камин, а лишь его пламя – потому что любая женщина обретает особую красоту в свете огня. Он вспомнил, как прекрасна Она была на фоне камина...

Нет! Не думай о ней. Это плохо кончится. Ложись спать.

Его опасения не подтвердились – Она ни разу не приснилась ему за всю ночь. Он крепко спал, и во сне его односпальная кровать представлялась ему маленькой лодкой, плывущей по розовому морю.

На следующее утро Ло Цзи проснулся заново родившимся. Он был как свеча, пылившаяся долгие годы и зажегшаяся от крохотного огонька, что разгорелся во вчерашней метели. Он возбужденно зашагал по дороге к учебному корпусу. Хотя воздух оставался туманным после снегопада, ему казалось, что он мог видеть на тысячу миль вокруг. На тополях, растущих вдоль дороги, не было снега. Их голые ветви тянулись в холодное небо; но для него они были живее, чем весной.

Он поднялся на кафедру, и – в точности как он и надеялся – Она опять была там, единственная в последнем ряду амфитеатра, поодаль от других студентов. Ее безупречно белое пальто и красный шарф лежали на сиденье рядом. На ней была бежевая водолазка. В отличие от других студентов, Она не склонялась над учебником, листая страницы. Вместо этого Она посмотрела на Ло Цзи и одарила его еще одной снежно-рассветной улыбкой.

Ло Цзи разволновался. Его пульс участился; пришлось выйти в боковую дверь, постоять на балконе и успокоиться на прохладном воздухе. Он дважды в жизни приходил в подобное волнение, оба раза при защите своих докторских диссертаций. Во время этой лекции он выдал все, на что был способен, чтобы показать себя с наилучшей стороны; его обширные цитаты и вдохновенная речь вызвали аплодисменты аудитории, а это бывало нечасто. Она не присоединилась к общему восторгу, а лишь улыбнулась ему и кивнула.

После лекции они гуляли, идя бок о бок. Деревья, высаженные вдоль дорожки, не отбрасывали тени. Он слушал скрип снега под ее синими сапожками. Два ряда зимующих тополей молча внимали их искренней беседе.

– Вы хорошо читаете лекции, но я их не понимаю.

– Вы ведь не специализируетесь в этом предмете?

– Нет.

– Вы часто приходите на лекции по другим специальностям?

– Только в последние несколько дней. Захожу в первую попавшуюся аудиторию и слушаю. Я только что закончила учебу и скоро уеду, но внезапно поняла, что мне здесь нравится и я боюсь мира за стенами университета.

Большую часть следующих трех или четырех дней они провели вместе, хотя для чужих глаз казалось, что он был один, гулял сам по себе. Это было легко объяснить Бай Жун: он размышлял о подарке к ее дню рождения. И это не было ложью.

Накануне Нового года Ло Цзи впервые купил бутылку красного вина – раньше он его не пил. Он вернулся в свою комнату в общежитии, выключил свет, зажег свечи на столике рядом с диваном. Когда все три свечи загорелись, Она без слов присела рядом.

– Гляди, – воскликнула Она с детским восхищением, указывая на бутылку с вином.

– Что?

– Посмотри – огоньки светятся сквозь стекло. Как красиво!

Просвечивая сквозь вино, огоньки приобрели оттенок темно-красного хрусталя, который встречается только во сне.

– Свет мертвого солнца, – сказал он.

– Не думай так, – возразила Она с искренностью, которая растопила его сердце. – Мне кажется, что они похожи на... глаза заката.

– Почему не на глаза рассвета?

– Я больше люблю закат.

– Почему?

– После заката загораются звезды. А после рассвета наступает лишь...

– Лишь жестокая реальность?

– Точно.

Они говорили обо всем, понимая друг друга с полуслова, пока содержимое бутылки с глазами заката не перекочевало в его желудок.

Ло Цзи лежал на кровати в полусне и смотрел, как продолжают гореть свечи на столике. Она исчезла из круга их света, но Ло Цзи не волновался. Она появится в любой момент – было бы на то его желание.

В дверь постучали. Он знал, что стук исходит из реального мира и не связан с ней, поэтому никак не отреагировал. Дверь открылась, и вошла Бай Жун. Она включила свет и тем самым словно вернула в комнату серость бытия. Гостья бросила взгляд на столик со свечами, присела у изголовья кровати и тихонько вздохнула.

– Еще не все потеряно.

– Что потеряно? – Он прикрыл глаза рукой от слепящего света.

– Ты еще не дошел до того, чтобы поставить бокал и для нее.

Он ничего не ответил. Она отвела его руку, посмотрела прямо в лицо и спросила:

– Она ожила, не так ли?

Он кивнул и сел на кровати.

– Жун, я раньше полагал, что герой романа находится под управлением своего создателя; я ожидал, что она будет тем, чем ее сотворит автор, будет делать то, что автор ей прикажет... как Бог, который управляет нами.

– Неверно! – Бай Жун встала и принялась расхаживать по комнате. – Теперь ты понимаешь, насколько был не прав. В этом и состоит разница между бумагомаракой и писателем. На высшем уровне литературного мастерства герои книги оживают в сознании автора. Автор неспособен управлять ими; порой он даже неспособен предсказать их следующий шаг. Мы можем только следовать за ними в восхищении, наблюдая и записывая каждую деталь их жизни, как вуайеристы. Вот так и создается классика.

– Вот уж не предполагал, что литература – это потуги извращенца.

– Так было и у Шекспира, и у Бальзака, и у Толстого как минимум. Их классические образы были выношены в их умах. Но сегодняшние авторы потеряли эту способность. Их разум выдает лишь разрозненные обрывки и рождает безумных героев, чья жизнь не более чем непонятные, беспричинные метания. Затем автор сметает эти обрывки в пакет и продает под этикеткой «постмодернизм», «символизм» или «иррационализм».

– Ты хочешь сказать, что я стал писателем классического жанра?

– Вряд ли. Твой разум всего лишь вынашивает образ; и этот образ – самый простой из всех. Разум авторов классики произвел на свет сотни и тысячи персонажей. Они сформировали портрет эпохи, а эта задача под силу лишь сверхчеловеку. Но и то, что удалось тебе, вовсе не просто. Я не думала, что ты сумеешь так.

– А у тебя такое получалось?

– Только один раз, – ответила Бай Жун, не вдаваясь в подробности. Она не захотела продолжать эту тему, лишь обняла его за шею: – Не думай больше об этом. Я уже не хочу такого подарка. Вернись к обычной жизни, хорошо?

– А если это не прекратится, что тогда?

Она изучала его несколько секунд, потом опустила глаза, покачала головой и улыбнулась.

– Так и знала, что уже поздно.

Она подхватила свою сумку с постели и вышла.

И тут Ло Цзи услышал голоса снаружи, отсчитывающие «четыре», «три», «два», «один». От здания учебного корпуса раньше доносилась музыка; теперь же слышался смех. На стадионе студенты запускали фейерверки. Он посмотрел на часы и понял, что только что истекли последние секунды года.

– Завтра выходной. Куда бы нам пойти? – спросил он себя. Он лежал на кровати, но знал, что его героиня уже появилась возле воображаемого камина.

– Ты не берешь ее? – невинно спросила Она, указывая на распахнутую дверь.

– Нет. Только мы двое. Куда бы ты хотела пойти?

Она полюбовалась танцующими в камине языками пламени и ответила:

– Неважно куда. Мне нравится просто находиться в пути.

– Тогда поедем просто наугад? И посмотрим, где окажемся?

– Отлично.

На следующее утро Ло Цзи сел в свою «Хонду Аккорд», выехал из университетского городка и поехал на запад. Он выбрал это направление, чтобы не пересекать весь город. Впервые в жизни он ощутил свободу путешествия без какой-либо определенной цели. Строения понемногу редели, начали появляться поля. Ло Цзи приоткрыл окно, чтобы впустить в салон немного холодного воздуха. Почувствовал, как ветер развеивает ее длинные волосы; несколько прядей щекотали его правый висок...

– Смотри, горы! – Она указала вдаль.

– Сегодня хорошая видимость. Это горы Тайхан. Они простираются вдоль дороги, а потом поворачивают, перекрывая путь на запад. Там дорога проложена сквозь горы. Я бы сказал, что мы сейчас примерно...

– Нет, нет! Не говори, где мы! Как только мы узнаем, где находимся, огромный мир сужается до карты. А когда это неизвестно, он кажется бесконечным.

– Ладно. Тогда постараемся потеряться. – Он свернул на пустынную дорогу, потом повернул еще раз. Теперь с обеих сторон простирались поля, снег с которых сошел еще не полностью; свободные от белого покрова участки чередовались с заснеженными. Яркое светило солнце, но нигде не было видно ни травинки.

– Классический северный пейзаж, – заметил Ло Цзи.

– Я впервые почувствовала, что земля без малейшего клочка зелени тоже может быть прекрасной.

– Зелень лежит под снегом и ждет весны. Озимая пшеница взойдет, когда будет еще холодно. Тогда здесь раскинется зеленое море. Представь, все это пространство...

– Ему не нужна зелень. Оно прекрасно прямо сейчас. Посмотри, разве эта земля не похожа на большую корову, дремлющую под солнцем?

– Что? – Он посмотрел в удивлении сначала на нее, а потом сквозь окна на пятна снега с обеих сторон дороги. – Да, действительно похоже! Какое у тебя любимое время года?

– Осень.

– Почему не весна?

– Весна... у нее так много скомканных вместе ощущений. Утомляет. Осень лучше.

Ло Цзи остановил машину, и они подошли к краю поля посмотреть на сорок, клевавших что-то в земле; птицы, испуганные появлением людей, взлетели и расселись на деревьях поодаль. Потом Ло и его спутница прошли вдоль русла почти пересохшей речки; лишь тонкая струйка воды текла в середине. Они набрали холодных гладких камешков и стали их бросать. Камешки пробивали дырки в тонком льду, и из дырок выплескивалась мутная, желтая вода.

Они доехали до небольшого городка и прогулялись по рынку. Остановились возле торговца золотыми рыбками; в солнечных лучах рыбы в аквариумах были подобны жидкому пламени. Она загляделась на рыбок и не хотела уходить. Ло Цзи купил ей парочку и положил пакеты с водой и рыбками на заднее сиденье машины.

Потом они добрались до какой-то деревушки, впрочем, не слишком похожей на деревню: новые, современные дома и усадьбы; автомобили, красующиеся у ворот; широкие бетонированные дороги; жители, ничем не отличающиеся от горожан... Некоторые девушки были одеты по последней моде. Даже собаки были такими же лохматыми коротконогими нахлебниками, как и в городах. Интерес путников привлекла большая сцена возле въезда в поселок – они удивились, зачем такому маленькому поселку такая огромная сцена. Она была пуста; Ло Цзи не без труда вскарабкался на нее и спел для своей единственной зрительницы куплет из русской песни «Тонкая рябина».

В полдень они пообедали в другом городке; еда там была такой же, как и в крупном городе, зато порции – вдвое больше. После обеда они некоторое время сидели в полудреме на скамейке возле городской управы, а затем поехали дальше куда глаза глядят.

Они даже не заметили, как дорога привела их в горы – не особо примечательные, не особо высокие, на которых не росло ничего, кроме чахлой травы и лозы, цепляющейся за расщелины в серых камнях. За последние сотни миллионов лет горы устали стоять и прилегли отдохнуть, придавленные временем и солнцем. На любого их посетителя тоже напал приступ неодолимой лени.

– Эти горы совсем как пожилые крестьяне, греющиеся на солнце, – заметила она.

Однако они не видели таких пожилых крестьян в деревнях и поселках, через которые проезжали; никто не выглядел столь же расслабленным, как эти горы. Неоднократно они останавливались, пропуская переходящие дорогу отары овец. Наконец возле дороги стали появляться такие деревеньки, каких они ожидали: с домами в пещерах, с растущими рядом хурмой и грецким орехом, с выложенными каменной плиткой невысокими постройками, с крышами, засыпанными обмолоченными кукурузными початками¹⁴. Даже собаки там были крупнее и злее.

Проезжая через горы, они несколько раз останавливались. День незаметно подошел к концу. Солнце садилось, и дорога уже давно пряталась в тени. По полной рытвин грунтолке Ло Цзи выехал на горный хребет, где еще светило солнце, и они решили, что пора возвращаться.

¹⁴ Это делают для теплоизоляции. (Прим. перев.)

Посмотрят заход солнца и повернут назад. Ее длинные волосы развевались на прохладном вечернем ветерке, словно старались ухватиться за последние золотые лучи.

Как только они вернулись на дорогу, их машина заартачилась. Сломалась подвеска одного из задних колес, и они были вынуждены просить помощи. Вскоре Ло Цзи выяснил у водителя проезжающего мимо легкого грузовика, как называется это место. К счастью, телефон принимал сигнал. Когда он сообщил диспетчеру, где находится, ему сказали, что ремонтнику потребуется не меньше четырех или пяти часов, чтобы добраться туда.

После захода солнца воздух в горах остывает быстро. Когда стало темнеть, Ло Цзи набрал стеблей кукурузы на горных террасах неподалеку и развел костер.

– Тепло и хорошо, – сказала его спутница, глядя на пламя. Она была так же счастлива, как и в ту первую ночь перед камином. И снова Ло Цзи был ошеломлен тем, как Она красива в отблесках огня; снова он тонул в эмоциях, которых никогда раньше не чувствовал. Он сам становился костром, и согреть ее было единственной целью его существования.

– А волки здесь водятся? – спросила Она, осматриваясь в наступающей темноте.

– Нет. Северный Китай все же внутренняя область страны. Он только выглядит пустынным; на самом деле это один из наиболее густонаселенных районов. Посмотри на дорогу. По ней практически каждые две минуты проезжает машина.

– Я надеялась, что ты ответишь, что волки здесь бывают, – сказала Она с милой улыбкой и стала следить за искрами, улетающими в ночь, подобно россыпи звезд.

– Хорошо. Здесь есть волки, но я рядом.

Они ни о чем больше не говорили – просто сидели у костра, время от времени подкармливая его сухими кукурузными стеблями.

Позднее – он не знал, когда именно – зазвонил телефон. Это была Бай Жун.

– Ты с ней? – мягко спросила она.

– Нет, я один, – ответил он, подняв глаза к небу. Он не лгал. Он и в самом деле был один возле костра у дороги через горы Тайхан. Пламя освещало камни вокруг; над головой было лишь звездное небо.

– Я знаю, что ты один. Но ты с ней?

Он помедлил и тихо ответил:

– Да.

Когда он опустил взгляд, Она была там – подбрасывала стебли в костер и улыбалась пламени.

– Теперь ты веришь, что любовь, о которой я пишу в своих романах, существует на самом деле?

– Да, верю.

Как только он произнес эти два слова, сразу понял, как широка пропасть, разделяющая его и Бай Жун. Оба надолго замолчали; лишь радиоволны ткали свою невидимую паутину, соединяя их в последний раз.

– У тебя есть друг, не так ли? – спросил он.

– Да. Уже давно.

– Где он сейчас?

Он услышал ее легкий смех.

– Где еще он может быть?

Он тоже рассмеялся.

– Действительно, где еще?

– Ладно. Всего хорошего. Прощай. – Бай Жун отключилась, разрывая связь. Оборвалась нить, протянувшаяся через ночное небо; люди на ее концах немного огорчились, но не более того.

– Уже слишком холодно. Пойдем спать в машину, – предложил он своей спутнице.

Та отказалась движением головы.

– Нет, давай останемся здесь. Тебе нравится смотреть на меня в свете огня, ведь правда?

К полночи из Шицзячжуана приехала машина скорой дорожной помощи. Ремонтники удивились, обнаружив его возле костра.

– А чего вы сушняк-то жжете? Двигатель ведь в порядке. Сидели бы в машине, в тепле...

Когда машину отремонтировали, Ло Цзи помчался домой сквозь ночь. Он выбрался из гор на равнину и к рассвету добрался до Шицзячжуана. К десяти утра он был в Пекине.

Вместо того чтобы идти в университет, он направился напрямик к психологу.

– Возможно, вам и требуется небольшая помощь, но ничего серьезного у вас нет, – заявил доктор, выслушав его длинный рассказ.

– Ничего серьезного? – Ло Цзи в удивлении широко открыл покрасневшие глаза. – Я безумно влюблен в персонажа своего собственного романа. Я был с ней, я путешествовал с ней, я даже порвал с моей настоящей любовницей ради нее. И вы утверждаете «ничего серьезного»?

Доктор терпеливо улыбнулся.

– Разве вы не понимаете? Я отдал всю мою глубочайшую любовь иллюзии!

– Вы полагаете, что объект любви всех других людей существует на самом деле?

– А разве это не так?!

– Нисколько. Для большинства людей то, что они на самом деле любят, существует лишь в их воображении. Объект их любви – не реальная женщина или реальный мужчина, а их образ в голове. Реальный человек – это всего лишь заготовка, на основе которой они создают своего идеального любовника. Проходит время, и они начинают видеть разницу между идеалом и реальным человеком. Если они могут к этой разнице привыкнуть, то остаются вместе. Если нет, расстаются. Все очень просто. Вы отличаетесь от большинства только тем, что вам не нужна заготовка.

– Так, значит, я не болен?

– Только в том смысле, на который указала ваша подруга: у вас литературный талант от природы. Если хотите называть это душевной болезнью, называйте.

– Но разве это не чересчур – иметь настолько живое воображение?

– Воображение не бывает «чересчур». Особенно если речь идет о любви.

– Так что же мне делать? Как мне забыть о ней?

– Это невозможно. Вы не сможете о ней забыть, даже и не пытайтесь. Это приведет только к осложнениям, может быть, даже к психическому расстройству. Пусть все идет своим чередом. Подчеркну: не пытайтесь забыть ее. Не получится. Но со временем ее влияние на вас ослабнет. Вы, между прочим, счастливчик. Независимо от того, существует она на самом деле или нет, у вас есть любовь.

Вот таким было самое глубокое чувство Ло Цзи; это была любовь, которая приходит лишь один раз за всю жизнь. Потом он зажил бездумной жизнью, плывя по течению, как в тот самый день, когда они выехали на его «Аккорде». Слова психолога подтвердились: ее влияние на его жизнь ослабло. Она не появлялась, когда он обзаводился настоящей любовницей; а потом перестала появляться и тогда, когда он был один. Но он знал, что Она продолжает жить в самой глубине его души, Она будет там жить всегда. Он отчетливо видел ее мир – замерший, заснеженный пейзаж, где на небе всегда горят серебряные звезды и светит луна, где непрерывно падает снег. Там тихо шуршат снежинки, оседая на землю гладким слоем белого сахара. Посреди снегов стоит причудливо изукрашенный домик. В домике Ева, которую Ло Цзи создал из ребра собственного разума, сидит перед старинным камином и молча смотрит на пляшущий огонь.

Теперь, когда он был один в этом непонятно куда несущем его самолете, он желал, чтобы Она была с ним, чтобы они вместе гадали, что ждет его в конце пути. Но Она не появлялась. В

самом далеком уголке своей души он все еще мог видеть ее, молча сидящую перед камином, никогда не чувствующую одиночества – ведь она знала, что ее мир заключен внутри него.

Ло Цзи вспомнил про снотворное и протянул руку. Но как только его пальцы коснулись пузырька, тот взлетел с тумбочки к потолку. То же самое проделала одежда, которую он оставил на кресле. На несколько секунд они словно прилипли к потолку. Сам он тоже почувствовал, что взлетает с кровати; но спальный мешок был пристегнут, и полет не состоялся. Когда пузырек упал обратно, Ло Цзи тяжело рухнул на кровать. На несколько секунд его тело словно прижало прессом, и он не мог пошевелиться. Из-за внезапной невесомости и перегрузки у него закружилась голова; но через десяток секунд головокружение прошло, и все стало как прежде.

Он услышал мягкий шорох многочисленных шагов по ковру за стеной. Затем дверь открылась, и заглянул Ши Цян.

– Ло Цзи, у тебя все в порядке?

Когда Ло Цзи подтвердил, что все в порядке, Ши закрыл дверь, не входя. За дверью вполголоса продолжалось обсуждение.

– Похоже, что кто-то кого-то не понял во время смены сопровождения. Волноваться не о чем.

– Что сказала начальство, когда звонило раньше? – Это был голос Ши Цяна.

– Они предупредили, что группе сопровождения через полчаса понадобится дозаправка в воздухе и что нам не следует тревожиться.

– В плане этой заминки нет, не так ли?

– Даже близко нет. В этом хаосе семь истребителей сопровождения сбросили дополнительные топливные баки.

– А чего тогда все так дергаются? Ладно, неважно. Иди поспи. Успокойся.

– Как же можно спать в таком состоянии?

– Оставь кого-нибудь на дежурстве. Какой от тебя прок, если ты не выспишься? Они могут попытаться держать нас в повышенной готовности все время, но у меня свое железное правило: если ты подумал обо всем, что надо, если ты сделал все, что надо, то дальше будь что будет. Пойми, ты ничего больше сделать не в состоянии. Не накручивай себя.

Услышав упоминание о «смене сопровождения», Ло Цзи потянулся к иллюминатору, открыл шторку и выглянул наружу. Море облаков по-прежнему простиралось в ночном небе. Луна спускалась к горизонту. Он увидел следы истребителей группы сопровождения; теперь их было на шесть больше. Он рассмотрел крохотные самолеты, порождающие эти следы, и отметил, что они другой модели, чем те четыре, которые он видел раньше.

Открылась дверь спальни, и на пороге появился Ши Цян.

– Ло, дружище, это был пустяк. Не о чем беспокоиться. Больше ничего не будет. Спи дальше.

– У нас еще остается время на сон? Как долго мы уже летим?

– Нам лететь еще несколько часов. Спи. – Он закрыл дверь и ушел.

Ло Цзи повернулся на кровати и подобрал пузырек. Ши ничего не оставил на волю случая: в пузырьке была только одна таблетка. Он проглотил ее, посмотрел на красный огонек под иллюминатором, представляя его пламенем в камине, и заснул.

* * *

Когда Ши Цян разбудил Ло Цзи, тот проспал больше шести часов без сновидений и чувствовал себя весьма неплохо.

– Мы почти на месте. Вставай и приводи себя в порядок.

Ло Цзи пошел умыться. Вернувшись в офис, где его ждал легкий завтрак, он почувствовал, что самолет снижается. Десятью минутами позже пятнадцатичасовой полет завершился. Чартерный самолет замер на бетоне аэродрома.

Ши Цян оставил Ло Цзи ждать в офисе, а сам вышел наружу. Он вернулся с мужчиной европейской наружности. Тот был высок и одет с иголочки. По-видимому, какое-то официальное лицо.

– Это доктор Ло? – поинтересовалось лицо, глядя на него. Заметив трудности Ши Цяна с английским, он повторил свой вопрос на китайском.

– Да, это он, – подтвердил Ши Цян, а затем представил мужчину Ло Цзи: – Это господин Кент. Он здесь, чтобы встретить тебя.

– Большая честь, – сказал Кент и поклонился.

Пожимая ему руку, Ло Цзи почувствовал поразительную многоопытность этого человека. Многое было скрыто за этикетом, но блеск его глаз выдавал, что Кенту были известны многие тайны. Ло Цзи был зачарован его взглядом – дьявольским и одновременно ангельским, в котором и сверкали грани драгоценного камня, и дышала мощью атомная бомба... Из всей сложной информации, излучаемой этими глазами, Ло Цзи мог понять только одно: в жизни встречающего сейчас наступил самый важный момент.

Кент обернулся к Ши Цяну:

– Отлично сработано! Свою часть задания вы выполнили безупречно. Другие встретились с небольшими трудностями по пути.

– Мы прислушались к нашему руководству. Мы придерживались принципа минимального количества этапов, – ответил Ши Цян.

– Совершенно верно. В данном случае минимальное количество этапов означает максимальную безопасность. А сейчас мы воспользуемся этим же принципом и отправимся напрямую в зал заседаний.

– Когда начнется заседание?

– Через час.

– Мы прибыли в последний момент?

– Заседание начнут сразу же после прибытия последнего кандидата.

– А, ну тогда хорошо. Произведем передачу?

– Нет. Вы по-прежнему отвечаете за его безопасность. Как я уже говорил, вы лучший.

Ши Цян пару секунд оставался в молчании, глядя на Ло Цзи. Затем кивнул.

– В последние несколько дней, пока мы осваивались и пытались справиться с ситуацией, наши люди встретились с рядом препятствий...

– Гарантирую, что с этого момента ничего такого больше не случится. У вас будет полная поддержка местной полиции и военных. Ну что ж, поехали.

Ступив наружу, Ло Цзи увидел, что там по-прежнему ночь. Вспомнив время отлета, он прикинул, где приблизительно они могли находиться. Стоял плотный туман, фонари светили тусклым желтым светом, но прочая обстановка их отлета, казалось, повторяется. В воздухе висели патрульные вертолеты, смутно видимые в тумане как тени с горящими огнями. Самолет был оцеплен военными автомобилями и солдатами, наблюдающими за окрестностями. Несколько офицеров с рациями собрались вместе и что-то обсуждали, изредка бросая взгляды на трап, поданный к самолету. Рев откуда-то сверху оглушил Ло Цзи, и даже невозмутимый Кент прикрыл уши. Взглянув вверх, они увидели неясные светлые силуэты, пролетающие низко над землей. Это были истребители сопровождения, кружащие над ними. Их выхлоп, еле видный сквозь туман, рисовал огромную окружность в небе, как если бы какой-то космический гигант пометил Землю мелом прямо в этом месте.

Все четверо сели в пуленепробиваемый автомобиль, дожидавшийся у трапа, и поехали. Занавески на окнах были задернуты, но, судя по проникающим внутрь отсветам, машина дви-

галась в самой середине конвоя. Они ехали в полном молчании по дороге в неведомое будущее. Поездка заняла лишь сорок минут, но показалась Ло Цзи вечностью.

Когда Кент сообщил, что они приехали, Ло Цзи увидел на занавеске тень от скульптуры, подсвеченной ровным светом из здания позади. Он не мог ошибиться: это был гигантский револьвер со стволом, завязанным узлом. Ло Цзи теперь точно знал, где он: возле здания ООН в Нью-Йорке¹⁵.

Он вышел из машины, и его сразу окружили люди, похожие на охранников – рослые, многие в темных очках, несмотря на ночное время. Он не мог рассмотреть окружающее; его сжали с боков с такой силой, что его ноги почти потеряли контакт с асфальтом, и повлекли вперед. Ничего не было слышно, кроме шагов. Когда напряженность этой странной драмы довела его почти до нервного срыва, идущие впереди охранники отошли в сторону. Перед глазами Ло Цзи вспыхнул свет, и все телохранители остановились, предоставив ему, Ши Цяну и Кенту продолжать движение самостоятельно. Они вошли в большой, тихий зал, пустой, за исключением нескольких охранников в черной форме. Те вполголоса докладывали в свои рации, когда трое прибывших проходили мимо. Они пересекли подвесной балкон в направлении витража, на котором яркими красками и замысловатыми линиями были изображены изломанные фигуры людей и животных.

Все трое повернули налево и вошли в небольшую комнату. Как только за ними закрылась дверь, Кент и Ши Цян обменялись улыбками, и на их лицах нарисовалось облегчение.

Ло Цзи осмотрелся и нашел комнату довольно любопытной. Стена с одной стороны была полностью занята абстрактным рисунком из желтых, белых, синих и черных геометрических фигур. Они случайным образом накладывались друг на друга и, казалось, висели над морем чистого синего цвета. Но самым необычным был большой камень в форме прямоугольной призмы. Он был установлен в середине комнаты и подсвечен несколькими неяркими лампами. Ло Цзи присмотрелся и заметил на камне прожилки окиси железа. Кроме абстрактной картины и камня в комнате больше ничего не было.

– Доктор Ло, вам нужно переодеться? – спросил Кент по-английски.

– Что он говорит? – спросил Ши Цян. Когда Ло Цзи перевел, он резко замотал головой. – Нет, оставайся в этой одежде.

– Но это официальный прием! – Кент с трудом подбирал китайские слова.

– Нет, – сказал Ши Цян и снова замотал головой.

– В зале будут присутствовать только делегаты от стран, но не репортеры. Там должно быть довольно безопасно.

– Я сказал – нет. Если я правильно понял, теперь я отвечаю за его безопасность! – Ши кивнул в направлении Ло Цзи.

Кент уступил:

– Ладно. Это не так уж и важно.

– Вам следует кое-что объяснить ему, хотя бы в общих чертах. – Ши Цян указал взглядом на Ло Цзи.

– Я не уполномочен что-либо объяснять.

– Ну скажите хоть что-нибудь! – рассмеялся Ши Цян.

Кент повернулся к Ло Цзи. Его полное достоинства лицо напряглось, и он подсознательно поправил свой галстук. Ло Цзи только теперь понял, что все это время Кент старался не смотреть прямо на него. Он также заметил, что Ши Цян выглядит другим человеком. Его постоянная ухмылка исчезла; вместо нее появилось серьезное выражение, и он во все глаза смотрел

¹⁵ Скульптура «Нет насилию» принадлежит шведскому скульптору Карлу Фредерику Рейтерсворду. (Прим. перев.)

на Кента. Ло Цзи понял, что Ши Цян до сих пор говорил ему правду: он и в самом деле не имел понятия о цели визита.

Кент заговорил:

– Доктор Ло, могу сообщить вам лишь следующее. Вы сейчас примете участие в важном заседании, на котором будет сделано судьбоносное заявление. Во время этого заседания от вас ничего не потребуется.

Все замолчали. В комнате стояла тишина. Ло Цзи явственно слышал биение своего сердца. Он осознал, что находится в Комнате медитации. В центре комнаты лежал камень весом в шесть тонн – обтесанный кусок чистейшей железной руды, символизирующий вечность и прочность. Подарок от Швеции. Но сейчас Ло Цзи вовсе не хотелось медитировать; он изо всех сил старался ни о чем не думать. Воистину Ши Цян прав: от любых размышлений только съедешь с катушек. Ло Цзи принялся пересчитывать фигуры в абстрактной картине.

Приоткрылась дверь; кто-то заглянул в комнату и кивнул Кенту. Тот повернулся к своим спутникам:

– Пора в зал. Доктора Ло никто не знает, поэтому никто не обратит внимания, если мы войдем вместе.

Ши Цян кивнул и с улыбкой помахал Ло Цзи рукой:

– Подожду тебя снаружи.

Ло Цзи полегчало. Сейчас Ши Цян был его единственной опорой.

Затем Кент провел его из Комнаты медитации в зал Генеральной ассамблеи ООН.

Зал наполнился людьми и гулом голосов. Поначалу, когда Кент и Ло Цзи шли вдоль прохода, они не привлекали внимания. Но когда они приблизились к первым рядам, на них стали поглядывать. Кент посадил его в крайнее кресло в пятом ряду, а сам пошел дальше и занял место во втором.

Ло Цзи оглянулся вокруг. Он находился в помещении, которое видел по телевидению бесчисленное количество раз. Но те кадры не позволяли полностью проникнуться смыслом, который хотели выразить строители здания. Прямо перед ним было огромное желтое углубление в стене зала. В нем располагалась эмблема ООН, служившая фоном для трибуны. Стена с углублением ощутимо наклонялась навстречу залу, словно утес, готовый в любую минуту обвалиться. Купол зала напоминал звездное небо; он был построен отдельно от желтой стены и не добавлял равновесия общей картине. Мало того, он как бы давил на стену сверху, делая ее еще более неустойчивой и создавая неодолимое впечатление, что стена вот-вот завалится. Сегодня казалось, что одиннадцать архитекторов, спроектировавших здание в середине XX века, предвидели затруднения, с которыми столкнется человечество.

Отвлечшись от рассматривания зала, Ло Цзи прислушался к разговору двух своих соседей по ряду. Он не понял, кто они по национальности, но говорили они на хорошем английском языке.

– Вы на самом деле верите в решающую роль личности в истории?

– Ну, я думаю, что это теория, которую невозможно доказать или опровергнуть, разве что мы откатим время назад, уьем пару или дюжину выдающихся людей и посмотрим, что станет с историей. Разумеется, нельзя исключать варианта, что ход истории был определен теми реками, которые выкопали или запрудили эти личности.

– Но есть и другой вариант: эти ваши великие люди могут оказаться не более чем пловцами в реке истории. Может быть, они оставили свои имена в истории из-за мировых рекордов, которые установили, или из-за почета и известности, которые заслужили, но на течение самой реки не оказали никакого влияния. Впрочем, учитывая наше положение, какой смысл об этом задумываться?

– Беда в том, что во время процесса принятия решений над подобными вопросами никто не задумывался. Страны-участницы озабочены только такими вещами, как равноправие кандидатов и доступ к ресурсам.

Генеральный секретарь Сэй взошла на трибуну, и в зале установилась тишина. Администрации этого филиппинского политика довелось работать и до, и после кризиса. Если бы голосование проводили чуть позже, то ее не избрали бы, поскольку утонченная азиатка не создавала ощущения мощи, которой жаждал мир, охваченный Трисолярианским кризисом. Теперь ее хрупкая фигура выглядела миниатюрной и беспомощной на фоне наклонного утеса стены. Когда она поднималась на сцену, Кент остановил ее и что-то прошептал на ухо. Сэй посмотрела в зал, кивнула и пошла дальше.

Ло Цзи был уверен, что Генеральный секретарь посмотрела на него.

Взойдя на трибуну, она окинула взглядом собравшихся и начала:

– Девятнадцатое заседание Совета обороны планеты подошло к последнему пункту повестки дня: оглашение кандидатур Отвернувшихся и объявление о начале проекта «Отвернувшиеся».

– Прежде чем мы перейдем к этому пункту, считаю необходимым вкратце рассказать о проекте «Отвернувшиеся».

Проект был разработан постоянными членами бывшего Совета Безопасности во время экстренных переговоров после начала Трисолярианского кризиса.

Стороны отметили следующие обстоятельства. Растет количество свидетельств того, что после появления первых двух софонов в Солнечную систему постоянно прибывают все новые и новые. Этот процесс продолжается и в настоящий момент. Таким образом, для врага Земля – прозрачный мир, открытая книга, которую он может читать в любое время. У человечества нет от него никаких тайн.

Международное сообщество недавно развернуло нашу основную оборонную программу. Она полностью открыта для глаз врага, как в стратегии высшего порядка, так и в малейших технологических и военных деталях. Каждая комната совещаний, каждый сейф с документами, компьютерные диски и память – нет ни одного места, куда бы софоны не могли заглянуть. Каждый план, каждая программа, каждое передвижение войск, неважно, сколь малое, станут известны вражескому штабу в четырех световых годах отсюда, как только они произойдут на Земле. Обмен информацией между людьми в любой форме приводит к утечке.

Нам следует учитывать один факт: приемы стратегии и тактики не развиваются вместе с техническим прогрессом. Согласно надежным разведывательным данным, трисоляриане общаются путем открытой, направленной передачи мыслей. Это делает их малоспособными к хитрости, маскировке и обману, что дает людям огромное преимущество перед врагом. Мы не можем позволить себе потерять это преимущество. Основатели проекта «Отвернувшиеся» считают, что параллельно с основной программой обороны должно осуществляться множество других стратегических инициатив. Эти инициативы должны быть тайными, недоступными для противника. Было предложено несколько решений, но в результате реально осуществимым оказался только проект «Отвернувшиеся».

Должна сделать оговорку: у человечества все еще остаются тайны – в нашем внутреннем мире. Софоны понимают язык людей; они с огромной скоростью могут читать печатный текст и любую информацию на машинных носителях. Но они не могут читать наши мысли. Каждый человек может сколь угодно долго хранить секрет от софонов – если он никому его не раскрывает и ни на чем не записывает. На этом и основан проект «Отвернувшиеся».

Суть проекта в том, что отбирается группа людей, которые будут формулировать стратегические инициативы и руководить их осуществлением. Эти люди будут строить такие планы исключительно в своем уме, без сообщения с окружающим миром. Истинные замыслы и необходимые для их осуществления шаги останутся внутри мозга. Мы будем называть этих людей

Отвернувшимися, поскольку в древности подобное имя – «Смотрящие в стену» – носили те, кто занимался медитацией. Такое имя отражает специфику их деятельности. Когда они будут руководить осуществлением своих стратегических разработок, они будут демонстрировать для всего мира ложные мысли и ложное поведение; это будет тщательно подготовленная смесь маскировки, отвлекающих маневров и обмана. Отвернувшиеся будут обманывать весь мир – как врагов, так и союзников – до тех пор, пока не возникнет гигантский, умопомрачительный лабиринт иллюзий, в котором враг не сможет разобраться. Это выиграет нам время, отсрочит момент, когда противник в конце концов разгадает наши истинные стратегические намерения.

Мы предоставим Отвернувшимся широкие полномочия, которые позволят им получить и пользоваться частью существующих военных ресурсов Земли. Осуществляя свои планы, Отвернувшиеся не будут обязаны давать какие-либо объяснения своим действиям и распоряжениям, даже если их поведение непонятно. Наблюдение и контроль за действиями Отвернувшихся возлагаются на Совет обороны планеты при ООН. Это единственная организация, у которой в соответствии с принятым ООН Законом об Отвернувшихся будет право вето на приказы Отвернувшихся.

Для того чтобы гарантировать непрерывность проекта, Отвернувшимся будет предоставлена технология гibernации. Они смогут дожить до битвы Судного дня. Отвернувшиеся сами решат, когда и при каких обстоятельствах их следует разбудить. На протяжении ближайших четырех веков Закон ООН об Отвернувшихся будет существовать под эгидой международных законов на уровне Устава ООН. С целью гарантированного выполнения стратегических инициатив Отвернувшихся внутреннее законодательство стран должно быть согласовано с этим законом.

Отвернувшимся выпало самое сложное задание во всей истории человечества. Они останутся наедине с собой; их души будут закрыты для мира, для всей Вселенной. Их единственным доверенным лицом и их единственной духовной поддержкой будут они сами. Они будут нести эту великую ответственность в одиночестве на протяжении многих лет. Позвольте мне от имени всего человечества выразить им наше глубочайшее уважение.

А теперь я от лица ООН назову имена четверых Отвернувшихся, отобранных Советом обороны планеты при ООН.

Ло Цзи, как и вся аудитория, с восхищением и вниманием прислушивался к выступлению Генерального секретаря. Он затаил дыхание. Каких же людей избрали для такого невероятного задания? На время он совершенно забыл о своей собственной судьбе, поскольку, что бы с ним ни случилось, это было мелочью на фоне такого исторического момента.

– Первый Отвернувшийся: Фредерик Тайлер.

Как только Генеральный секретарь произнесла имя, Тайлер поднялся со своего кресла в первом ряду и уверенно прошел на сцену, откуда стал без выражения смотреть в зал. Аплодисментов не последовало – собравшиеся сидели и молча смотрели на первого Отвернувшегося. Высокая, худая фигура Тайлера и очки в прямоугольной оправе были хорошо знакомы всему миру. Недавно ушедший в отставку министр обороны США, он сохранял существенное влияние в вопросах национальной стратегии. Он объяснил свою идеологию в книге «Истина и технология». В ней он утверждал, что от плодов технологии наибольшие преимущества получают малые страны, а напряженная работа крупных стран по развитию технологии способствует достижению малыми странами главенства в мире. Тайлер утверждал, что технологический прогресс делает превосходство крупных стран в людских и природных ресурсах маловажным, в то же время предоставляя малым странам рычаг, чтобы перевернуть мир. Страна с населением всего в несколько миллионов человек, обладающая ядерными технологиями, может представлять значительную угрозу для страны с населением в сотню миллионов. Ранее такое было невозможно. Одним из его ключевых утверждений было то, что преимущества большой страны оставались истинными преимуществами только в эру примитивных технологий.

В будущем высокие темпы технологического прогресса ослабят такие страны, а малые страны увеличат свое стратегическое влияние. Некоторые из них могут внезапно усилиться и занять господствующее положение в мире, как однажды это случилось с Испанией и Португалией. Несомненно, что философия Тайлера предоставила теоретическую базу для глобальной войны против террора, которую вели США. Но он был не только стратегом. Он был также человеком действия, и его неоднократно хвалили за храбрость и дальновидность перед лицом серьезной угрозы. Все это делало Тайлера добротным Отвернувшимся – и по глубине мышления, и по способности к руководству.

– Второй Отвернувшийся: Мануэль Рей Диас.

Ло Цзи удивился, когда этот коренастый, загорелый южноамериканец с упрямым взглядом взошел на сцену – для него было крайне необычно даже появиться в ООН. Но с другой стороны, на то были причины. Почему это не пришло в голову Ло Цзи сразу? Рей Диас был действующим президентом Венесуэлы, которая под его руководством отлично демонстрировала теорию Тайлера о росте влияния малых стран. Он продолжил дело боливарианской революции, начатое Уго Чавесом. Современным миром правят капитализм и рыночная экономика. А он строил в Венесуэле социализм XXI века, основанный на опыте международного социалистического движения прошлого столетия. К всеобщему удивлению, он достиг значительных успехов, подняв мощь страны во всех областях и превратив на время для всего мира Венесуэлу в «землю обетованную», символ равенства, справедливости и достатка. Другие южноамериканские страны последовали примеру Венесуэлы, и на континенте ненадолго вспыхнуло пламя социализма.

Рей Диас унаследовал от Чавеса не только социалистическую идеологию, но и его горячий антиамериканизм, который напомнил США, что их латиноамериканский «задний двор» может стать вторым Советским Союзом, если не принять мер. Однажды случайность и взаимное непонимание дали США повод к полномасштабному вторжению. Целью было устранение правительства Рей Диаса по иракскому сценарию. Но в этой войне черед побед сильных стран Запада над слабыми странами третьего мира закончилась. Когда армия США перешла границу, она не обнаружила регулярных частей противника. Всю армию Венесуэлы поделили на партизанские отряды, растворившиеся среди населения. Им поставили только одну боевую задачу: уничтожить неприятельскую живую силу. Стратегия Рей Диаса строилась на одной простой идее: современное высокотехнологичное оружие может быть полезно против точечных целей, но против площадных целей оно не более эффективно, чем обычное; высокая стоимость и ограниченное количество сложных боеприпасов делают их применение нерациональным.

Он был гением в вопросах недорогого, но современного оружия. В начале века один австралийский инженер построил крылатую ракету за пять тысяч долларов. Он предназначал ее для борьбы с терроризмом. Но тысячи партизанских отрядов Рей Диаса имели на вооружении двести тысяч таких ракет – их массово изготавливали всего по три тысячи долларов за штуку. Хотя ракеты собирали из дешевых и легкодоступных деталей, у них были радиолокационный высотомер и GPS. Такие ракеты поражали цель на расстоянии пять километров с погрешностью в пять метров. Лишь одна ракетная атака из десяти оказывалась успешной, но тем не менее они привели к огромным потерям у противника. Во время войны хорошо зарекомендовали себя и другие массово производимые поделки высоких технологий – такие как снайперские пули с бесконтактным взрывателем. Во время своего недолгого пребывания в Венесуэле армия США понесла потери, приближающиеся к потерям во вьетнамской войне. США были вынуждены отозвать войска. Поражение сильного от руки слабого превратило Рей Диаса в героя XXI века.

– Третий Отвернувшийся: Билл Хайнс.

На сцену взошел добродушный англичанин, сама изысканность по сравнению с холодностью Тайлера и упрямством Рей Диаса. И он пользовался известностью в мировом масштабе,

пусть и не обладал аурой первых двоих. Жизнь этого изящно приветствовавшего ассамблею человека разделилась на две совершенно различные части. Он был единственным ученым в истории, кто был выдвинут на соискание Нобелевской премии сразу по двум наукам за одно и то же открытие. Проводя исследования совместно с известным нейрофизиологом Кейко Ямасуки, он обнаружил, что мозг обрабатывает мысли и воспоминания на квантовом уровне, а не на молекулярном, как считалось раньше. Его открытие уменьшило размер «деталей» мозга до размера элементарных частиц. Все предыдущие исследования оказались лишь скольжением по верхам нейрофизиологии. Открытие также показало, что способность мозга животных обрабатывать информацию оказалась на несколько порядков выше, чем предполагалось. Это согласовывалось с давней гипотезой о голографической структуре мозга. За эту работу Хайнс был номинирован на премии в физике и в физиологии/медицине. Его исследования оказались слишком радикальными для того, чтобы ему присудили Нобелевскую премию, но Кейко Ямасуки, которая к тому времени стала его женой, получила премию за тот год по физиологии/медицине за использование этой теории в разработке методов лечения амнезии и психического расстройства.

На следующем этапе своей жизни Хайнс стал политиком и проработал два года на посту президента Европейского союза. Хайнса знали как мудрого и опытного деятеля, но годы его службы были омрачены многими осложнениями, которые потребовали всех его умений. Работа в Евросоюзе заключалась в основном в поддержке торговли, и поэтому он не набрал такого опыта действий в кризисной ситуации, как два других Отвернувшихся. Но Хайнса выбрали, по-видимому, как из-за его научной, так и политической деятельности; это было ценным и редким совпадением.

Кейко Ямасуки, ученый-нейробиолог мирового уровня, сидела в последнем ряду зала и с любовью взирала на мужа, стоящего на сцене.

Собравшиеся хранили молчание – все ждали объявления имени последнего Отвернувшегося. Первые три – Тайлер, Рей Диас и Хайнс – были компромиссом между политическими блоками США, Европы и третьего мира; поэтому последний выбор представлял значительный интерес. Когда Ло Цзи увидел, что Сэй снова устремила взгляд на текст своего доклада, в его голове промелькнули имена нескольких мировых знаменитостей. Последний Отвернувшийся, конечно же, должен быть человеком известным. Ло Цзи всмотрелся в спины сидящих в первом ряду – именно там сидели первые три Отвернувшихся до тех пор, пока их не вызвали на сцену. Глядя сзади, он не мог понять, сидит ли там кто-то из тех, чьи имена пришли ему в голову. Но в любом случае четвертый Отвернувшийся должен быть среди них.

Сэй медленно подняла правую руку, и Ло заметил, что она указывает не на первый ряд. Она указывала на него.

– Четвертый Отвернувшийся: Ло Цзи.

* * *

– Вот он, мой «Хаббл»! – вскричал Альберт Ринье, хлопая в ладоши. В его полных слез глазах блестело отражение далекого огненного шара. Грохот, доносящийся со стартовой площадки, постепенно стихал, пока через несколько секунд не исчез совсем. И Ринье, и радостной толпе астрономов позади него следовало бы наблюдать за пуском с VIP-трибун поближе. Но чертов бюрократ из НАСА сказал, что у них нет надлежащего доступа, потому что, видите ли, отправившийся на орбиту объект принадлежит не им. Затем бюрократ повернулся к группе генералов при всех регалиях, важных как индюки, и, по-собачьи пресмыкаясь, повел их мимо поста охраны к платформе обозрения. Ринье с коллегами пришлось стоять в отдалении. В прошедшем столетии здесь, на противоположном от стартовой площадки берегу озера, были уста-

новлены часы с обратным отсчетом. Место было доступно для всех, но в этот поздний час тут не было никого, кроме ученых.

С такого расстояния пуск ракеты был похож на преждевременный восход солнца. Проекторы не освещали ракету после подъема; ее внушительный корпус был неразличим рядом с ослепительным факелом. Мир вдруг вырвался из-под покрова ночи и расцвел великолепным световым шоу. Золотистые волны разбежались по чернильно-черной поверхности озера, как если бы пламя зажгло саму воду. Астрономы следили за подъемом ракеты. Пронзая облака, она окрасила половину неба в багрянец. А затем ракета исчезла в небе Флориды, и ночь поглотила недолгий рассвет.

Космический телескоп «Хаббл II» принадлежал ко второму поколению. Его диаметр увеличили до 21 метра; у его предшественника диаметр составлял лишь 4,27 метра. Телескоп стал в пятьдесят раз лучше. В телескопе применялась технология составного зеркала – зеркало нужно было собрать в космосе из множества сегментов. Понадобилось одиннадцать запусков, чтобы доставить на орбиту все детали; этот полет был последним. Сборка «Хаббла II» возле МКС близилась к завершению. Через два месяца он обратит свой взор в глубины Вселенной.

– Вы шайка воров! Вы украли очередную прекрасную вещь, – обратился Ринье к стоящему неподалеку высокому человеку – единственному, кого запуск ракеты не интересовал. Джордж Фицрой повидал слишком много пусков. Все это время он курил сигарету, прислонившись к часам. Фицрой стал военным представителем уже после того, как программу «Хаббл II» передали военным; но поскольку он почти всегда ходил в гражданском, Ринье не знал его звания и никогда не называл его «сэр». Для него было достаточно называть вора воров.

– Доктор, в военное время армия имеет право истребовать любое гражданское оборудование. Кроме того, вы, например, не отшлифовали ни одного сегмента зеркала, не придумали ни единого винтика для «Хаббла II». Вы здесь только затем, чтобы порадоваться его успеху; так что не вам предъявлять претензии. – Фицрой зевнул, как будто общение с этой группой умников его утомило.

– Но не будь нас, он бы вообще никому не был нужен! Гражданское оборудование? Он может заглянуть за край Вселенной – но вы, близорукие типы, хотите пялиться всего лишь на ближайшую звезду!

– Как я уже сказал, идет война. Война во имя защиты человечества. Даже если вы забыли, что вы американец, вы хотя бы помните, что вы человек?

Ринье вздохнул и кивнул, но тут же досадливо покачал головой.

– Но что вы рассчитываете увидеть? Вы ведь осознаете, что планету трисоляриан он разглядеть не в состоянии!

Теперь вздохнул Фицрой:

– Что там планета... Публика убеждена, что с его помощью можно будет увидеть трисолярианский флот!

– Замечательно! – отозвался Ринье. В темноте его лицо было плохо видно, но Фицрой почувствовал в этом слове неприкрытое ехидство. Ему стало неудобно – как от этого сарказма, так и от резкого запаха, которым несло со стороны стартовой площадки.

– Доктор, вы должны понимать, что это означает.

– Если люди возлагают такие большие надежды на «Хаббл II», то они, наверное, не поверят в существование врага, пока не увидят трисолярианский флот собственными глазами – вот что это означает!

– И вы находите это приемлемым?

– Но вы же разъяснили народу, что это невозможно, не так ли?

– Само собой, разъяснили! Мы созвали четыре пресс-конференции, и я из кожи вон лез, втолковывая им, что, хотя «Хаббл II» на порядки превосходит любой из имеющихся телескопов, он не сможет разглядеть трисолярианский флот – тот слишком мал! Обнаружить планету

в другой звездной системе из нашей Солнечной системы – это как с восточного побережья США увидеть комара, сидящего на фонаре на западном побережье! А флот трисоляриан по размеру будет как бактерия на одной из ножек этого комара! Куда уж понятнее?

– Понятнее некуда, – согласился Ринье.

– Но что еще мы можем сделать? Народ верит, во что хочет. Я не первый год на этом посту и не видел ни одного космического проекта, который публика не поняла бы превратно.

– Я давно уже утверждаю, что военные потеряли доверие в том, что касается космоса.

– Но *вам* люди готовы поверить. Разве они не называют вас вторым Карлом Саганом? Вы неплохо заработали на ваших популярных книжках по космологии. Поддержите нас. Об этом просят военные, и я официально передаю вам их просьбу.

– Мы договариваемся об условиях в частном порядке?

– Нет никаких условий! Это ваш долг как американца. Как землянина.

– Дайте мне чуть больше времени для наблюдений. Я много не прошу. Поднимите мою долю до двадцати процентов. Договорились?

– Вы и так отлично справляетесь при ваших двенадцати с половиной процентах – и даже их никто не может гарантировать в будущем. – Фицрой ткнул рукой в направлении стартовой площадки. След от ракеты оставил в ночном небе размытую полосу. В свете прожекторов площадки он выглядел как пятно от молока на джинсах. Неприятный запах усилился. Первая ступень ракеты работала на жидком кислороде и жидком водороде и не могла вызвать такого запаха. Что-то загорелось от потока пламени, отводимого стартовой площадкой.

– Я вам точно говорю, будет еще хуже, – заверил астронома Фицрой.

* * *

Ло Цзи показалось, что наклонная стена придавила его всем своим весом, и на мгновение его парализовало. В зале стояла полная тишина, пока чей-то тихий голос позади не позвал: «Доктор Ло, будьте добры...» Он с трудом встал и на деревянных ногах пошел на сцену. Во время этого короткого пути ему казалось, что он стал беспомощным ребенком. Как было бы хорошо, если бы кто-нибудь взял его за руку и повел вперед. Но никто не пришел к нему на помощь. Он поднялся на сцену, встал рядом с Хайнсом и повернулся к залу. Сотни пар глаз смотрели на него – глаз, которые представляли шесть миллиардов человек из более чем двухсот государств Земли.

Ло Цзи не запомнил ничего из оставшейся части сессии. В памяти осталось, что какое-то время он стоял на сцене, а потом его отвели к креслу в середине первого ряда, рядом с тремя другими Отвернувшимися. В забытии он пропустил исторический момент, когда провозгласили начало проекта «Отвернувшиеся».

А потом сессия, по-видимому, закончилась, и люди, включая трех Отвернувшихся, сидевших слева от Ло Цзи, начали расходиться. Какой-то человек, возможно, Кент, что-то прошептал ему на ухо, прежде чем уйти. Затем зал опустел, за исключением Генерального секретаря, остававшейся на трибуне. Ее легкая фигура на фоне грозного утеса будто противостояла одинокому, потерянному Ло Цзи.

– Доктор Ло, мне кажется, у вас есть вопросы. – Мягкий женственный голос Сэй отражался эхом в пустом зале, словно это говорил дух, сошедший с небес.

– Произошла какая-то ошибка? – спросил Ло Цзи. Его голос тоже звучал как неземной, принадлежащий кому-то другому.

Сэй на трибуне засмеялась. Ее смех означал: «Вы и в самом деле полагаете, что это возможно?»

– Но почему я? – недоумевал Ло Цзи.

– Вам предстоит найти свой собственный ответ на этот вопрос.

– Но я же самый обычный человек!
– Перед лицом этого кризиса мы все обычные люди. Но у каждого из нас свои обязанности.

– Никто не спрашивал моего мнения заранее. Я ничего не знал!

Сэй опять рассмеялась.

– Разве ваше имя не означает по-китайски «логика»?

– Означает.

– Тогда вы сами сообразите, почему нельзя спрашивать мнения кандидатов на такую работу, прежде чем ее поручить.

– Я отказываюсь, – уверенно сказал Ло Цзи, не давая себе труда даже задуматься над ответом Сэй.

– Как вам будет угодно.

Быстрота ее ответа ошеломила Ло Цзи. Он выждал несколько секунд и произнес:

– Я отказываюсь от должности Отвернувшегося; я отказываюсь от всех прав, которые она дает, и не принимаю ответственности, которую вы на меня возложили.

– Как вам будет угодно.

Этот простой и немедленный ответ на его заявление, легкий, как стрекоза, касающаяся воды, отключил его способность думать. Все мысли словно напрочь вымело из его разума.

– Так... я могу идти? – Это было единственное, что он смог из себя выдавить.

– Как скажете, доктор Ло. Вы можете делать все, что пожелаете.

Ло Цзи развернулся и пошел между рядами пустых кресел. Он не находил ни комфорта, ни облегчения в легкости, с которой он сбросил с себя должность и обязанности Отвернувшегося. Он исполнился чувства нереальности происходящего, как в лишенной всякой логики постмодернистской пьесе.

У выхода он обернулся и посмотрел на Сэй – та наблюдала за ним с трибуны. Она казалась такой маленькой и беспомощной на фоне утеса... Увидев, что он оглянулся, она кивнула и улыбнулась.

Он пошел дальше, через холл с маятником Фуко, демонстрирующим вращение Земли. Там его встретили Ши Цян, Кент и группа одетых в черное охранников. Все вопросительно смотрели на Ло Цзи. В их глазах он видел новое уважение и восхищение. Даже на лицах Ши Цяна и Кента, которые до этого вели себя с ним по-свойски, отражались те же чувства, которых они и не пытались скрыть. Ло Цзи молча прошел между ними дальше, в пустой вестибюль – как и тогда, когда он входил в здание ООН, в нем никого не было, кроме охранников. Как и раньше, когда он проходил мимо, они тихо шептались в свои рации. У выхода Ши Цян и Кент остановили Ло Цзи.

– Снаружи может быть опасно. Тебе нужна охрана? – спросил Ши Цян.

– Нет, не нужна. Освободите дорогу. – Ло Цзи неотрывно смотрел прямо перед собой.

– Хорошо. Мы можем лишь следовать твоим указаниям, – согласился Ши Цян и отошел в сторону. Кент сделал то же самое. Ло Цзи вышел через дверь.

Холодный воздух ударил ему в лицо. Все еще стояла ночь, но территория снаружи здания была ярко освещена уличными фонарями. Делегаты, прибывшие на специальную сессию, уже разъехались; немногие люди, остававшиеся на площади, были либо туристами, либо местными жителями. Об историческом заседании еще не сообщили в новостях, и никто Ло Цзи не узнавал; его присутствие не привлекало ничьего внимания.

Ло Цзи, Отвернувшийся, брел, как лунатик, сквозь абсурдный, нереальный мир. Потерявшись в своем трансе, он утратил способность к рациональному мышлению и не имел понятия, ни откуда идет, ни тем более куда. Ничего не соображая, он ступил на газон и приблизился к стоящей там статуе. Когда его блуждающий взор наткнулся на нее, Ло Цзи заметил, что это

был человек, перековывающий меч: «Перекуем мечи на орала»¹⁶ – подарок ООН от бывшего СССР. В уме Ло Цзи мощная композиция, образованная молотом, дюжим молотобойцем и выгнутым мечом, придавала скульптуре оттенок воинственности.

А затем молотобоец жестоко и яростно ударил Ло Цзи прямо в грудь. Удар повалил его на землю; он потерял сознание прежде, чем коснулся травы. Но потрясение быстро прошло, и вскоре он частично очнулся, чувствуя боль и головокружение. Ему пришлось зажмуриться из-за множества направленных на него ярких фонариков. Затем круги света отдалились, и он увидел над собой лица людей. В черном облаке тумана и боли он узнал голос Ши Цяна, говоривший:

– Так как насчет охраны? Мы можем лишь следовать твоим указаниям!

Ло Цзи слабо кивнул. Все остальное промелькнуло как вспышка. Он почувствовал, что его укладывают на что-то, похожее на носилки, потом носилки поднимают. Его окружала тесная группа людей; он как бы находился в яме, стены которой были образованы человеческими телами. Из этой ямы он видел лишь темное ночное небо; только мелькание ног окружающих его людей говорило ему, что они движутся. Вскоре яма исчезла, как и небо над ним; их заменил освещенный потолок кареты «Скорой помощи». Он почувствовал кровь во рту. Его вырвало. Кто-то рядом аккуратно и привычно принял рвоту – кровь и остатки самолетной еды – в пластиковый пакет. Потом кто-то приложил к его лицу кислородную маску. Когда ему стало легче дышать, он почувствовал себя немного лучше, хотя грудь по-прежнему болела. Он ощутил, что его одежду разрезают на груди, и в ужасе представил себе алую кровь, бьющую из раны. Но он не угадал, поскольку его не стали перевязывать, только накрыли одеялом. Через небольшое время карета остановилась. Его вынесли наружу; над ним промелькнуло ночное небо, за которым последовали светлые потолки больничных коридоров, сменившиеся потолком палаты срочной помощи, а затем красной светящейся дугой компьютерного томографа. Время от времени над ним склонялись лица докторов и медсестер; эти люди причиняли ему боль, ощупывая и исследуя его грудь. Наконец он увидел над собой потолок обычной палаты, и все успокоилось.

– Одно сломанное ребро и небольшое внутреннее кровотечение. Это неопасно. Вы не получили серьезных ранений, но вам необходимо отлежаться. – Доктор в очках смотрел на него сверху вниз.

На этот раз Ло Цзи не стал тянуть со снотворным. Медсестра помогла ему принять таблетки, и он быстро заснул. Во сне у него перед глазами мелькали две картины: трибуна зала заседаний ООН, нависающая над ним, как скала, и молотобоец из «Перекуем мечи на орала», снова и снова бьющий его молотом. Потом он набрел на тихий сугроб глубоко в своем сердце и вошел в скромный снаружи, изящно обставленный домик. Созданная им Ева, сидевшая возле камина, встала ему навстречу. Ее прекрасные глаза были полны слез... Он проснулся и обнаружил слезы в своих собственных глазах и мокрое пятно на подушке. В палате царил полумрак; поскольку Она не появлялась, когда Ло Цзи бодрствовал, он снова заснул, в надежде вернуться в домик. Но на этот раз он спал без сновидений.

Проснувшись в следующий раз, Ло Цзи понял, что спал долго. Он отлично отдохнул. В груди все еще пульсировала боль, но он верил, что его ранение несерьезно. Когда он попытался присесть в кровати, медсестра-блондинка не остановила его, а просто поправила ему подушку, чтобы было легче на нее опираться. Через некоторое время пришел Ши Цян и сел возле постели.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он. – В меня три раза стреляли, когда я носил пуленепробиваемый жилет. Неприятно, но не смертельно.

– Да Ши, вы спасли мне жизнь, – слабым голосом признал Ло Цзи.

¹⁶ Скульптура Е. В. Вучетича, копия которой стоит во дворе Третьяковской галереи на Крымском Валу. (Прим. перев.)

Ши Цян отмахнулся.

– А, мы сами виноваты – не приняли своевременных и эффективных мер защиты. Мы ведь обязаны слушаться твоих указаний. Ну да теперь все в прошлом.

– А трое других?

Ши Цян сразу понял, о ком говорит Ло Цзи.

– С ними все в порядке. Они не настолько беспечны, чтобы разгуливать в одиночестве.

– ОЗТ хочет нас всех убить?

– Вероятно. Киллера задержали. Хорошо, что мы следовали позади и держали «змеиные глаза» наготове.

– Что держали наготове?

– Это высокоточная радарная система, которая быстро вычисляет позицию снайпера по траектории пули. Имя стрелка уже известно. Профессиональный военный из ополчения ОЗТ. Мы и думать не могли, что он осмелится напасть в центре города. Практически самоубийца.

– Я хотел бы увидеться с ним.

– С кем? Со стрелком?

Ло Цзи кивнул.

– Нет проблем. Но это выходит за рамки моих полномочий. Я только отвечаю за охрану. Я передам твоё требование. – Ши Цян повернулся и вышел. Он теперь выглядел более аккуратным и более осторожным, в отличие от бесшабашного персонажа, которого он играл раньше. Ло еще не привык к его новому образу.

Ши Цян вскоре вернулся и сообщил:

– Ты можешь с ним встретиться здесь или в любом другом месте. Доктор уверяет, что тебе можно ходить.

Ло Цзи хотелось ответить, что он предпочел бы другое место. Он даже слегка привстал, но потом, сообразив, что прикинуться больным будет полезнее, лег обратно.

– Я встречусь с ним прямо здесь.

– Они уже выехали; придется подождать. Почему бы тебе не перекусить? Ты ел последний раз в самолете, сутки назад. Я все устрою. – И он снова вышел.

Молодого человека приятной европейской наружности ввели, когда Ло Цзи закончил с едой. Самой заметной чертой снайпера была улыбка – она никогда не исчезала и казалась приклеенной. На нем не было наручников; но когда он вошел, два человека, по виду профессиональные охранники, сели на стулья, а еще два встали в дверях. Прицепленные к костюмам бейджики сообщали, что они офицеры СОП.

Ло Цзи попытался прикинуться полумертвым, но стрелок сразу раскусил его игру.

– Доктор, вы же не настолько плохо себя чувствуете? – Он улыбнулся, но другой улыбкой, появившейся поверх его постоянной, как тончайшая пленка нефти на воде. – Мне очень жаль.

– Вам жаль, что вы пытались убить меня? – Ло Цзи поднял голову с подушки, чтобы взглянуть на нападавшего.

– Мне жаль, что я вас не убил, сэр. Не думал, что вы пойдете на подобное заседание в пуленепробиваемой одежде. Не представлял, что вы будете так старательно беречь свою жизнь. Иначе я бы воспользовался бронебойными пулями или просто выстрелил бы вам в голову. Мое задание было бы выполнено, а вы освободились бы от своего – от противоестественного, немыслимого поручения, которое обычному человеку не по силам.

– Я уже освободился от него. Я подал заявление Генеральному секретарю, в котором отказался от работы Отвернувшегося, от всех его прав и обязанностей. Генеральный секретарь согласилась от лица ООН. Конечно, вы этого не знали, когда пытались меня убить. Ваша организация попусту израсходовала киллера.

Улыбка на лице стрелка стала ярче – словно на мониторе, которому прибавили яркости.

– Ну и шутник же вы!

– О чем это вы? Я говорю правду. Если вы мне не верите...

– Я вам верю, но тем не менее вы шутник, – ответил стрелок, по-прежнему с широкой улыбкой на лице. Сейчас Ло Цзи заметил эту улыбку лишь мимоходом, но скоро она навсегда отпечатается в его мозгу, будто выжженная каленым железом. Эта улыбка станет сопровождать ему всю оставшуюся жизнь.

Ло Цзи покачал головой и, ничего не ответив, со вздохом опустился на подушку.

Стрелок заговорил снова:

– Доктор, у нас не так уж много времени. Я полагаю, что вы вызвали меня сюда не ради детских шуточек.

– Я все еще не понимаю, что вы имеете в виду.

– Если так, то вы недостаточно умны, чтобы быть Отвернувшимся, доктор Ло Цзи. Вы не настолько логичны, как предполагает ваше имя. Похоже, я и впрямь отдал свою жизнь впустую. – Стрелок обернулся к двум охранникам, стоявшим наготове позади: – Джентльмены, я полагаю, мы можем идти.

Охранники бросили вопросительный взгляд на Ло Цзи. Тот махнул рукой, и стрелка вывели.

Ло Цзи присел в постели и задумался о словах убийцы. У него было чувство, что что-то не так, но он не знал, что именно. Он встал с постели и сделал пару шагов; не чувствовалось никаких повреждений, кроме тупой боли в груди. Он подошел к двери и выглянул наружу. Охранники с автоматами, сидевшие у порога, тотчас же встали, и один из них заговорил в рацию на плече. Ло Цзи увидел ярко освещенный, чистый коридор, совершенно пустой, если не считать еще двух вооруженных охранников вдали. Он закрыл дверь, подошел к окну и отодвинул занавеску. С высоты он мог видеть множество вооруженных до зубов солдат, стоящих у дверей больницы. Два зеленых военных грузовика были припаркованы перед входом. Он не видел больше никого, за исключением медицинских работников, порой пробегающих в своих белых халатах. Присмотревшись внимательнее, он заметил двоих людей на крыше здания напротив; они рассматривали окрестности в бинокли, а рядом лежала снайперская винтовка. Он был уверен, что подобные снайперские пары были и на крыше его собственного здания.

Охранники не были полицейскими. Здесь явно задействована армия.

Он позвал Ши Цяна.

– Больница находится под усиленной охраной? – спросил он.

– Да.

– Что произойдет, если я попрошу убрать охрану?

– Мы выполним твою просьбу. Но я советую так не делать. Сейчас это опасно.

– На кого вы работаете? За что вы отвечаете?

– Я работаю на Совет обороны планеты, в отделе безопасности, и отвечаю за твою жизнь.

– Но я больше не Отвернувшийся. Я лишь обычный человек; даже если моя жизнь в опасности, то это дело для обычной полиции. Почему же моей охраной по-прежнему занимается отдел безопасности Совета обороны планеты? И насчет отзыва или, наоборот, вызова охраны... кто дал мне такие полномочия?

Лицо Ши Цяна оставалось невыразительным, как резиновая маска.

– Нам дали такой приказ.

– Тогда... где Кент?

– За дверью.

– Пригласите его!

Ши Цян вышел, и вскоре появился Кент. К нему вернулись его изысканные манеры дипломата ООН.

– Доктор Ло, я не хотел вас беспокоить, пока вы не выздоровеете.

– Чем вы сейчас занимаетесь?

- Я отвечаю за вашу повседневную связь с Советом обороны планеты.
- Но я же больше не Отвернувшийся! – вскричал Ло Цзи. Потом, помолчав, спросил: – В новостях сообщили о проекте «Отвернувшиеся»?
- Сообщили на весь мир.
- А о моем отказе стать Отвернувшимся?
- И об этом тоже, конечно.
- Что именно сказали в новостях?
- Всего лишь следующее: «После окончания специальной сессии ООН Ло Цзи заявил о своем отказе от должности и обязанностей Отвернувшегося».
- Тогда что же вы тут делаете?
- Я отвечаю за вашу связь с СОП.
- Ло Цзи в непонимании глядел на него. Кент, похоже, носил такую же резиновую маску, как и Ши. Он был нечитаем.
- Если у вас для меня больше ничего нет, то я пойду. Отдыхайте. Вызывайте меня в любое время, – сказал Кент и повернулся к выходу. Когда он уже переступал через порог, Ло Цзи остановил его.
- Я хочу встретиться с Генеральным секретарем.
- Организация и осуществление проекта «Отвернувшиеся» возложены на Совет обороны планеты. Верховным руководителем проекта является сменный председатель СОП. Генеральный секретарь ООН не руководит СОП напрямую.
- Ло Цзи поразмыслил над этим.
- Тем не менее я хотел бы встретиться с Генеральным секретарем. У меня должны быть на то полномочия.
- Хорошо. Подождите минутку. – Кент вышел из палаты, но скоро вернулся и доложил: – Генеральный секретарь ждет вас в своем кабинете. В таком случае мы отбываем?
- На протяжении всего пути к зданию Секретариата, где на 34-м этаже располагался кабинет Генерального секретаря, Ло Цзи находился под такой плотной охраной, как если бы его везли в передвижном сейфе. Кабинет был меньше, чем он представлял себе, и обставлен весьма незатейливо; большую часть пространства занимал флаг ООН, стоявший позади рабочего стола. Сэй поднялась и обошла стол, чтобы поприветствовать Ло Цзи.
- Доктор Ло, мне хотелось посетить вас вчера в больнице, но вы видите... – Она показала на гору бумаг на столе. Единственной личной вещью там был искусно сделанный бамбуковый стаканчик для карандашей.
- Госпожа Сэй, я пришел, чтобы повторить заявление, которое сделал вам по завершении собрания, – начал Ло Цзи.
- Она кивнула, но не ответила.
- Я хочу отправиться домой. Если мне угрожает опасность, пожалуйста, сообщите об этом в полицию Нью-Йорка и возложите на них ответственность за мою безопасность. Я всего лишь обычный человек. Мне не нужна охрана от СОП.
- Сэй снова кивнула.
- Это определенно выполнимо, но я советую вам продолжать пользоваться услугами уже предоставленной вам охраны, поскольку она лучше обучена и более надежна, чем полиция Нью-Йорка.
- Пожалуйста, ответьте мне честно. Я по-прежнему остаюсь Отвернувшимся?
- Сэй вернулась к своему столу. Стоя возле флага ООН, она слегка улыбнулась Ло Цзи.
- А вы как полагаете?
- Затем она предложила ему сесть на диван.
- Он узнал эту легкую улыбку на лице Сэй. Точно такую же он видел на лице молодого убийцы; впоследствии он увидит ее в глазах и на лицах всех, с кем бы ни встретился. Эта

улыбка получит название «улыбки Отвернувшегося» и станет столь же известной, как улыбка Моны Лизы или ухмылка Чеширского кота. Улыбка Сэй его наконец успокоила; он стал спокоен впервые с того момента, когда она с трибуны ООН объявила всему миру, что он Отвернувшийся. Ло Цзи медленно шагнул к дивану, и не успел он опуститься на него, как ему все стало ясно.

«О боже!»

Ло Цзи потребовалось лишь мгновение, чтобы осознать свое истинное положение как Отвернувшегося. Сэй ведь говорила: нельзя советоваться с кандидатами прежде, чем назначить их на эту должность. А после того как им предоставят должность и полномочия, от них невозможно отказаться. Эта невозможность была вызвана не чьим-то принуждением, а холодной логикой. Сама суть проекта основывалась на том, что, когда кто-то становился Отвернувшимся, между ним и всеми обычными людьми возникал невидимый и непреодолимый барьер – и этот барьер делал любой их поступок исполненным особого значения. Именно это и означали улыбки, обращенные к Отвернувшимся:

«Как мы можем знать, начали вы уже свою работу или нет?»

Он теперь понимал, что задача Отвернувшихся была намного необычнее, чем любая другая за всю историю человечества. Логика этой задачи была холодной и извращенной, но столь же прочной, как те цепи, что удерживали Прометея. Это было неустранимым проклятием, и ни один Отвернувшийся не мог самостоятельно от него освободиться. Как бы он ни боролся, ответом была бы все та же «улыбка Отвернувшегося»:

«Откуда же нам знать, работаете вы уже или нет?»

Его сердце забилося в таком гневе, какого он еще никогда не испытывал. Ему хотелось истерически заорать; ему хотелось послать по матери и Сэй, и ООН, и всех делегатов той специальной сессии, и СОП, и лично каждого человека на Земле, и даже трисоляриан, хотя у тех, скорее всего, не было матерей. Он хотел разбушеваться и изломать всю мебель, разметать бумаги, глобус и стаканчик для карандашей на столе Сэй, а потом порвать в клочья голубой флаг ООН... Но он все же сообразил, где он и перед кем находится, овладел собой и встал... чтобы тотчас же тяжело упасть обратно на диван.

– Почему выбрали именно меня? – простонал Ло Цзи, закрывая руками лицо. – У меня нет квалификации по сравнению с другими тремя. У меня нет таланта и нет опыта. Я никогда не видел войны, не говоря уж о руководстве страной. Ученый из меня липовый. Я всего лишь профессор университета, который пробавляется сочинением никудышных статей. Я живу одним днем. Я не хочу иметь детей, и меня не интересует выживание человеческой цивилизации... Почему же выбрали меня? – Под конец этой речи он вскочил с дивана.

Улыбка Сэй погасла.

– По правде говоря, доктор Ло, нас это тоже озадачило. И по этой причине у вас среди всех Отвернувшихся будет самый ограниченный доступ к ресурсам. Выбор вашей кандидатуры – это крупнейшая авантюра в истории.

– Но должна же быть причина, по которой меня выбрали!

– Такая причина есть, но только косвенная. Истинной причины не знает никто. Как я уже сказала, вам придется самому найти ответ.

– Ну хорошо... А косвенная причина какая?

– Мне очень жаль, но у меня нет полномочий вам ее назвать. Уверена, что в свое время вы ее узнаете.

Ло Цзи почувствовал: больше говорить не о чем. Он повернулся и пошел к двери, но на пороге спохватился, что не попрощался. Он обернулся. Как и тогда в зале, Сэй с улыбкой кивнула ему. На этот раз он знал, что означает эта улыбка.

Сэй проговорила:

– Было очень приятно снова встретиться с вами. Но впредь вы будете работать в рамках СОП, и вашим руководителем будет сам сменный председатель СОП.

– Вы не очень-то верите в меня, так? – спросил Ло Цзи.

– Я уже сказала – ставка на вашу кандидатуру связана с огромным риском.

– Тогда вы правы.

– Я была права в том, что рискнула?

– Нет. Правы в том, что мало на меня надеетесь.

И он вышел из кабинета, так и не попрощавшись. Опять в том же состоянии, в каком был после назначения Отвернувшимся, Ло Цзи в прострации брел по коридору. Дошел до лифта, спустился в вестибюль на первом этаже, вышел из здания Секретариата и еще раз оказался на площади Объединенных наций. Его окружила охрана; он пару раз нетерпеливо толкался, но они прилипли к нему, как магниты, и следовали за ним, куда бы он ни направлялся. Время было дневное; Ши Цян и Кент подошли к нему посреди залитой солнцем площади и попросили либо войти обратно в здание, либо как можно скорее сесть в машину.

– Я что, до конца дней своих больше не увижу солнца? – спросил он Ши Цяна.

– Не в этом дело. Окрестности проверены, здесь относительно безопасно. Но вокруг много посетителей, и все они вас знают. Работать с толпой сложно, да вам, наверное, это и ни к чему.

Ло Цзи огляделся. Вроде бы пока никто не обращал внимания на их небольшую компанию. Он направился к зданию Генеральной ассамблеи ООН и вступил в него во второй раз. Он знал, чего хочет и куда ему идти. Миновав пустой балкон, он увидел разноцветную панель витража. Повернув налево, он вошел в Комнату медитации и закрыл за собой дверь. Ши Цян, Кент и охранники остались снаружи.

* * *

Когда он снова увидел продолговатый блок железной руды, первым его инстинктом было разбить об него голову и положить всему конец. Но вместо того он лег на гладкую поверхность камня, прохлада которого несколько остудила его раздражение. Он чувствовал жесткость минерала и вдруг вспомнил о задачке, предложенной его школьным учителем физики: как сделать постель из мрамора такой же мягкой, как дорогой матрас? Ответ: вырежьте в мраморе углубление такой же формы, как ваше тело. Когда ляжете в это углубление, давление распределится равномерно, и мрамор покажется мягким. Он закрыл глаза и представил себе, что тепло его тела плавит железную руду под ним и образует такое углубление... Постепенно это его успокоило. Через некоторое время он открыл глаза и посмотрел на голый потолок.

Комнату медитации разработал Даг Хаммаршельд, второй Генеральный секретарь ООН. Он считал, что в здании должно быть место для размышлений, удаленное от зала Генеральной ассамблеи, где творят историю. Ло Цзи не знал, медитировал ли здесь кто-нибудь из руководителей стран или послов в ООН. Но наверняка Хаммаршельд, умерший в 1961 году и сам бывший «Смотрящим в стену», не мог предполагать, что здесь когда-нибудь будет грезить другой Отвернувшийся...

Ло Цзи почувствовал, как его снова затягивает в логическую ловушку. И снова он был убежден, что не сможет освободиться.

Тогда он стал размышлять о мощи, которая теперь находилась в его руках. Сэй назвала его наименьшим среди Отвернувшихся, но он, без сомнения, мог распоряжаться огромными ресурсами. Важнее всего было то, что ему не нужно было никому ничего объяснять. Наоборот, существенным условием его деятельности была необходимость действовать так, чтобы никто не понимал его намерений. Более того, ему следовало стремиться к непониманию. Никогда еще в истории человечества никто не получал таких полномочий! Возможно, абсолютные монархи

давно ушедших времен и могли делать все, что пожелают, но даже они в конце концов вынуждены были давать отчет в своих действиях.

«Если все, что у меня есть – вот такая странная власть, то почему бы ею не воспользоваться?» – подумал Ло Цзи и сел на камне. Потратив еще немного времени на раздумья, он решил, каким будет его следующий шаг.

Он слез с жесткого каменного ложа, открыл дверь и попросил о встрече с председателем СОП.

Действующий председатель СОП, русский по фамилии Гаранин, был плотным, седобородым пожилым человеком. Его кабинет находился этажом ниже кабинета Генерального секретаря. Ло Цзи вошел, когда председатель прощался с несколькими посетителями, половина которых была в военной форме.

– А, доктор Ло. Я слышал, что у вас были небольшие неприятности, поэтому не спешил поговорить с вами.

– Чем занимаются трое других Отвернувшихся?

– Созданием своих отделов. Я и вам посоветовал бы заняться этим без промедления. Я пришлю советников, они вам помогут.

– Мне не понадобится свой собственный отдел.

– Да? Ну если вы полагаете, что так будет лучше... Если понадобится, то его всегда можно будет организовать.

– У вас найдутся бумага и карандаш?

– Разумеется.

Глядя на бумагу, Ло Цзи спросил:

– Господин председатель, вы когда-нибудь видели сон?

– Какой именно?

– Например, что вы живете в некоем идеальном месте?

Гаранин встряхнул головой и криво улыбнулся:

– Я только вчера прилетел из Лондона. Работал все время полета. По прибытии поспал чуть меньше двух часов, а затем должен был торопиться на работу. Когда закончатся сегодняшние заседания СОП, я вылетаю ночным рейсом в Токио... Вся моя жизнь проходит в спешке; я бываю дома не больше трех месяцев в году. Какой толк мне мечтать о таком?

– Я часто вижу такие места в своих снах. Я выбрал самое прекрасное. – Ло Цзи взял карандаш и начал рисовать. – Это простой карандаш, цвета на рисунке нет, поэтому его нужно представить. Видите горы с заснеженными вершинами, вот здесь? Они крутые, как мечи богов, как клыки земли, и отливают матовым серебром на фоне синего неба. Просто невероятно...

– А, – Гаранин внимательно смотрел на рисунок. – Там очень холодно.

– А вот и нет! Территория ниже уровня снегов не должна быть холодной. Это важно! Лучше, если это будет субтропический климат. Перед горами разливается широкое озеро, и вода в нем даже голубее, чем небо, – такая же голубая, как глаза вашей жены...

– У моей жены черные глаза.

– Ну хорошо, вода в озере до того темно-синяя, что выглядит черной. Это даже лучше. Вокруг озера есть леса и луга, но запомните, должны быть и те, и другие, не только что-то одно. Вот такая это территория: заснеженные верхушки, озеро, леса, луга. И все это в нетронutom, первозданном состоянии. Увидев это место, вы подумаете, что человек никогда не ступал на Землю. Вот здесь, на траве возле озера, постройте дом. Необязательно большой, но он должен быть полностью оборудован для современной жизни. Стил ь может быть или классическим, или модерн, но он должен дополнять собой естественное окружение. Нужны также соответствующие удобства – фонтаны, плавательный бассейн, – чтобы хозяин этой усадьбы мог жить приятной жизнью аристократа.

– И кто же будет этим хозяином?

– Я.

– Что вы собираетесь там делать?

– Прожить жизнь в покое.

Ло Цзи ожидал, что Гаранин ответит какой-нибудь грубостью. Но председатель с серьезным видом кивнул:

– Комиссия проведет аудит, и мы сразу же приступим к работе.

– Ни вы, ни ваша комиссия не потребуете обоснования?

Гаранин пожал плечами:

– Наша комиссия может задавать вопросы Отвернувшимся только в двух случаях: превышение бюджета и вред, причиненный людям. Любые другие вопросы будут нарушением духа проекта «Отвернувшиеся». И, честно говоря, Тайлер, Рей Диас и Хайнс уже разочаровали меня. Глядя на их инициативы за последние два дня, можно сразу сказать, чего они хотят добиться своими начинаниями. Вы отличаетесь от них. Ваше поведение сбивает с толку. Вот таким и должен быть Отвернувшийся.

– Вы вправду полагаете, что такое место, как я описал, существует в действительности?

Гаранин улыбнулся, подмигнул и сделал одобряющий жест.

– Мир большой; в нем найдется и такое место. Кроме того, честно говоря, я видел его раньше.

– Это в самом деле замечательно. Пожалуйста, позаботьтесь, чтобы я смог жить комфортной жизнью аристократа. Это необходимо для проекта.

Гаранин снова с серьезным видом кивнул.

– Да, и еще кое-что. Когда вы найдете подходящее место, не говорите мне, где оно находится.

«Нет, не говорите мне, где оно! Стоит мне узнать, где я нахожусь, как мир сужается до размера карты. Если не знаю – мир кажется мне бесконечным».

Гаранин снова кивнул с видимым удовлетворением.

– Доктор Ло, у вас есть еще одна особенность, которая согласуется с моим представлением об Отвернувшемся. Ваш проект требует самых незначительных затрат из всех четырех – по крайней мере, на данный момент.

– Если так, то мне никогда не потребуются большие вложения.

– Тогда вы станете сущим благословением для тех, кто сменит меня на этой должности. Деньги – это такая головная боль... У отделов, которым предстоит выполнять это задание, к вам могут возникнуть вопросы по отдельным деталям. Например, дом...

– А, дом, – спохватился Ло Цзи. – Я забыл одну очень важную деталь.

– Продолжайте.

Ло Цзи тоже улыбнулся и подмигнул – совсем по-гаранински:

– В доме должен быть камин.

* * *

После похорон отца Чжан Бэйхай с У Юэ еще раз наведались в сухой док. Строительство «Тана» было полностью остановлено. Искры электросварки больше не сияли на обшивке; на всем гигантском корабле, стоящем под полуденным солнцем, не было никаких признаков жизни. И вновь эта картина напомнила о ходе времени.

– Кончено. Корабль мертв, – сказал Чжан Бэйхай.

– Твой отец был одним из мудрейших адмиралов среди высшего командования флота. Если бы он оставался с нами, то, может быть, я не попал бы в такой переплет, – ответил У Юэ.

– Твое пораженчество выстроено на рациональном фундаменте или, по крайней мере, ты так полагаешь. Поэтому я не думаю, что кто-то может развеять твои страхи. Я здесь не для извинений, У Юэ. Я знаю, что ты не питаешь ко мне ненависти из-за того инцидента.

– Я хотел бы поблагодарить тебя, Бэйхай. Ты вытащил меня оттуда.

– Ты можешь вернуться во флот. Работа будет как раз по тебе.

У Юэ медленно покачал головой.

– Я уже подал документы – увольняюсь с военной службы. Что бы я делал, если бы вернулся? Строительство новых эсминцев и фрегатов остановлено, и для меня больше нет места во флоте. Сидеть в кабинете в штабе? Ни за что. Кроме того, я вообще плохой солдат. Солдат, который согласен воевать только в победоносной войне, не годится в солдаты.

– Нам не доведется увидеть ни победы, ни поражения.

– Но ты веришь в победу, Бэйхай. Я очень завидую тебе вообще-то. В наши дни такая вера, как у тебя, – это верх счастья для военного. Ты и в самом деле сын своего отца.

– Есть ли у тебя какие-нибудь планы на будущее?

– Нет. Я чувствую себя так, будто моя жизнь закончилась. – У Юэ показал на застывший вдали «Тан». – Вот как этот корабль, закончивший свой путь еще до его начала.

Со стороны верфи донесся низкий гул, и «Тан» медленно пришел в движение. Авианосец решили спустить на воду досрочно, чтобы освободить док. Потом корабль на буксире отведут в другой док для утилизации. Когда острый нос «Тана» разрезал волну, Чжан Бэйхай и У Юэ ощутили отзвук гнева в его массивном корпусе. Корабль энергично входил в воду, поднимая огромные волны. Другие суда в порту раскачивались, как бы приветствуя его. «Тан» понемногу продвигался вперед, тихо радуясь объятиям моря. За свою короткую жизнь гигантский корабль по крайней мере один раз все-таки встретился с океаном.

* * *

В виртуальном мире «Трех тел» стояла глубокая ночь. За исключением нескольких огоньков звезд, все было залито чернильной темнотой. Не было видно даже горизонта.

– Администратор, запустите Эру Стабильности. Разве вы не видите, что у нас идет собрание? – крикнул кто-то.

Голос администратора шел как бы с самого неба:

– Не могу. Эра задается случайно, алгоритмами базовой модели, ее нельзя запустить с консоли.

Другой голос из темноты произнес:

– Тогда ускорьте время и найдите какой-нибудь устойчивый дневной свет. Всего-то!

Мир замелькал, солнца замельтешили по небу. Вскоре течение времени замедлилось до нормального, и над миром загорелось одно стабильное солнце.

– Вот. Не знаю, надолго ли, – объявил администратор.

Солнце освещало группу людей на равнине; лица некоторых было легко узнать: царь Вэнь из дома Чжоу, Ньютон, фон Нейман, Аристотель, Мо-цзы, Конфуций, и Эйнштейн. Стоя поодаль, они повернулись к Цинь Шихуанди, который расположился на камне, пристроив свой огромный меч на плече.

– Я говорю не только от себя, – приступил он. – Я выступаю от имени центрального руководства, от имени Семерых.

– Тебе не стоило бы заговаривать о новом руководстве, пока с ним не определились, – сказал кто-то. Остальные начали переговариваться.

– Довольно! – Цинь Шихуанди с усилием поднял меч. – Отложим проблему руководства и перейдем к более срочным вопросам. Нам всем известно о начале проекта «Отвернувшиеся» – попытке человечества задействовать персональное, закрытое от других стратегиче-

ское мышление, чтобы воспрепятствовать наблюдению софонов. Поскольку открытый разум нашего Господа не способен разобраться в этом лабиринте, у человечества появилось преимущество. Четыре Отвернувшихся представляют угрозу для Господа. В соответствии с резолюцией ранее проведенного закрытого совещания мы должны немедленно начать проект «Разрушители».

После этих слов воцарилось молчание – ни у кого не было возражений.

Цинь Шихуанди продолжил:

– Мы назначим одного Разрушителя к каждому Отвернувшемуся. Отвернувшимся доступны все ресурсы планеты; мы дадим Разрушителям все, что есть у нашего общества. Но их основным инструментом будут софоны, которые предоставят информацию обо всех действиях Отвернувшихся. Единственным оставшимся секретом Отвернувшихся будут их мысли. Задача Разрушителей будет состоять в анализе с помощью софонов как открытых, так и тайных действий Отвернувшихся. Предстоит расшифровать их подлинные намерения и их стратегические планы как можно скорее. А теперь руководство назначит Разрушителей.

Цинь Шихуанди протянул руку с мечом и, как при посвящении в рыцарское звание, коснулся им плеча фон Неймана.

– Вы – первый Разрушитель, – объявил он. – Вы Разрушитель Фредерика Тайлера.

Фон Нейман преклонил колени и прижал в салюте левую ладонь к правому плечу:

– Я принимаю поручение.

Цинь Шихуанди коснулся мечом плеча Мо-цзы:

– Вы – второй Разрушитель. Вы Разрушитель Мануэля Рей Диаса.

Мо-Цзы не встал на колени, а выпрямился и горделиво кивнул:

– Я стану первым, кто пробьет стену Отвернувшегося.

Меч коснулся плеча Аристотеля:

– Вы – третий Разрушитель. Вы разрушитель Билла Хайнса.

Аристотель тоже не преклонил колени. Он оправил свой хитон и с умным видом произнес:

– Да, только я способен сломать его стену.

Цинь Шихуанди вернул меч на плечо и осмотрел собравшихся.

– Хорошо. Теперь у нас есть Разрушители. Вы, как и Отвернувшиеся, являетесь элитой элит. Да пребудет с вами Господь! Вам предоставят доступ к гeбepнaции, и вы начнете долгое путешествие вместе с Отвернувшимися к последнему дню человечества.

– Я не думаю, что потребуется гeбepнaция, – заметил Аристотель. – Я смогу завершить поручение до конца моего естественного срока жизни.

Мо-цзы закивал, соглашаясь:

– Когда я начну разваливать стену моего Отвернувшегося, я встречу с ним лицом к лицу. Я буду наслаждаться, глядя, как его дух погрязает в страхе и безысходности.

Фон Нейман тоже пожелал лично встретиться со своим Отвернувшимся:

– Мы сорвем маски со всех секретов человечества, которое оно скрывает от софонов. Это последнее, что мы можем сделать для Господа; потом нам незачем будет существовать.

– А что насчет Разрушителя для Ло Цзи? – спросил кто-то.

Этот вопрос навел Цинь Шихуанди на какую-то мысль. Он воткнул меч в землю и надолго задумался. Заходящее солнце внезапно ускорило, и тени удлинились до горизонта. Наполовину зайдя, солнце поменяло направление движения и несколько раз поднялось и опустилось вблизи горизонта, как блестящая спина кита, всплывающего из черного океана. Гигантская равнина и кучка людей – все, что существовало в этом мире, – то освещались, то погружались во мрак.

– Ло Цзи – сам себе Разрушитель. Ему нужно понять, какую именно угрозу он представляет для Господа, – наконец произнес Цинь Шихуанди.

- Что нам известно о Ло Цзи? Он представляет опасность? – спросил кто-то.
- Нам ничего не известно. Господь и Эванс знали. Эванс научил Господа хранить тайну. Эванс мертв. У нас нет ответа на этот вопрос.
- Кто-то неуверенно спросил:
- Является ли Ло Цзи самой серьезной угрозой среди четырех Отвернувшихся?
- Этого мы тоже не знаем. Очевидно только одно, – ответил Цинь Шихуанди, глядя на небосвод, меняющий синий цвет на черный. – Из всех четырех Отвернувшихся он единственный, кто напрямую противостоит Господу.

Рабочее совещание,

Политический отдел космических сил

Чан Вэйсы открыл совещание, но долгое время оставался безмолвным, чего раньше с ним никогда не случалось. Он пробежался взглядом по двум рядам политических офицеров за столом совещаний, затем посмотрел куда-то вдаль, слегка постукивая карандашом по столу. Стук карандаша, похоже, действовал как метроном для его мыслей. Наконец он закончил свои раздумья.

– Товарищи, вчера был обнародован приказ Центральной военной комиссии. Я назначен командующим Политическим отделом вооруженных сил. Я принял назначение еще неделю назад, но сейчас, когда мы сидим за одним столом, меня раздрают противоположные чувства. Я только что осознал, насколько трудна работа, которая вам досталась. И теперь я сам принадлежу к вашему числу. Я раньше этого не понимал и прошу меня простить.

Он раскрыл лежащую перед ним папку.

– Эта часть совещания пройдет без протокола. Товарищи, давайте честно обменяемся мнениями. Станем ненадолго трисолярианами и раскроем наши мысли друг другу. Это чрезвычайно важно для нашей будущей работы.

Чан Вэйсы обвел взглядом лица офицеров, останавливаясь на каждом на пару секунд. Все хранили молчание. Тогда он поднялся и принялся ходить вдоль стола за спинами сидящих военнослужащих.

– Наш долг – взрастить в наших солдатах уверенность в будущей победе. Но есть ли такая уверенность у нас самих? Поднимите руки те, у кого она есть. Не забывайте, мы делимся тем, что у нас на уме.

Никто не поднял руку. Почти все уперли взгляды в стол. Но Чан Вэйсы заметил, что взор одного человека был направлен прямо перед собой. Это был Чжан Бэйхай.

Генерал продолжил:

– Верите ли вы, что победа возможна? Под возможностью я понимаю не какие-то случайные доли процента, а серьезные, практические шансы.

Чжан Бэйхай поднял руку. Никто не последовал его примеру.

– Прежде всего благодарю всех за честность, – сказал Чан Вэйсы и повернулся к Чжан Бэйхаю. – Замечательно, товарищ Чжан. Сообщи нам, на чем основана твоя уверенность в победе?

Чжан Бэйхай встал, но Чан Вэйсы жестом указал ему сесть:

– Это не официальное совещание, – пояснил он. – Мы просто ведем откровенный разговор.

Чжан Бэйхай продолжал стоять навтыжку:

– Командующий, у меня не получится объяснить все лишь парой слов. Выработка уверенности – это долгий и сложный процесс. Прежде всего я хотел бы отметить одно ошибочное

мнение, существующее сегодня в войсках. Все мы знаем, что до Трисолярианского кризиса мы предлагали рассматривать будущее любой войны с научной, рациональной точки зрения. По инерции мы и сейчас так думаем. Это особенно заметно в сегодняшних космических силах, где оно поддерживается большим количеством ученых и исследователей. Нам никогда не уверовать в победу, если мы продолжим рассматривать межзвездную войну через четыре столетия с этой точки зрения.

– Любопытно излагаете, товарищ Чжан Бэйхай, – подключился к разговору один из офицеров, полковник. – Разве твердая вера не основана на науке и логике? Никакие убеждения не могут быть стойкими, если они не основываются на объективных фактах.

– Тогда давайте снова взглянем на науку и логику. На наши собственные, не забудьте. Научные успехи трисоляриан говорят нам, что наша наука – не более чем ребенок, собирающий ракушки на пляже; ребенок, который никогда даже не видел океана истины. Те факты, которые мы видим, объясняемые нашей наукой и логикой, могут оказаться не подлинными, объективными фактами, а фантомами. И поскольку это так, нам нужно научиться выборочно отбрасывать такие наблюдения. Нам нужно держать руку на пульсе, а не смотреть на будущее сквозь призму технологического детерминизма и механистического материализма.

– Очень хорошо, – заметил Чан Вэйсы и подал знак продолжать.

– Мы обязаны создать веру в победу – веру, которая является основой воинского долга и воинской чести! Когда китайская армия однажды столкнулась с сильным врагом в неблагоприятных условиях, она основала твердую веру в победу на чувстве ответственности перед народом и отечеством. Я полагаю, что сегодня можно основать такую же веру на чувстве ответственности перед человеческой расой и земной цивилизацией.

– Но как же тогда нам быть с конкретной идеологической работой? – спросил один из офицеров. – В космических силах множество специализированных подразделений, и это означает, что идеология тоже сложна. Объем работы окажется неподъемным.

– Я считаю, что нам следует начать с психологической дисциплины в войсках, – предложил Чжан Бэйхай. – Вот вам общая картина. На прошлой неделе я посещал личный состав, переведенный в наше подчинение из ВВС и из морской авиации. Я обнаружил, что повседневная работа с военнослужащими ведется спустя рукава. А вот одна деталь: учащаются случаи нарушения военной дисциплины. Положено было уже полностью перейти на летную форму одежды, но многие в штабе по-прежнему носят зимнюю. Такие умонастроения надо срочно перебороть. Смотрите сами, космические силы превращаются в Академию наук. Конечно, нельзя отрицать, что именно быть академией и является в настоящий момент задачей космических сил. Но мы не должны забывать, что мы армия и что мы армия в военное время!

Беседа продолжалась еще какое-то время, а потом Чан Вэйсы вернулся в свое кресло.

– Благодарю вас. Я надеюсь, мы и впредь будем устраивать такие откровенные разговоры. А теперь перейдем к повестке дня официального заседания. – Он снова заметил уверенный взгляд Чжан Бэйхая; в этом взгляде была решительность, и это радовало.

«Чжан Бэйхай, я знаю, что ты веришь. Иначе и быть не может с таким отцом, как у тебя. Но не все так просто, как ты говоришь. Я не знаю, на чем основаны твои убеждения, и я даже не знаю, во что еще ты веришь. Ты совсем как твой отец. Я восхищался им, но должен признать, что так и не смог понять его».

Чан Вэйсы придвинул к себе один из документов:

– Работа над теорией войны в космосе идет полным ходом, но уже обнаружилось одно осложнение. Теорию сражения в космосе необходимо создавать, вне всякого сомнения, предполагая определенный уровень развития технологии. Но на данный момент фундаментальные изыскания только разворачиваются, и технологический прорыв случится далеко в будущем. Это значит, что наша теория не будет иметь под собой конкретного основания. Командование это учло и пересмотрело план исследований. Общую теорию военных действий в космосе раз-

делили на три части, чтобы она была применима к трем уровням технологии, которых человечество может достичь в будущем. Эти части: стратегия низких технологий, стратегия средних технологий и стратегия высоких технологий.

Ведутся работы по конкретизации этих трех уровней развития, а также по выявлению большого количества ключевых параметров в каждой научной дисциплине. Основными такими параметрами будут скорость и область действия космического корабля класса десять тысяч тонн.

Уровень низких технологий: корабль способен достичь скорости, в пятьдесят раз превышающей третью космическую¹⁷, или же около 800 километров в секунду. Корабли не имеют системы жизнеобеспечения. При таких условиях зона боевых операций ограничена внутренней частью Солнечной системы, то есть они могут разворачиваться внутри орбиты Нептуна или же в радиусе 30 астрономических единиц от Солнца.

Уровень средних технологий: корабль способен достичь скорости, в триста раз превышающей третью космическую, или же 4800 километров в секунду. Корабль оборудован минимальной системой жизнеобеспечения. При таких условиях радиус боевых операций выходит за пояс Койпера и включает в себя все пространство до тысячи астрономических единиц от Солнца.

Уровень высоких технологий: корабль способен достичь скорости, в тысячу раз превышающей третью космическую, или же 16 000 километров в секунду, что соответствует пяти процентам от световой. Корабль оборудован полной системой жизнеобеспечения. При таких условиях радиус боевых операций достигает облака Оорта¹⁸ и дает предпосылки для полета к другим звездам.

Пораженчество является самой значительной угрозой для вооруженных сил в космосе. Политические и идеологические работники космических сил будут выполнять крайне важную задачу. Политические отделы армии примут непосредственное участие в изучении теории войны в космосе, чтобы искоренять пораженчество и направлять научные исследования.

Все присутствующие на этом совещании станут членами оперативной группы по теории космических сражений. Три направления работы будут немного пересекаться, но в целом группы исследователей будут независимы. Сегодня их временно называют Институтом стратегии низких технологий, Институтом стратегии средних технологий и Институтом стратегии высоких технологий. Сейчас, на этом совещании, я хотел бы услышать от каждого из вас, какой из них вы бы выбрали. Мы используем эти данные как статистику для следующего цикла задачи заданий в Политическом отделе. Прошу каждого огласить свой выбор.

Из тридцати двух присутствующих политических офицеров двадцать четыре выбрали низкую технологию и семь – среднюю. Только один выбрал высокую – Чжан Бэйхай.

– Похоже, товарищ Чжан Бэйхай интересуется фантастикой, – сказал кто-то, вызвав разрозненные смешки.

– Мой выбор является единственной надеждой на победу. Этот уровень технологии даст человечеству шанс на создание эффективной защиты Земли и Солнечной системы, – отрезал Чжан Бэйхай.

– Мы даже не освоили еще управляемый термоядерный синтез! Разогнать боевой корабль весом десять тысяч тонн до пяти процентов скорости света? В десять тысяч раз быстрее, чем

¹⁷ Первая космическая скорость обеспечивает выход на орбиту планеты. Вторая космическая скорость требуется для преодоления притяжения планеты и ухода с орбиты. Третья космическая скорость нужна для преодоления притяжения Солнца и выхода за пределы Солнечной системы. (Прим. Дж. М.)

¹⁸ Облако Оорта – область вокруг Солнечной системы между 50 и 100 тысячами астрономических единиц от Солнца. Предполагается, что оно содержит множество объектов, состоящих из водяных, аммиачных и метановых льдов, и является источником долгопериодических комет. (Прим. Дж. М.)

имеющуюся у нас капсулу размером с автомобиль? Это даже не научная фантастика. Это фэнтези!

– Но разве у нас нет четырех столетий? Не забывайте о возможном прогрессе.

– Прогресс в фундаментальной физике невозможен.

– Да мы не используем и одного процента от возможных приложений уже существующих теорий! – ответил Чжан Бэйхай. – Я чувствую, что основная сложность на данный момент заключается в подходе к исследованиям со стороны технологического сектора. Они попусту тратят слишком много времени и денег на технологию низкого уровня. В двигателестроении, например, нет толку работать над созданием ядерного двигателя, работающего на распаде тяжелых атомов. Но сегодня они не только расходуют на него огромные силы, но даже прилагают такие же усилия к разработке химических двигателей следующего поколения! Нам следует сконцентрироваться на создании термоядерного двигателя и перейти напрямую к разработке двигателей без рабочего тела, оставляя реактивные двигатели позади. Такие же проблемы наблюдаются и в других направлениях исследований. Межзвездному кораблю, например, нужна замкнутая экосистема, и это направление работ даже не особо зависит от фундаментальной теории, тем не менее в этой области ведутся лишь незначительные исследования.

Тему подхватил Чан Вэйсы:

– Товарищ Чжан Бэйхай поставил как минимум один вопрос, заслуживающий внимания. Военные и ученые заняты своими программами и слишком мало общаются между собой. К счастью, обе стороны это понимают и планируют совместную конференцию. Они уже учредили специальные агентства для улучшения взаимодействия между обеими сторонами; они планируют создать живой диалог между разработчиками стратегии и людьми науки. Следующий шаг – направить военных представителей в различные научные центры и привлечь как можно больше ученых к изучению теории войн в космосе. Опять же, мы не можем сидеть и ждать технологического прорыва. Нам следует как можно скорее сформировать нашу собственную идеологическую стратегию, а затем осуществлять ее во всех направлениях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.